ОГОНЁК

№ 50 ДЕКАБРЬ 1965
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

КРАЙ СОЛНЦА, ПРОСТОРОВ, ЛЕГЕНД. Репортаж ведут Генрих ГУРКОВ и Николай КОЗЛОВСКИЙ.

Ян Вострак — один из организаторов и первых руководителей коллектива «Рефлектор».

КОММУНАРЫ

А. СТРОЕВ

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

В гостях у школьников рефлекторской школы бывший выпускник этой школы, ныне комендант города Праги, полковник Ладислав Килиян.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

43-й год издания

№ 50 (2007)

12 ДЕКАБРЯ 1965

Среди писем, присланных на конкурс «Огонька», посвященный советско-чехословацкой дружбе, было одно, из Саратова. Написал его Индрих Клоуда. Письмо опубликовали в «Огоньке» № 14 за этот год; рассказывалось в нем о судьбах чехов, которые, приехав в Советский Союз, основали на Саратовщине коммуну «Рефлектор». И вот недавно на празднование 40-летнего юбилея колхоза «Рефлектор» приехали из Чехословакии друзья, бывшие коммунары. Сегодня мы публикуем репортаж об этой встрече.

Граница. В вагон вошло несколько польских жандармов. Молоденький офицерик равнодушно следил за обычными формальностями. Он знал, что у этой нищеты документы будут в порядке. Когда досмотр был окончен, он показал на красный флаг, бьющийся над эшелоном.

— Это снимите.

И, ткнув пальцем в ящик с голубями, которых везли с собой в СССР дети, кивнул жандармам:

— Конфисковать!

Так, на колесах, началась романтическая история колхоза «Рефлектор», того, что сейчас в Саратовской области, в Ершовском районе.

Если быть точным, то история эта началась раньше месяцев на восемь, когда в Праге несколько десятков чешских рабочих объединились в коммуну по ремонту сельскохозяйственных орудий. Заветной мечтой коммунаров было уехать в Советскую Россию и основать там земледельческое товарищество. Тайком они собирались у себя в Смихове и долго обсуждали детали переезда, свою будущую жизнь в молодой Республике Советов.

— Землю нам, конечно, дадут!

— Да, Россия — страна большая, не то что у нас — каждый клочок своего пана имеет.

— А вот как быть с техникой?

— Наверное, будет и техника. Не сразу, конечно.

— Нет, нет, друзья. Так не годится. Просить у Совнаркома мы не имеем права. У них самих на тракторы голод.

— Верно. Что мы будем за помощники, если сразу сядем на шею!

Решили часть личных сбережений, которые собирали годами на черный день, выделить для покупки машин. С собой в СССР они везли три маленьких подержанных трактора и оборудование для общественной мельницы. Кузнец Карел Глухий, каменщик Алоис Шара, учитель Антонин Душек, будущий председатель колхоза Ян Вострак, мельник Ярослав Трейбл — все они радовались, что едут в Россию не как погорельцы, а хоть с маленьким, но приданым.

И вот глубокой осенью 1925 года, ровно сорок лет назад, в безлесной степи закончился их долгий путь. Новоселов ожидало поле в две тысячи гектаров, к которому еще не прикасались руки земледельца. Но это бы еще ничего, главная трудность состояла в другом: ни одного строения не было на тех двух тысячах гектаров. Пришлось срочно рыть землянки. В землянках разместились семьи, правление коммуны и даже школа. Коммуна приняла мужественное решение: первые два года — никакой оплаты за труд, только питание из общественной столовой.

Гостеприимные саратовцы поделились с новоселами всем, чем могли: посевным материалом, сельскохозяйственным оборудованием и, главное, лесом — вокруг, кроме ковыля, ничего не росло. А в 1928 году Советское правительство дало колхозу кредит в 26 тысяч рублей.

...Через десять лет колхоз «Рефлектор» отпраздновал юбилей. Во время торжественной демонстрации ребятишки, родившиеся уже здесь, в саратовской степи, выпустили голубиную стаю.

А те проекты и чертежи, которые чертил, не очень-то веря в их реальность, каменщик Шара еще в Смихове, за десять лет обрели объемность и живую плоть. Со всей округи ездили сюда на мельницу колхозники молоть зерно так, как это умел только Ярослав Трейбл. Давно дымились трубы общественной кухни и пекарни. В хороший, на совесть сработанный дом переселилась школа. Правда, Антонину Душеку не пришлось учить в ней ребят: он умер. Руководство новой школой возложили на Цецилию Вострак, жену председателя колхоза.

...И вот недавно старые и нынешние коммунары отпраздновали сорок лет со дня рождения своего колхоза. Я не оговорился, назвав тех, кто работает на земле «Рефлектора» сегодня, тоже коммунарами. Взять хотя бы председателя колхоза Николая Федоровича Котельникова. Его воспитала коммуна, он учился в школе у Цецилии Семеновны Вострак. В своей работе, в своих планах на будущее он верен идеалам первого поколения рефлекторцев.

А другие колхозники? Разве их трехлетний план культурного преобразования села, с которым они должны справиться к 50-летию Октября, не свидетельство того, что эстафета передана в надежные руки? Ведь этот план не просто громкое название. Достаточно сказать, что он предусматривает переселение всех колхозных семей в новые трехкомнатные кирпичные дома с городскими удобствами. И 320 семей из 510 уже отпраздновали новоселье!

Гости интересовались всем, придирчиво осматривали хозяйство, удивлялись, спрашивали, советовали. Впрочем, слово «гости» не совсем подходит, основатели колхоза, коммунары — так вернее.

В дни колхозного юбилея распахнул двери новый Дом культуры, настоящий дворец, о каком, конечно, и не могли мечтать в «Рефлекторе» 20-х годов. Правда, тогда они тоже сделали широкий жест, решив вместо земляного пола настелить в клубе деревянный. Для этого пришлось каждому коммунару дать задание — достать одну доску. Сегодня, вместе с председателем Н. Ф. Котельниковым разрезая традиционную ленточку перед входом в новый Дом культуры, бывший председатель Ян Вострак с улыбкой вспоминал, как они отплясывали на том разноцветном и разномастном полу.

Все нынешние новоселья колхоза «Рефлектор» (а я не рассказал тут ни про стадион, ни про школу, ни про спортзал, ни про больницу) — убедительные свидетельства: идет в гору колхоз «Рефлектор».

Вот какое продолжение получила история, начавшаяся в далекие дни 1925 года в пражской мастерской по ремонту сельскохозяйственных орудий...

Председатель колхоза «Рефлектор» Николай Федорович Котельников (слева) и инженер-зоотехник Иржи Бем.

Колхозный сад.

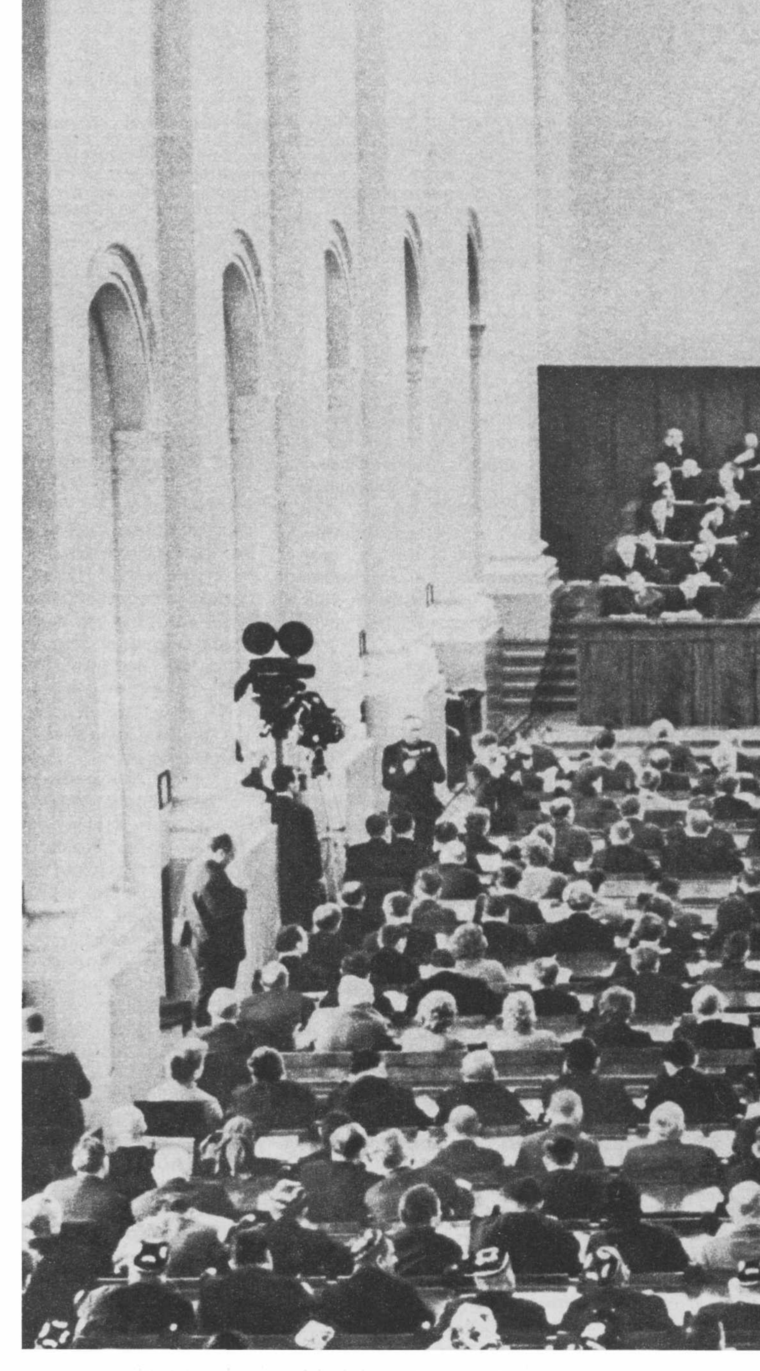

В этот вечер долго не смолкали песни.

Николай Викторович ПОДГОРНЫЙ,
Председатель Президиума Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик.

VII сессия Верховного Совета СССР.

К НОВЫМ СВЕРШЕНИЯМ

Седьмая сессия Верховного Совета СССР закончила работу

Три дня в Кремле работала седьмая сессия Верховного Совета СССР.

Сессия приняла Законы о Государственном плане развития народного хозяйства СССР и о Государственном бюджете СССР на 1966 год, а также приняла постановление об утверждении отчета об исполнении Государственного бюджета СССР за 1964 год.

Депутаты приняли Законы и постановления об утверждении Указов Президиума Верховного Совета СССР, принятых в период после шестой сессии. Принят также Закон об органах Народного контроля в СССР. Председателем Комитета Народного контроля СССР назначен П. В. Кованов.

В связи с тем, что ЦК КПСС счел необходимым, чтобы А. Н. Шелепин как секретарь ЦК КПСС сосредоточился на работе в ЦК КПСС, Совет Министров СССР внес предложение об освобождении его от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР. Верховный Совет СССР постановил принять это предложение.

Министр иностранных дел СССР депутат А. А. Громыко ответил на запросы, поступившие от депутатов, касающиеся ряда важнейших проблем международного положения. Верховный Совет СССР принял постановление, в котором одобряет внешнюю политику правительства СССР по вопросам, затронутым в запросах депутатов и в сообщении министра иностранных дел СССР. Также принято Заявление Верховного Совета СССР в связи с агрессией США во Вьетнаме.

Верховный Совет СССР удовлетворил просьбу А. И. Микояна и освободил его от обязанностей Председателя Президиума Верховного Совета СССР. А. И. Микоян избран членом Президиума Верховного Совета СССР.

Депутаты единогласно избрали Председателем Президиума Верховного Совета СССР депутата Н. В. Подгорного.

Фото Д. Бальтерманца.

ПЛЕНУМ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА КПСС

6 декабря состоялся Пленум Центрального Комитета КПСС.

Пленум заслушал и обсудил доклады Заместителя Председателя Совета Министров СССР, Председателя Госплана СССР тов. Н. К. Байбакова «О народнохозяйственном плане СССР на 1966 год» и министра финансов СССР тов. В. Ф. Гарбузова «О бюджете СССР на 1966 год».

В конце обсуждения указанных вопросов выступил Первый секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум обсудил вопрос о преобразовании органов партийно-государственного контроля в органы Народного контроля. По этому вопросу выступил Первый секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев.

Пленум принял соответствующие постановления.

Пленум избрал тов. В. В. Щербицкого кандидатом в члены Президиума ЦК КПСС.

Пленум избрал тов. И. В. Капитонова секретарем ЦК КПСС.

Кандидат в члены Президиума ЦК КПСС В. В. Щербицкий.

Секретарь ЦК КПСС И. В. Капитонов.

СОЛИДАРНОСТЬ

Бесславный конец.

— ПОЗОР АМЕРИКАНСКИМ АГРЕССОРАМ!

— МЫ С ВАМИ, ВЬЕТНАМСКИЕ БРАТЬЯ!

Это — мнение советских людей.

Корреспондент «Огонька» Алексей Гостев побывал на одном из митингов солидарности с героическим вьетнамским народом — в цехе московской фабрики имени Э. Тельмана.

Вот они, «цивилизаторы», вояки, которые получили по заслугам от патриотов Южного Вьетнама в сражении под Плейме.

НЕ ОТМЫТЬСЯ!

Некая миссис Барбара Верриндер из Калифорнии решила вмешаться в войну, которую ведут Соединенные Штаты против патриотов Южного Вьетнама. Миссис Барбара пришла к выводу, что вьетнамцы сражаются против интервентов лишь потому, что они не приобщены к американской цивилизации. В частности, им остро не хватает... американского мыла. Будь оно в достатке, считает жительница Калифорнии, вьетнамцы тотчас бы вымылись и побежали с чистыми руками благодарить незваных гостей из-за океана за их цивилизаторскую миссию.

И вот, сообщает газета «Орегониэн», миссис Барбара с чисто американской деловитостью принялась за дело. Она обратилась в близлежащие гостиницы с просьбой давать ей обмылки, остающиеся от клиентов. Владельцы гостиниц, которые раньше выкидывали обмылки на помойку, стали снабжать ими миссис Барбару, а та — пересылать их в Южный Вьетнам.

Трудно даже сказать, чего больше в этом факте — обывательской тупости или цинизма по отношению к вьетнамцам, порожденного американской пропагандой. Но и того и другого вполне достаточно. И не только у миссис Барбары, но и у тех, кто планирует и проводит кровавую колонизаторскую политику США.

Американский империализм делает ставку в Южном Вьетнаме на военную мощь. Пентагонские стратеги ставят вопрос об увеличении экспедиционных сил до 350 тысяч человек. Французская колониальная армия во Вьетнаме располагала 450 тысячами человек, но победу одержали патриоты!

Чем больше будет на земле Вьетнама американских солдат, тем сильнее вымажется официальная Америка в крови. Продукции всей мыловаренной промышленности США не хватит для того, чтобы смыть позор варварства с мундиров военных и смокингов правительственных деятелей.

А ненависть к захватчикам в Южном Вьетнаме разгорается все ярче. Патриоты провели крупные операции, нанеся большие потери интервентам. Те, кто пришел сеять смерть, находят бесславный конец.

Вьетнам. Война во Вьетнаме. Гнев и возмущение вызывают сообщения о варварских бомбардировках американской авиацией мирного населения, о жестоких расправах захватчиков над вьетнамскими патриотами. В советский фонд защиты мира для наших друзей, отстаивающих свою независимость, идет непрерывный поток пожертвований.

Коллективы предприятий, общественные организации, колхозники, ученые, работники искусств, пионеры и школьники, ветераны войны и пенсионеры — все взволнованы судьбой многострадального народа.

Ежедневно на улицу Кропоткина, 10, где помещается правление фонда, почтальоны приносят кипы писем и извещений.

«Семнадцатилетним юношей я добровольцем ушел на фронт,— пишет из Краснодара помощник машиниста Г. Г. Бедняков.— Участвовал в разгроме фашистских захватчиков под Сталинградом. Воевал до конца, знаю, что такое война. Бывая в Ленинграде и Сталинграде, посещаю братские могилы и думаю о погибших товарищах. Поэтому в честь борьбы за мир я отработал 700 часов, а заработанные деньги посылаю в фонд защиты мира для Вьетнама».

...«В связи с внедрением моего изобретения в строительную индустрию мне назначено авторское вознаграждение в сумме тысяча рублей. Прошу Советский комитет защиты мира принять указанную сумму в фонд помощи борцам героического Вьетнама».

Инженер Александр Евгеньевич Маевский.

Москва».

Письмо из Ленинграда от Екатерины Ивановой:

«Я материально обеспечена, получаю пенсию, но сердце мое болит и кровоточит не переставая. Муж умер после финской войны, младший сын — во время блокады, старший убит в 1944 году. Больше того, что я потеряла, терять мне нечего. И все-таки жизнь прекрасна. Так пусть же под моим окном играют дети. Примите и мой маленький взнос на защиту обездоленных детей Вьетнама».

Писем много. Их писали разные люди, но всех их объединяет искреннее желание помочь далекому, но такому близкому народу.

А вот просто сухой перечень пожертвовавших свои трудовые сбережения на борьбу за мир во Вьетнаме. Рабочие Московского железнодорожного депо имени Ильича и депо Москва-Сортировочная. Московские пионеры из школы № 753 Дзержинского района. Артисты Волгоградского цирка. Совет женщин Управления торговли города Норильска. Горняки шахты № 7 из города Богородицка. Колхозники колхоза «Харьковский», Волгоградской области, и колхоза «Артоле», Литовской ССР...

Внесли свою лепту москвичи Андрей Иванович и Мария Ивановна Попковы. Откликнулись жены ученых Академии наук СССР, работницы химического комбината города Ново-Московска, ученики 11-го класса «Б» школы № 1 поселка Озаричи, Гомельской области, участники самодеятельности Дворцов культуры Московского железнодорожного узла...

Многие не ограничиваются одним пожертвованием, а делают это систематически. Учительница Ида Моисеевна Вайсман уже несколько раз отдавала в фонд часть своего заработка. А пенсионерка из города Моршанска Полина Александровна Бурцева сдала в Государственный банк в фонд защиты мира драгоценности, оцененные в несколько сот рублей. Пожертвования поступают не только от советских людей. На днях пришел гражданин ФРГ г-н Шведлер и попросил, чтобы от него приняли 50 марок.

Идут и идут письма, денежные переводы.

О. КНОРРИНГ

← Голосует генерал де Голль.

Франсуа Миттеран → — кандидат левых сил.

ПЕРЕД ВТОРЫМ ТУРОМ

Это было в прошлое воскресенье, 5 декабря, поздно вечером. На бульваре Пуассоньер, в 9-м округе Парижа, перед зданием, где помещается газета «Юманите», собрались тысячи людей. Они запрудили тротуары, мостовую, и цепь полицейских сдерживала толпу, чтобы не мешать движению автомашин по бульвару. Здесь были рабочие, служащие, студенты, приехавшие порой из отдаленных районов города и предместий; здесь были друзья «Юма». Шел мелкий, пронизывающий дождь, но люди не расходились.

С помощью проекционного фонаря журналисты «Юманите» демонстрировали на самодельном экране, подвешенном к балкону здания, результаты голосования в первом туре президентских выборов по мере их поступления в редакцию. Успех кандидата левых сил Франсуа Миттерана в отдельном городе или департаменте встречался громом аплодисментов, восторженными возгласами. И я видел, как пожилой мужчина в потертой кожаной куртке при очередной овации, похлопав по плечу юношу с папкой в руках, сказал ему: «Видишь, приятель? Вот что может сделать единство. Запомни это!»...

На другой день стало известно, что за Франсуа Миттерана, которого поддерживают все без исключения левые партии и прогрессивные силы Франции, голосовала 5 декабря почти треть французских избирателей и что генерал де Голль, которому политические обозреватели предсказывали победу в первом же туре, не собрал абсолютного большинства голосов. Только в понедельник, 20 декабря, после второго тура, Франция узнает имя нового президента республики, который практически впервые в истории страны избирается всеобщим прямым голосованием. Всего лишь один раз, после революции 1848 года, президент второй республики избирался всеобщим голосованием. Но тогда выборы практически нельзя было назвать всеобщими, так как в них не участвовали женщины и многие слои населения Франции. Нынешние выборы, которые наделят главу государства, согласно конституции, обширной политической властью и сыграют немаловажную роль в политическом будущем Франции, вызывают всеобщий интерес населения страны. Никогда еще в истории каких-либо выборов во Франции не было такой высокой активности избирателей, как в первом туре президентских выборов.

Сейчас на многих улицах Парижа уже сняты официальные предвыборные афиши с портретом шести кандидатов на пост президента в первом туре. Они больше не нужны. Ведь во втором туре, согласно нынешней конституции, могут баллотироваться лишь два кандидата, те, кто набрал наибольшее число голосов, то есть генерал де Голль и Франсуа Миттеран.

Улицы столицы еще хранят следы «войны афиш» перед первым туром. Кое-где валяются плакаты с портретом реакционного адвоката Тиксье-Виньянкура, разорванные в клочья, и на них начертана фашистская свастика. Полный разгром этого лидера фашиствующих группировок на выборах был твердым ответом избирателей: нет фашизму.

Перед 19 декабря реакционные силы Франции, выступавшие раздробленно в первом туре, пытаются сгруппироваться, оказать давление на избирателей с помощью излюбленного метода — пугала пресловутой «коммунистической опасности».

Согласно французскому избирательному закону, кандидату на пост президента для того, чтобы быть избранным во втором туре, достаточно уже не абсолютного, а лишь простого большинства.

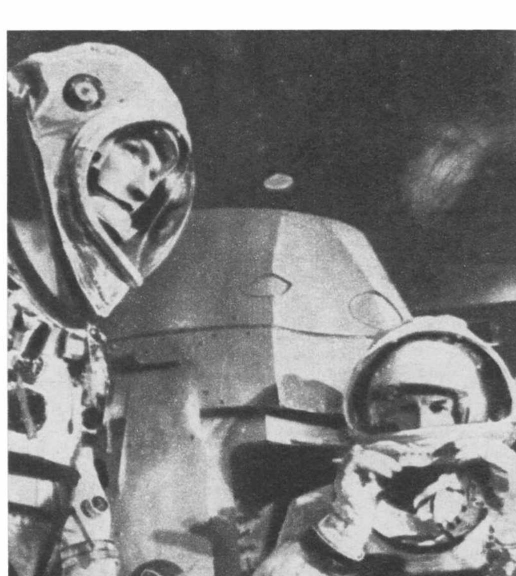
Но уже сейчас парижская пресса констатирует: каков бы ни был исход выборов, нынешняя избирательная кампания с крупным успехом союза левых сил изменила политический климат в стране. Вот что пишет, например, влиятельная парижская газета «Монд»: «Считали, что после этой избирательной кампании ситуация будет не совсем такой, как ранее. Но никто не представлял себе, что потрясения будут столь значительными и столь глубокими».

Итак, 19 декабря — второй тур...

А. ПОТАПОВ

Париж.

В космосе двое

4 декабря в США с мыса Кеннеди запущен космический корабль «Джеминай-7». На его борту — подполковник ВВС США Фрэнк Борман (на снимке слева), который является командиром корабля, и командор авиации ВМФ Джеймс Ловелл.

Программа полета американских космонавтов предусматривает 208 витков вокруг Земли. Экипаж «Джеминай-7» должен будет пробыть в космосе две недели.

Фото ЮПИ.

ПЯТЬ ЖИЗНЕЙ—ОДНА СУДЬБА

В редакцию почти в одно время поступили пять материалов — из разных концов страны, о разных людях. Но чем-то все эти люди похожи: одна судьба, судьба нашего современника, нашего соотечественника.

НАСЛЕДНИК СТАЛЬНЫХ КОРОЛЕЙ

На Нижне-Тагильском металлургическом комбинате работает сталевар Юрий Петрович Плосконенко. Он молод, приветлив. Ему всего тридцать три года. Пятнадцать из них отдано комбинату.

Как-то я спросил Плосконенко: не украинец ли он? А если украинец, то как оказался на Северном Урале?

И он рассказал мне любопытную историю.

Давным-давно, когда железоделательные заводы на Урале принадлежали Демидову, этот промышленник выиграл однажды в карты у какого-то помещика-степняка целую деревню — с крепостными крестьянами, землями и всеми постройками. Людей у Демидова на уральских заводах не хватало, вот он и перевел своих крепостных из Полтавской губернии в суровый Нижний Тагил.

Так хлеборобы с Украины, предки Юрия Плосконенко, оказались на Урале, и с той поры все они в течение двух столетий плавили чугун и варили сталь. Дед Плосконенко работал на последнего из Демидовых — Елима Павловича. После Октябрьской революции Елим Павлович убежал за границу...

Сталевар Юрий Плосконенко.

Фото Д. Ухтомского.

В тридцатых годах построили в Нижнем Тагиле громадный комбинат, который оказался едва ли не крупнее всех демидовских заводов, вместе взятых. Среди первых сталеваров комбината был Петр Плосконенко. А потом сюда же пришел и его сын — восемнадцатилетний Юра. В новых, больших мартенах отец и сын наварили, вероятно, гораздо больше металла, чем все их предки за две сотни лет.

П. ВОЛКОВ

Нижний Тагил.

СОЛДАТ — ГЕНЕРАЛ

Об одном из знаменитых чапаевцев, Николае Хлебникове, я впервые услышал от Дмитрия Фурманова в 1921 году. Дмитрий Андреевич, бывший комиссар Чапаевской дивизии, с гордостью говорил о главном артиллеристе Чапаева:

— Диву даешься, видя, как преображает людей революция! Парнишка с текстильной фабрики Николка Хлебников стал героем гражданской войны. Много раз он отличался, а историю под хутором Янайским, в уральской степи, особо хочется рассказать...

И Фурманов рассказал, а впоследствии и описал ночной бой, когда белогвардейцы внезапно напали на спящих чапаевцев. Николай Хлебников тут блеснул не только мужеством, но и боевой находчивостью. Он так ловко использовал свою артиллерию, что равновесие в бою быстро восстановилось, паника, возникшая было в некоторых чапаевских частях, была ликвидирована, и неожиданно началась паника в рядах врагов.

Верным солдатом молодой Республики Советов был Николай Михайлович и на Туркестанском фронте, где получил из рук Михаила Васильевича Фрунзе свой первый боевой орден.

Генерал-полковник Хлебников остался и теперь во многом тем же солдатом, о котором говорил мне в дружеской беседе Дмитрий Фурманов. Он по-прежнему мечтатель и романтик. Уйдя в отставку, продолжает жить и увлекать других героикой защитников революции — и в гражданской войне и в войне Великой Отечественной.

Главный чапаевский артиллерист с честью прошел весь путь испытаний и побед в борьбе с гитлеровским нашествием. Он командовал артиллерией фронта, которая дошла до Восточной Пруссии.

Победный штурм Кенигсберга принес Н. М. Хлебникову высокое звание Героя Советского Союза. На груди его 12 орденов и много медалей, знаков признательности народа.

Николай Михайлович неутомим и сейчас. А ведь ему исполняется семьдесят лет. Он ведет большую общественно - патриотическую работу и в Обществе ветеранов войны и в обществе «Знание». Мы с вами нередко видим и слышим его по телевидению в передачах альманаха «Подвиг».

Александр ЖАРОВ

Родоначальница села

Анна Филипповна Галич с правнучкой Лидой.

Фото В. Дворникова.

Голоса северян

Василий **ЛЕДКОВ**

Солнце в тундре

На восток я гляжу влюбленно.
Едким дымом клубится привал.
Стал бы деревом—веткой зеленой
Я б, наверное, солнце достал.

Солнцу радуюсь в час восхода.
Свет его полюбил я давно.
Только в тундре светло полгода.
И полгода над тундрой темно.

* * *

Дремлет сизое, тусклое утро.
Нивелиры несем на плечах.
Города нашей завтрашней тундры
Ходят в кирзовых сапогах.

Свежей рыбою и кострами
Обжигающий ветер пропах.
Загорается солнце за нами,
Встав на гулких железных ногах.

Вожакам застилают дорогу
Комариные облака...
И об эти железные ноги
Чешут молча олени бока.

Перевел с ненецкого
Борис КАУРОВ.

Микуль **ШУЛЬГИН**

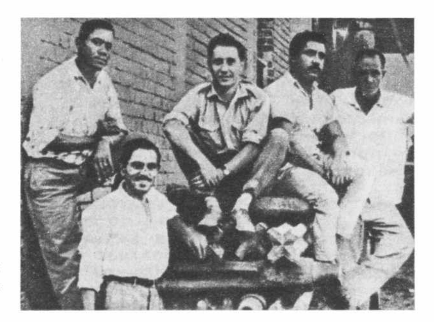
И певуч и богат...

Как тайменей в реке,
И оленей в тайге,
И песчинок в песке —
Слов в моем языке.

Я на нем говорю,
Будто славлю зарю,
Будто песню пою
Или сказку творю.

В речи слышатся, друг,
Всплески светлых излук

«МИСТЕР» КАРЖАН И ЕГО ДРУЗЬЯ

Виктор Каржан (в центре) среди арабских рабочих.

Торопливо распечатав конверт, он прочитал: «Уважаемый Виктор Владимирович, приглашаем Вас в Москву за получением египетского ордена».

— Странно,— удивился Виктор,— может, ошибка? Ничего выдающегося я ведь не сделал.

О том, что сделал конструктор Воронежского завода имени Калинина В. В. Каржан на строительстве Асуанской плотины, могли бы рассказать сто восемьдесят его друзей-арабов.

Виктор Владимирович приехал в ОАР в 1963 году. Его назначили старшим инженером заправочной мастерской. Мастерская походила на завод: здесь были десятки новых станков, машин, сложное оборудование. Но управлять им рабочие не умели.

В мастерской, кроме Каржана, было одиннадцать советских рабочих. Он собрал их, посоветовался и решил создать бригады по специальностям. В каждой — 10—12 человек, и один из них советский рабочий. Арабов обучали токарному, фрезерному, сварочному, плавильному, ремонтному делу, управлению прессами Воронежского завода. И душой коллектива был Виктор Каржан.

И когда после двухлетней работы на Асуанской плотине он собрался домой, провожать его вышли все рабочие мастерской — новые его друзья. Обнимали, благодарили: «Спасибо, мистер Каржан!»

На родине Виктора Владимировича ожидала приятная весть: за активное участие в строительстве Асуанской плотины он был награжден медалью «За трудовую доблесть». А в документе, присланном ему из Каира, говорилось: «Высоко оценивая Ваше плодотворное участие и большие заслуги в строительстве Высотной плотины, награждаем Вас Большой орденской лентой ордена «За заслуги».

М. БАРАБАН

Воронеж.

В колхозе имени Шевченко недавно отмечали стодвенадцатилетие со дня рождения Анны Филипповны Галич.

У именинницы в тот день собралось почти полсела родственников: два сына и три дочери, двадцать внуков, двадцать четыре правнука и даже праправнуки.

Пять поколений Галичей — живая история села Макеевки.

Анна Филипповна родилась крепостной.

И пяти лет не исполнилось девчонке, как послали пасти барских гусей...

— Не лучше было, когда «волю» получили,— вспоминает Анна Филипповна.— Нищета выгнала из родного села. Слепили мы с мужем хатенку в степи. Через год тут уж был маленький хутор — Петергоф. А теперь большое село — Макеевка.

Я смотрю на живую современницу Герцена, Чернышевского, Некрасова и удивляюсь ей. Хоть и давно уж она на пенсии, а колхозными делами и по сей день интересуется. У внука, Николая Филипповича, заведующего молочнотоварной фермой колхоза, все расспрашивает, как к зимовке подготовились, сколько кормов заготовили, молока надоили...

Недавно Анне Филипповне присвоено звание первого почетного гражданина села Макеевки.

П. ЛАРИН

Луганская область.

Дочь четырех республик

Зейнаш Шарафовна (слева), ее отцы и дети.
Фото Л. Шерстенникова.

Человек шел незнакомой улочкой. Такой незнакомой, что порою казалось: все это не наяву, во сне. Глинобитные высокие заборы, резные воротца, плоские крыши домов, ветви диковинных, никогда не виданных им деревьев, солнце в сутолоке воды арыка...

Часто останавливаясь, человек снимал кепку и ждал, пока успокоится, уймется сердце. А оно не успокаивалось и билось с каждым шагом все быстрее и тревожнее. Всего-то метров двести прошел он по улице, а кажется, будто по всей жизни.

Вспомнилось, как в семнадцать лет ушел в Красную Армию. Сражался с Деникиным, с Юденичем, добивал беляков в Крыму. А потом, уж когда демобилизовался, в городе Изюме на Харьковщине встретилась ему девушка Аня. Они полюбили друг друга, поженились. Он поступил работать на паровозный завод котельщиком. Учился. Стал бригадиром, потом мастером.

В семье было уже пять человек детей, когда обстоятельства сложились так, что Казимир Казимирович Пузевич надолго расстался с семьей.

В Изюм вернулся только в сорок девятом. Он уже знал, что в войну пропали две его дочери — Таисия и Жанна. В сорок первом детей увезли подальше от бомбежек, куда-то на восток. Так и затерялись их следы... Долгие годы искал он своих дочерей, и все безуспешно.

...Казимир Казимирович опускает чемодан на землю, проводит по лицу ладонью. Ладонь у него широкая, тяжелая, с темными отметинами въевшегося в кожу металла. Вот уже третий год на пенсии старый котельщик, а руки по-прежнему трудовые...

«Кажется, пришел»,— думает он и чувствует, как сердце частыми тяжелыми толчками колотится у самого горла.

Над арыком склонилась женщина в цветастом ярком платье. Такие носят только здесь, в Узбекистане.

Хотел спросить: «Это ли дом Шарафа Джураева?» Не успел. Оглянулась женщина. Два голубых-голубых глаза, два неба в них. Вмиг упало сердце: «Она!»

— Па-па!

Так почти через двадцать восемь лет встретились отец и дочь в кишлаке Тезгузар, под Бухарою.

...Мы сидим в доме Шарафа Джураева — Зейнаш Шарафовна, два ее отца и я.

Хозяин дома неторопливо рассказывает:

— Осенью в сорок первом году в Каган пришел эшелон с детишками с Украины. Люди узнали, что детдом тут будет. Какой большой дом надо, если детей целый эшелон? Наши женщины туда ходили. Кушать несли, одежду несли. Плакали: сирот жалели. А потом разрешение было — в семьи детишек брать. Ходила туда и моя жена, Муаззам. Советовались мы с ней, и однажды принесла она в дом девочку.— Ата Джураев смотрит на Зейнаш. Сколько теплоты в его глазах! — Худенькая была... Мы порусски плохо говорили. Спрашивали ее: «Как звать?» А она: «Зяна! Зяна!». Так и назвали ее Зейнаш. Привыкла она к нам быстро. Научилась говорить по-узбекски. Пошла в школу. Потом в институт. Тогда мы и узнали, что живы ее родители. Далеко живут — в Норильске. Они ее искали, но найти не могли. Мы сразу же им сообщили. А сегодня вот встретились. Завтра поедем к ее сестре Таисии. Она тут неподалеку живет.

Вот и вся история Зейнаш. Как необычно и в то же время по-доброму сложилась ее судьба!

Зейнаш Шарафовна только сейчас узнала, что по отцу она латышка, по матери — русская. Всю свою сознательную жизнь прожила она в узбекской семье. Биби Муаззам и ата Шараф вырастили ее, дали высшее образование. На родном узбекском языке учит она сейчас детей в школе, которая носит гордое имя — Правда.

Мы выходим на улицу, и тут же пятеро внучат окружают дедов. Казимир Казимирович поднимает на руки младшую, Мухаббат, гладит по головке Юсупа, долго-долго смотрит на старшую, Норджон.

— Красавицей будет,— шепчет он мне.— Как мне с ними поговорить охота! — признается он.— Только вот пока еще не говорят ребятишки по-русски.

— Научатся,— улыбается Зейнаш-Жанна.

Уже в сумерках покидаем мы дом Джураевых. Вся семья выходит провожать нас.

На прощание Зейнаш Шарафовна шутит:

— Наверно, я теперь самая богатая в нашей стране: дочка четырех республик. Папа — латыш, мама — русская, биби и ата — узбеки, а родилась я на Украине.

Ю. СБИТНЕВ,
собкор «Огонька»

Кишлак Тезгузар.

И напевы подруг,
Выходящих на круг.

Как снежинки в пургу,
Уловить в ней могу
Шорох нарт на снегу,
Скрип березы в логу.

Как седая тайга,
И Оби берега,
И Урала снега,
Мне она дорога.

Никаким холодам
Не подвластен родник,
И певуч и богат
Мой хантыйский язык.

Перевел с языка ханты
Н. КРАСНОВ.

ВПЕРЕДИ—ОТКРЫТИЯ

Густой сеткой легли на карте Тихого океана маршруты советского корабля науки «Витязь». А сейчас ветеран исследовательских рейсов снова отправился из Владивостока в дальнее плавание. Курс судна проложен в район течения Куросио, в тропические моря. Это тридцать восьмой по счету рейс «Витязя».

— Советские ученые примут участие в зимней океанографической съемке течения Куросио и прилегающих к нему районов западной части Тихого океана по международной программе исследования,— сказал начальник экспедиции доктор географических наук Владимир Григорьевич Корт.— Изучение загадок Куросио представляет большой интерес для науки, развития рыбного промысла и судоходства.

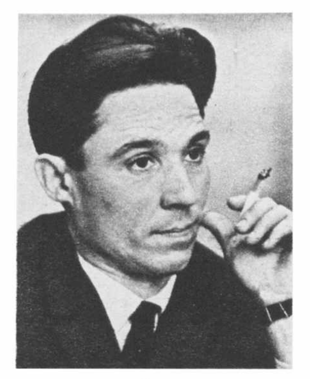
...Ученые на борту «Витязя» будут заниматься не только исследованием Куросио. Экспедиция продолжит изучение взаимодействия течений в тропических и экваториальных водах западной части Тихого океана. Участники рейса проверят наличие истоков Экваториального глубинного течения, которое проходит в центральной части океана. Полученные материалы дополнят существующие лоции и навигационные пособия.

Новая экспедиция охватит огромную акваторию Тихого океана — от Советского Приморья до берегов Австралии, Новой Гвинеи и Филиппинских островов. Рейс будет продолжаться пять месяцев.

Для проведения биофизических исследований предполагается посетить несколько коралловых островов и атоллов южных морей. На одном из островков, известном тем, что в прошлом веке там вел исследования русский путешественник Н. Миклухо-Маклай, советские ученые однажды уже побывали. Сейчас предстоит второй визит корабля науки к далекому острову в Ново-Гвинейском море.

Скрылись за кормой «Витязя» родные берега... Впереди — океан, поиски и открытия.

Г. БРЕГМАН,
действительный член Географического общества СССР

В. А. Богаткевич.

ТА РЕШИТЕЛЬНАЯ МИНУТА

О. КУПРИН

Не знаю, как у других, но у меня иногда вдруг появляется желание, отбросив сегодняшние будничные заботы, вернуться немного назад, к тому дню, часу, к той минуте, когда сделано было какое-то сложное дело или принято трудное решение. Не просто вспомнить: вот, дескать, была загвоздочка... Нет, не для того. Хочется спустя несколько лет узнать, так ли ты был прав и смел, как следовало. И чем она теперь обернулась, та решительная минута.

Было это три года назад. Каждый день к десяти утра я приходил в суд, где в совещательной комнате стопкой лежали дела, для решения которых требовался и мой голос народного заседателя, где за широким столом стояло тяжелое дубовое кресло, на целых две недели предназначенное мне. Много людей прошло перед этим столом, много характеров, трагедий и мерзости. Кое-что осталось в памяти, больше забылось. Но одну историю я запомнил надолго.

Это дело мне сразу показалось странным. Кража со взломом на складе медицинской посуды. Какая, собственно говоря, корысть от аптечных банок-склянок? Стоит ли из-за этого рисковать? Украдено этих банок-склянок 180 предметов, на 140 рублей.

На следующий день несколько банок и мензурок было найдено в строительной будке, приютившейся у самого складского забора. Дальше все шло очень просто. В будке ночью дежурил слесарь Карнаухов. Он признался, что лазил в тот склад, все, что взял, сложил в будку, но замка́ на воротах не трогал, а пролез в подворотню. Карнаухова арестовали и начали следствие.

Несмотря на то, что дело, казалось бы, было простое, следствие тянулось четыре месяца. Карнаухов сидел под арестом и твердил одно и то же: замка́ он не трогал. Это с юридической точки зрения была весьма существенная деталь. Кража со взломом — одно, кража без оной — совсем иное, другая статья кодекса, другая кара.

Тем временем в строительном управлении, где работал Карнаухов, вовсю обсуждали случившееся, созвали собрание и постановили просить вора на поруки, говорили, что за 14 лет его работы в управлении ничего подобного за ним не наблюдалось. Управленческий треугольник подписал характеристику, по которой Карнаухов значился честным, добросовестным и квалифицированным работником, активным рационализатором — его предложения неоднократно позволяли сокращать сроки строительства. Характеристика утверждала также, что подсудимый успешно овладел смежными профессиями и что он пользовался авторитетом в коллективе.

Следователь не очень-то верил этим красивым словам, потому что выяснились новые подробности кражи. На территории склада нашли электрический фонарь и ломик. Когда новые улики предъявили Карнаухову, он без обиняков признал, что вещи эти его, но с собой их в ту ночь он не брал. Он мог бы и отказаться, потому что таких ломиков на любой стройке можно найти десятки, а такие фонарики лежат на полках всех магазинов электротоваров. Но он признался.

А ломик был, вероятно, той ниточкой, которая в рассуждениях следователя соединила сам факт кражи со взломом и личность Карнаухова. Дело пришло в суд, и мы должны были его разбирать.

Я увидел Карнаухова еще до судебного заседания, когда он выходил из тюремной машины. Потом он шел по коридору, по арестантскому правилу заложив руки за спину. Спустя полчаса его привели в зал. Он сел на жесткую дубовую скамейку за темным барьером, с двух сторон встали милиционеры, и начался процесс по всей форме, с десятками обязательных слов и фраз, вопросов и ответов.

Я смотрел на подсудимого, иногда ловил его взгляд. Постепенно это вошло у меня в привычку. Нигде, пожалуй, глаза человека не рассказывают о его чувствах больше, чем на судебном заседании. Я видел глаза отчаяния и глаза кротости, глаза заискивающие и — очень редко — глаза гордые. У этого были пустые. В них не было ничего. Он на все был согласен, он со всем смирился. И только упрямо твердил: «Замка́ на воротах не трогал. Пролез в подворотню».

Сторож склада, вызванный свидетелем, долго жаловался на беспорядки: здание старое, на ремонт средств не дают, и в подворотню при желании не то что человек — лошадь пролезет.

Судебное разбирательство шло к концу, и я все больше боялся той минуты, когда мы войдем в совещательную комнату и судья Виктор Антонович Богаткевич сядет за письменный стол и спросит меня и Нину Владимировну, народных заседателей, что́ мы думаем по этому делу. Виновен ли? Какое наказание? Я боялся этой минуты потому, как всё меньше верил, что перед нами закоренелый жулик, вор-взломщик. Но как доказать это? Что значит моя интуитивная уверенность рядом со статьей уголовного кодекса?

— Суд удаляется на совещание для постановления приговора,— сказал наконец Богаткевич.

Мы поднялись с кресел и пошли в совещательную комнату. Крепко закрыли за собою дверь. Теперь сюда никто не имеет права войти, а мы должны выйти отсюда только с приговором в руках.

— Какие будут мнения? — спросил Виктор Антонович так же, как спрашивал уже много раз, сухо, официально.

Нина Владимировна сидела на диване, низко опустив голову, обхватив руками колени. Молчала.

— Сколько? — спросил я.

Судья порылся в потрепанной книжке кодекса, нашел нужную статью.

— До шести.

— Нет! Нет! Это невозможно. Нельзя... У него же...— начала было Нина Владимировна и осеклась.

— Замка́ он не взламывал,— робко заметил я.

— И не мог же он один утащить такую уйму стекла... Да и в конце концов...— Нина Владимировна встала, вид у нее решительный, подошла к столу.— Я не считаю его опасным преступником. И о шести годах речи быть не может. Нас выбрали, чтобы мы отстаивали справедливость.

— Но преступление все-таки было,— парировал Богаткевич.

— Мне кажется, что четыре месяца предварительного заключения — наказание не из легких,— подал голос я.

— Конечно! — продолжала атаку Нина Владимировна.— Но самое главное, вы подумайте, товарищи: у него дети. Двое маленьких ребят. И больная жена. Там есть справка: у нее с сердцем плохо.

— Для нас главное сейчас все-таки преступление.— Виктор Антонович непроницаем и строг.

Кажется, наше наступление «захлебнулось». Нина Владимировна опять съежилась на диване. Богаткевич в который раз листает пухлое дело.

Потом мы долго еще говорим, перебивая друг друга, спорим, вспоминаем подробности, заново штудируем документы, кодексы, статьи из юридических журналов, которыми забит книжный шкаф. И потом опять вопрос, на который так трудно ответить:

— Ваше мнение о мере наказания?

— Не больше трех лет,— говорю я.

— Раз так, слушайте. С вами я согласиться не могу. Если не придем к общему решению, будем голосовать. Несогласный должен написать особое мнение...

Особого мнения ни у кого не было. Виктор Антонович сел писать приговор, я — частное определение по поводу беспорядков на складе медицинской посуды.

Через час мы вышли в зал.

— Именем Российской Советской Федеративной Социалистической Республики,— потом все, что положено писать в приговорах: кто, когда, что, за что и почему и, наконец, самое главное: — ...приговорил к исправительно-трудовым работам по месту работы... Из-под стражи освободить в зале суда...

Карнаухов стоял неподвижно за дубовым барьером. Конвойный галантно освободил ему проход: дескать, вы свободны, гражданин. Он шагнул к нашему столу и машинально, по арестантской привычке, заложил руки за спину.

— Вы свободны, товарищ Карнаухов,— повторил Богаткевич.

Карнаухов стоял как вкопанный, он еще не понимал, что произошло. Нина Владимировна улыбалась. В углу зала кто-то громко всхлипывал. Конвойные ушли в коридор покурить. Виктор Антонович уже сидел за своим столом и сосредоточенно листал очередное дело, которое мы должны слушать завтра. Он был спокоен. Во всяком случае, казался таким, этот молодой судья, недавний помощник машиниста паровоза. С тех пор я отношусь к нему, как к любимому учителю, преподавшему мне предметный урок гражданского мужества. В ту решительную минуту он оказался смелее нас в своем убеждении, в своей правде.

Прошло три года. Память часто возвращала меня к тому дню, и я до сих пор отчетливо вижу совершенно ошарашенного человека, стоящего перед судейским столом Интересно, какой он сейчас?

...Карнаухов вышел из бригадной бытовки с высоким пожилым человеком. Они о чем-то спорили. Я узнал его сразу, хотя он был совсем не похож на того, в суде, три года назад. Озабоченный, чуть взволнованный. Замызганная рабочая роба, гигантские рукавицы, темные очки, откинутые на лоб.

Я окликнул его. Карнаухов оглянулся, недоуменно глянул на меня: значит, не узнал. Я назвался. Разговор был короткий. Обо всем и ни о чем, просто о житье-бытье.

— Ничего особенного. Живу, как все,— говорил Карнаухов.— Новости? Квартиру получил. Двухкомнатную. Сыновья оба в школу пошли. Учатся хорошо. Жена? Жена все еще болеет. Немного полегче ей.

— А о чем спор сейчас был?

— Это с прорабом. Одну штуку я тут предложил. Мелочь в общем-то. Я теперь не слесарь. Окончил курсы газосварщиков. Хорошая профессия. Придумать много можно интересного.

О том, что он стал отличным сварщиком, я узнал накануне у начальника строительного управления.

— Памятник Лермонтову видели? — продолжал Карнаухов.— Так вот там сзади — персонажи из его произведений. Это я варил. Красиво получилось.

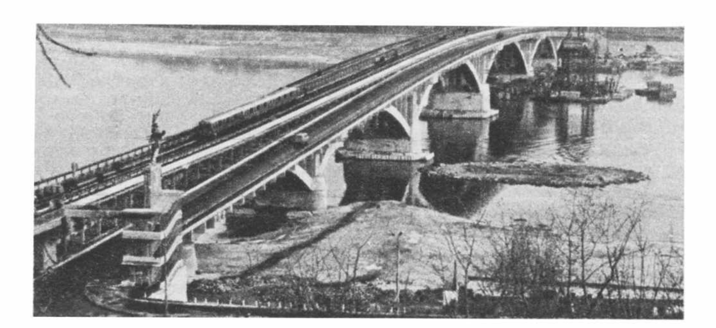
— Не ожидали меня встретить здесь?

Мой собеседник улыбнулся:

— Так ведь это не первая такая встреча.

Да, я был не первый. До меня с ним уже дважды говорил судья Виктор Антонович Богаткевич, а Нина Владимировна звонила в управление по телефону. Тоже справлялась.

ПРЫЖОК ЧЕРЕЗ ДНЕПР

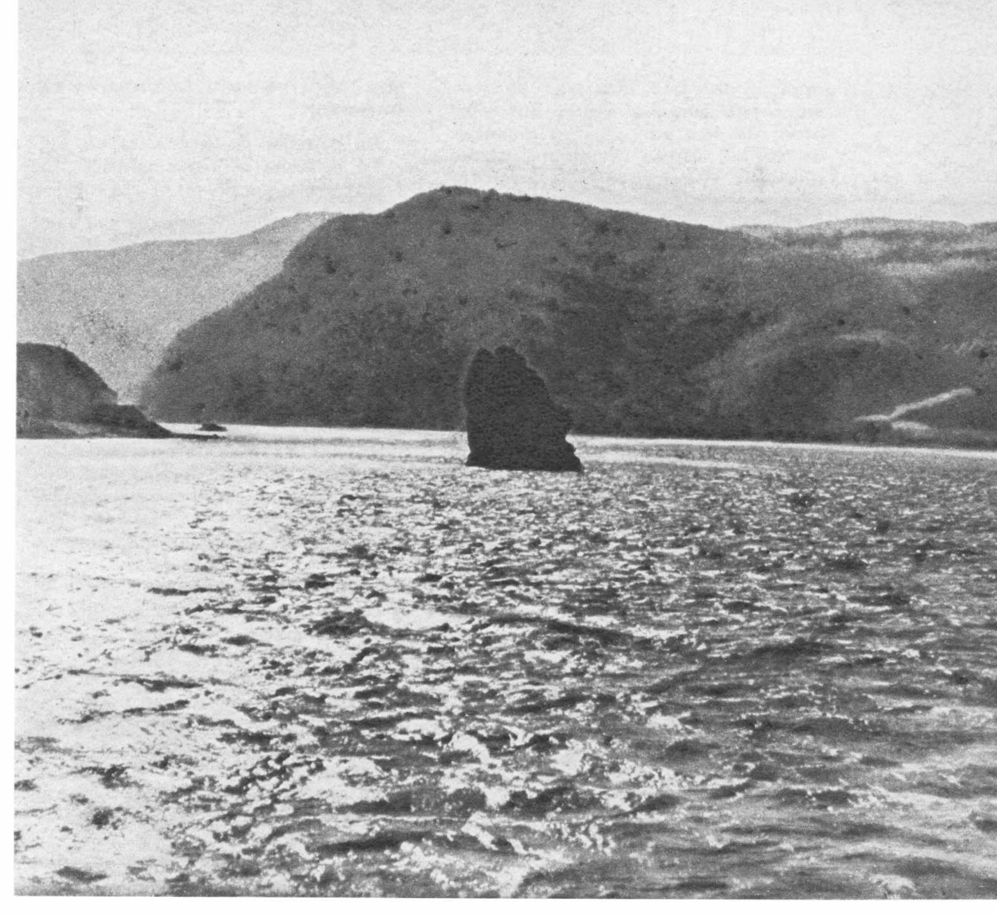

Первый мост через Днепр, как свидетельствует хроника времен Владимира Мономаха, был переброшен еще 850 лет назад. А недавно киевляне получили интереснейший по конструкции мост, по которому к новому промышленному району столицы уже идут голубые экспрессы метро и автомобили. Впервые в отечественной технике гигантские арки были собраны из железобетонных блоков весом до 80 тонн каждый.

Киевское метро продолжает расти. На очереди новые трассы: завод «Большевик» — Святошино и Дарница — Шелковый комбинат.

И. ЗАСЕДА

СНЕГ НА ЗЕЛЕНОЙ ВЕТКЕ

Дунай. Железные ворота.

Борис ИВАНОВ

Фото автора.

Капитан Кронераф Иштван плавает по Дунаю около тридцати лет. Он коренаст, толстоват, с одутловатым лицом, на котором самое впечатляющее — крупный мясистый нос. Говорит не торопясь, слово к слову ставит плотно, без зазоров. Поэтому рассказ его льется плавно, словно он не импровизирует, а читает заученное. Командует он пассажирским пароходом «Освобождение».

Бежит пароходик вниз по Дунаю, к берегам Румынии и Болгарии. В многочисленных каютах его разместилась главным образом молодежь, прибывшая на борт «Освобождения» из более чем двадцати стран. Вот уже несколько дней живут бок о бок участники рейса мира из Англии и Франции, Швеции и Канады, Новой Зеландии и Чехословакии, Польши и Германской Демократической Республики, Румынии и Голландии, Венгрии и ФРГ, Советского Союза и Соединенных Штатов. Среди делегатов рабочий-типограф, философ, журналист, токарь, социолог, инженер, теолог, политик — всех профессий пассажиров не перечислишь, как не перечислишь и партий, к которым они принадлежат, да и нет, пожалуй, в этом нужды. Главное, живут они дружно, по вечерам танцуют, поют, в общем, развлекаются кто как может. Споры разгораются, когда обсуждаются важные проблемы: работа ООН, разоружение и безопасность, роль человека в обществе. Мнения полярные. Отсюда и накал. Но к окончанию дискуссии плюсы и минусы, как правило, сближаются, образуя новую, близкую для всех сердец формулу. А это важнее всего. Чтобы найти ее, и собрались молодые люди на «Освобождении».

Пароход идет через Железные ворота, по самому красивому и романтичному участку Дуная. С одной стороны, со стороны Югославии, обрываются серой гранитной стеной Балканские горы, с другой, со стороны Румынии, наглухо покрытые лиственным лесом высятся Карпаты. Вода быстрая, зеленая, высокая. Не спала еще после страшного летнего разлива, хотя на дворе осень. Торчат в окружении белых бурунчиков бревна-буи, обозначая фарватер. Лепятся к берегам мачты семафоров. На них огромные красные шары. Это чтобы лоцманам лучше было видно. А над головой высоко-высоко голубое небо. Чудится, что плывешь не по реке, а по огромному глубокому колодцу.

На югославской стороне, в отвесных скалах, вьется узкая тропинка, пробитая еще в сто первом году нашей эры римскими завоевателями. Лучшего пути к богатой Дакии они не нашли. Скоро эта дорога тысячелетий спрячется под воду. В районе Железных ворот румынскими и югославскими энергетиками строится мощная электростанция. На уступах гор уже видны экскаваторы, бульдозеры. Накроют волны будущего водохранилища и остров Ада-Кале, на котором с незапамятных времен живут турки, сохранив до сих пор свои традиции и привычки. Туристы сюда приезжают пить кофе, посмотреть развалины древней крепости.

Беседую я с Кронерафом Иштваном на верхней палубе.

— Послушайте историю о моем маленьком друге,—говорит капитан,— это и будет ответ на ваш вопрос. В это время о котором пойдет речь, Арпаду было пять лет. Дом наш небольшой, приземистый, похож на пароход, который бегал по Дунаю в конце прошлого века. Тупым своим углом он словно разрезает улицы-реки. Они обтекают его потоками автомобилей, тугими струями вечно спешащих прохожих. Когда посмотришь на него с верхнего балкона соседнего дома-великана, и впрямь кажется, что он куда-то плывет с сотней жильцов по Будапешту.

Внизу дома магазин, там продают знаменитую нашу колбасу-салями, терпкое красное вино Бекавер, в котором сверкает солнце прибрежных холмов Балатона. С утра толпится в магазине народ. Особенно много бывает у него покупателей в те часы, когда день пересек финишную черту и людям хочется или отметить радость победы, или скрасить огорчение неудач. У дома маленький дворик. Растет в нем старый клен. Когда его посадили, никто не помнит. А вот три куста жасмина, что растут возле клена, посадил я вскоре после войны, в память о своих друзьях, погибших на Дунае осенью 1944 года. Всегда, возвращаясь из очередного плавания, свой первый визит я наношу этим кустам.

Но главной примечательностью моего дома был Арпад — рыжий, тоненький, молчаливый. Если у него что-нибудь спросишь,— стоит набычившись. Посмотрит на тебя внимательно снизу вверх, опустит мордашку и скажет односложно: да или нет. Душевный он был необычайно. Появится на лестнице тощий котенок или забежит во двор ободранный щенок, Арпад тащит их к себе домой. Мать очень сердилась на него за это.

— Опять ты, негодный, принес падаль домой! — кричит она.—Дышать нечем стало.

Арпад насупится, крепче прижимая несчастного к груди.

— Хоть бы в школу скорей пошел, некогда тогда будет возиться с подкидышами.

Однако подкидыш остается с Арпадом. Глядишь, через месяц-другой во дворе гуляет красивая животина.

Зима в Будапешт приходит поздно и держится на его улицах недолго. Но в тот год, когда с деревьев не упал еще ни один листок, вдруг налетел с севера холодный ветер. Город за ночь будто поседел. Покрылись серебристой шапкой и клен и кусты жасмина.

Двор для детей — целый сказочный мир, где они познают сладость движения, вкус силы, радость изобретательства. В играх, смехе, шуме они создают себя, строят свои характеры, учатся отличать хорошее от плохого.

В то первое зимнее утро не было конца восторгам будапештской детворы. Мигом появились санки, горки, ледяные дорожки. По ним проносились вихрем задиры и тихони на подошвах собственных ботинок. Я был тогда дома. Пароход стоял в доке на ремонте. Видел собственными глазами, как выбежал Арпад в наш дворик и замер, оглядываясь, видимо, пораженный светом, чистотой и запахом. Потом внимательно посмотрел на окна своей квартиры и быстрыми шажками направился к кустам жасмина. Подошел к одному кусту и деловито отряхнул с него снег. Проделал то же самое со вторым и третьим. Ветки на кустах задрожали, выпрямились, листочки на них глянцевито засверкали. Зато Арпад, обсыпанный с головы до ног белыми хлопьями, превратился в снежного гномика.

В морозном воздухе скрипнула створка окна, и я услышал голос матери Арпада:

— Что же ты, паршивец, делаешь?! Мигом домой! Простудишься...

Арпад как-то сжался весь от неожиданности.

— Листочкам холодно! — вдруг крикнул он матери.

В голосе его звучали и обида и удивление.

Арпад открывал в своем дворе — в этом маленьком сказочном мире — доброту. А без нее человек туп и тяжел, как колун. Не

правда ли? Без доброты не может быть мира в мире. Вот мой ответ на ваш вопрос, что сближает людей, кроме общности, политических убеждений,— и доброта, говорю я вам.

Приближался вечер. Осеннее солнце, белесое днем, становилось медно-красным, сползая за далекую гряду Балканских гор. Дунай у берегов зеленел. Стремнина его была голубого цвета. Неожиданно на тихой воде вспыхнул золотой шнур и мигом погас. Река сразу посерела. По ней побежали синие полосы. Но впереди она была по-прежнему светлой, расчерченной розовыми пунктирами.

Пароход медленно повернул, и за кормой на воду легли длинные красные вожжи, словно великан, спрятавшись за горизонт, решил управлять движением.

Капитан Кронераф Иштван ушел на свой мостик. Сложность фарватера требовала его присутствия там. В шезлонгах сидели пассажиры. «Капитан прав,— думал я.— Надо искать в людях разных убеждений и общечеловеческие черты, сближающие их».

Со многими участниками рейса я уже познакомился, и мне в эту минуту вспомнился Хартмут Барсник, его судьба.

Любовь не исключение

Все в жизни с чего-то начинается. Не исключение из этого правила и любовь. История Хартмута Барсника началась с его поездки в Лейпциг.

Однажды вечером он услышал по радио, что в Лейпциге открывается традиционная промышленная ярмарка. Хартмут много слышал и читал об этом городе. Газеты его родного Штутгарта писали о Лейпциге, как правило, неправду. Писали они примерно так: когда-то богатый, веселый Лейпциг теперь еле тянет. После войны восстановлены лишь здания, где размещаются местные власти, да несколько десятков жилых домов. Нет больше доброго, старого Лейпцига. А тут вдруг, пожалуйста: международная промышленная ярмарка! На пепелище-то! Где же правда? Хартмут решил все посмотреть собственными глазами. Оформить поездку оказалось делом хлопотливым. Но, когда очень захочешь, преграды не страшны. И вот уже Хартмут в Лейпциге. Город поразил его прежде всего многолюдьем и новизной. Все кругом оказалось новым — и дома и мысли его жителей. Действительно, старого Лейпцига больше не существовало.

Однако кто же такой Хартмут Барсник?

Первое наше знакомство состоялось при посадке на пароход, у трапа венского речного вокзала. Участники рейса спешили занять свои места. Обратил на себя внимание особенно энергично действующий невысокий молодой человек в очках, с коротко подстриженной темной бородой. В одной руке он держал вместительный саквояж, в другой—гитару. Свободными оставались только локти.

— Господа, осторожно, гитара! В пути пригодится,— говорил он, пробираясь вперед.

Затем он обратил на себя внимание вечером, лихо отплясывая твист. А когда на следующий день под собственный аккомпанемент он запел

Ты судьба, ты мое счастье,
Ты пришла из моих грез,
Вот кто ты есть —

популярную на Западе песенку Пола Анки под названием «Судьба», круг друзей Хартмута Барсника становился все шире.

На шестой день путешествия наш пароход прибыл в Бухарест. Хозяева пригласили участников рейса на городской стадион, где проходили легкоатлетические соревнования. Хартмут попросил разрешения принять участие в беге на сто метров. Одни с недоверием, другие с интересом отнеслись к его просьбе. Хартмут все же выступил и занял призовое место.

Тогда я не выдержал и спросил у руководителя группы из ФРГ:

— Хартмут, вероятно, студент?

— Нет, пастор...

Захотелось узнать его поближе. Певец, гитарист, спортсмен, танцор — ничего себе духовное лицо! За обедом мы сели с ним рядом и не расставались допоздна. В эти часы Хартмут и поведал мне историю своей жизни.

Его отец генерал. Участвовал в так называемом Восточном походе, но остался жив. Умер он вскоре после войны, как сказал Хартмут, от раскаяния и переживаний. Сын долго думал о судьбе отца, о трагедии своего народа. И когда перед ним встал выбор, чему посвятить свое будущее, он решил стать священником.

— Велики грехи наши. Кровью и слезами полита дорога прошлого, говорю я каждый раз с кафедры как напоминание, как призыв «Не повтори!».

Глубоко верующим, полным любопытства и исканий приехал Хартмут Барсник первый раз в Лейпциг. Прожил он там всего три дня, а увез с собой в Штутгарт смятенную душу. Так ли все? Только ли в молитве сила исцеления? Правилен ли путь, выбранный им для спасения? Сомнения— первый шаг к новому. И Хартмут сделал второй. Он еще раз поехал в ГДР. Решил побродить по всей республике. «Может быть, Лейпциг—лишь витрина,—размышлял он.— Ведь там устраиваются международные ярмарки, куда стекаются купцы со всего света». Поездка по стране еще больше убедила его в том, что одной молитвы для спасения мало. Здесь не последнюю роль сыграла Инга, с которой Хартмут тогда познакомился.

— Ты говоришь, что истинно верующий человек никогда не совершит зла. Допустим. А твой отец был верующий? — говорила она Хартмуту.

— Да.

— Однако он пошел на Восток сеять не добро, а смерть. И таких были миллионы. Гитлер оказался сильнее церковных проповедей. Ты взываешь со своей кафедры: «Не повтори!», «Помни!», «Молись!». И слушают тебя внимательно, ну, триста человек. А вечером эти же триста с тысячами других идут на митинги и внемлют словам: «Вперед, вперед за Одер и Нейсе!» И твоя же паства подхватывает: «Вперед! Вперед!»

— Так ведь это кричат старики переселенцы,— защищался Хартмут.— Они умрут, умрет с ними и дух реванша.

— Но призывают-то они идти «вперед» не стариков, а молодежь...

После этой встречи было у Хартмута не одно путешествие по ГДР и много свиданий с Ингой. И раздумья...

— Теперь я твердо решил уехать навсегда в Восточную Германию,— сказал он мне.

— Иными словами, в ГДР?

— Оговорился. Сила привычки... Мать и слышать об этом не хочет. Трудно, конечно... Со временем смилостивится. Слово божье там лучше услышат.

— По-прежнему — пастором?

— Не все сразу.

— А как же Инга?

— С ней мы решили обвенчаться...

На небо выкатила круглая луна, расстелив по воде льняную дорожку. На высоком берегу засверкали огни Белграда.

Кровь мертвых жива

Польский кинооператор Анжей Костенко в белой рубашке с закатанными по локоть рукавами подкручивал пружину своего аппарата, чтобы продолжить съемку документального фильма о рейсе мира по Дунаю.

— Видите обелиск, вон там... Обязательно его снимите,— сказал Анжею болгарский журналист Милен Маринов, показывая на берег своей родины.

По зеленому склону берега крупно было выложено камнем: «Хр. Б.». А над буквами высился белый обелиск.

Из рук в руки тут же заходил неведомо откуда взявшийся морской бинокль. Каждому не терпелось получше разглядеть историческое место. Может быть, там у обелиска еще что-нибудь есть?

— А что это значит «Хр. Б.»?— спросил кто-то.

— Это значит Христо Ботев, — ответил Милен.— Ему и его друзьям и поставлен обелиск. Святое для болгар имя. Христо Ботев — герой освободительной войны с турками. Здесь в 1876 году он высадился со своим отрядом. Недалеко от вершины Воли, что на юг отсюда, отряд вскоре столкнулся с врагами. Христо Ботев погиб в той схватке. Но слово «свобода» услышала вся страна и победила. Сколько лет уже прошло с тех пор? — Милен оглядел стоящих рядом с ним пассажиров и сам себе ответил: — Девяносто! А Ботев живет среди нас.

Есть имена-символы. Они объединяют не только один народ. Они как бы служат и знаменем чести, справедливости, мужества, под которыми собираются лучшие люди всей земли. Труд, подвиг этих героев нетленны, их кровь бьется в сердце каждого человека, напоминая ему: «Береги мир. Мы ушли, чтобы ты был счастлив».

Лелей, пои, таи ту новь,
Пройдет весна—над этой новью,
Вспоенная твоею кровью
Созреет новая любовь.

Связь времен неразрывна. Когда стоишь молча у памятника герою, благоговейно смотришь на древний редут или замшелый блиндаж, вдруг что-то шелохнется в груди. Это движение может услышать не каждый, но тот, кто слышит, слышит голос своих героев-предков. Он сопричастен и к их судьбе.

Береги их память. А придется — повтори их подвиг.

Отец Милена — Иван Маринов, когда пришлось, повторил подвиг Христо Ботева, и тоже ради свободы и мира, повторил спустя шестьдесят пять лет. С группой своих друзей в 1941 году он высадился с подводной лодки на Черноморском берегу Болгарии. Отряд в четырнадцать человек сразу столкнулся с фашистскими патрулями. Только троим тогда удалось добраться до цели. Но эти трое вобрали в себя энергию и тех одиннадцати погибших. Иван Маринов уцелел. Он добрался до повстанческой зоны Шумен и возглавил штаб. Затем его назначили комиссаром. Борьба была неравной. И все же партизаны выстояли. Фашизм сгинул. Вдохновляла партизан на борьбу и кровь героев-предтечей, бившаяся в их сердцах. Кровь Христо Ботева.

Кровь мертвых жива. Да не повторятся их муки.

Не только в Нормандии

Бродить по Белграду мы отправились рано утром.

Столица Югославии разделена на две части: на левом берегу Дуная — старый город, на правом, у самого устья Савы,— новый. Его венчает тридцатиэтажный хрустальный куб — здание Центрального Комитета коммунистов Югославии. В этом же доме расположены и общественные организации республики. Неподалеку, похожий на чайку в полете,— дом правительства. Жилые кварталы застроены сплошь высотными домами с лоджиями, широкими окнами, зеркальными витринами магазинов.

В старом городе тоже много новостроек. Но здесь дух веков витает над каждой улицей, каждым парком. Когда ходишь по Белграду, испытываешь удивительное чувство родства. Не только в кириллице, мирно соседствующей с латиницей, чувствуешь это родство, но и в языке горожан, в их манере держаться, спорить, отдыхать. Вот так и у нас в Москве, на Цветном бульваре, проходят шахматные бои пенсионеров, у ног уткнувшихся в книги мам стоят коляски с малышами.

В парке, возле крепости Калемегдан, я увидел такую картину. На скамейке сидел мужчина лет сорока. Около него стояла детская коляска, а в руках мелькали вязальные спицы.

— Пример полного и окончательного разоружения,— сказал мне, кивнув в сторону мужчины, Франко Пель, с которым мы гуляли по городу,— итальянец, житель Лондона, вообще личность ищущая и страждущая. По профессии он журналист. Немного знает русский язык. В Лондонском университете совершенствуется в истории международных отношений. Несколько лет провел в Пакистане. Поехал в Африку, чтобы написать книгу о Джомо Кениате. Задуманное осуществил. Книга недавно вышла в свет. В Италию пока вернуться не может, хотя у него там невеста, которую он очень любит.

— Что же вас удерживает? — спросил я.

Франко грустно улыбнулся своими черными глазами.

— Знаете такую побасенку: крестьянин вернулся из города в деревню и говорит соседу: «В городе у всех центральное отопление. Не знаешь, как его делают?» «Да очень просто,— отвечает сосед,— переставь свою печку в центр дома». Я бы уже давно свою печку перенес в Рим, если бы было все так просто. Но меня там ждет... тюрьма.

— За что же?

— За уклонение от воинской обязанности. Это мой протест против гонки вооружений.

Франко задумался, взъерошив свои негустые волосы.

— Помните, когда вывозили из Африки черных рабов, протестовавших были единицы. Но с каждым годом их становилось все больше. В конце концов они победили. Рабство было отменено. Вот если все парни поступят, как я, оружие останется лежать на складах.

— Вы забываете одно обстоятельство: у властей тюрьмы, полиция, деньги и мощный пропагандистский аппарат.

Пацифистская наивность Франко была характерной чертой для многих участников рейса мира, прибывших на «Освобождение» с Запада. Оттенков у нее много. «Пытаемся браться за проблемы, раскаленные добела, и обжигаем руки,— говорила мне Хильда Робинсон из Дублина,— а борьба за мир не кузнечный цех, где нагретый металл легче ковать. Нужна постепенность. Обращение к душе человека. Пробуждать совесть у творящих зло. Мы противленцы во имя совести».

Истина, что пацифизм нельзя исключить из общего потока борьбы за безопасность. Но какова сила его воздействия на умы и сердца? Я сужу по поведению Рейнгарта Вагнера, плотно сбитого человека с круглыми глазами на вытянутом лице.

— Голосую обеими руками, — поддержал он Хильду Робинсон, включаясь в разговор.— Я за постепенность. И тоже отказываюсь служить в армии.

Рейнгарту Вагнеру, как выяснилось, далеко за сорок. Он уже свое отслужил. Был ранен на Восточном фронте.

Тут вступил в разговор француз Доминик.

— Говорим «нет», а сами своим поведением, работой, мыслями служим тому строю, который поддерживает армия.

Рейнгарт Вагнер возглавляет отдел по координации молодежного движения при боннском правительстве. А Бонн, известно,— это реваншизм, бундесвер, короче, пороховая бочка Европы.

— Не знаю, как у вас в Германии, у нас в Нормандии это называется hypocrisie [1],— заключил после некоторого колебания Доминик.

На палубе прозвучал сигнал. Звали всех к обеду.

Запевала Петер Грохман

В этот час на пароходе было непривычно тихо. Приближался конец нашего путешествия. Завтра— Вена. Все разбрелись по каютам. Нужно подготовиться к высадке. Ведь многим еще предстояла долгая дорога к родным пенатам. В обычно оживленном баре сидело всего несколько человек. Пили крепкий венгерский кофе Жан Грива, известный латышский писатель, и Петер Грохман, столяр из Штутгарта. Студент из Англии Тони Френч и польский кинорежиссер Ежи Беднарчик лакомились венгерским пивом. К нашему столику подошел Доминик. Он принес бутылку кальвадоса.

— Готовила мама. Угощайтесь,— сказал он.

Кальвадос пахнет лежалыми яблоками.

Слышно было, как гудит машина, шлепают по воде плицы. И вдруг откуда-то полилась знакомая мелодия. Что это? Не показалось ли мне? Нет, конечно, «Молодая гвардия». Я машинально посмотрел на репродуктор. Он молчал.

Вперед, заре навстречу,
Товарищи, в борьбе.

Уже отчетливо слышались слова. Взглянул на столик, где сидел Жан Грива. Конечно, запевали там.

Штыками и картечью
Проложим путь себе.

Запевал Петер Грохман. Песню, вначале несмело, подхватили те, кто был в баре. Слова звучали на немецком, французском, русском, польском, английском языках. Но получалось складно и цельно. Объединяла мелодия.

Песня лилась с каждым тактом все шире и шире. Из кают выходили другие участники рейса и сразу включались в хор. Уже не хватало стульев, рассаживались на ступеньках лестниц, которые вели на второй этаж парохода. Стояли обнявшись.

Смелей вперед и тверже шаг,
И выше юношеский стяг!
Мы — молодая гвардия
Рабочих и крестьян,—

разносилось далеко по Дунаю. Пели социал-демократы и католики, атеисты и священники, коммунисты, социалисты и нейтралы. Пели с удовольствием, с каким-то самозабвением.

Одна песня следовала за другой. А когда кто-то густым басом предложил «Широка страна моя родная», в каютах уже не оставалось ни одного человека. Даже Рейнгарт Вагнер вышел в бар. Но он молчал, поблескивая своими круглыми глазами. Молчал и Хэниус, представитель Канады.

Самодеятельный концерт так же неожиданно оборвался, как и начался. Но никто не расходился, никто не сказал: пора спать. Все чего-то ждали. Каждый чувствовал, что это еще не конец, а лишь маленький антракт, минуты поисков, накапливания сил.

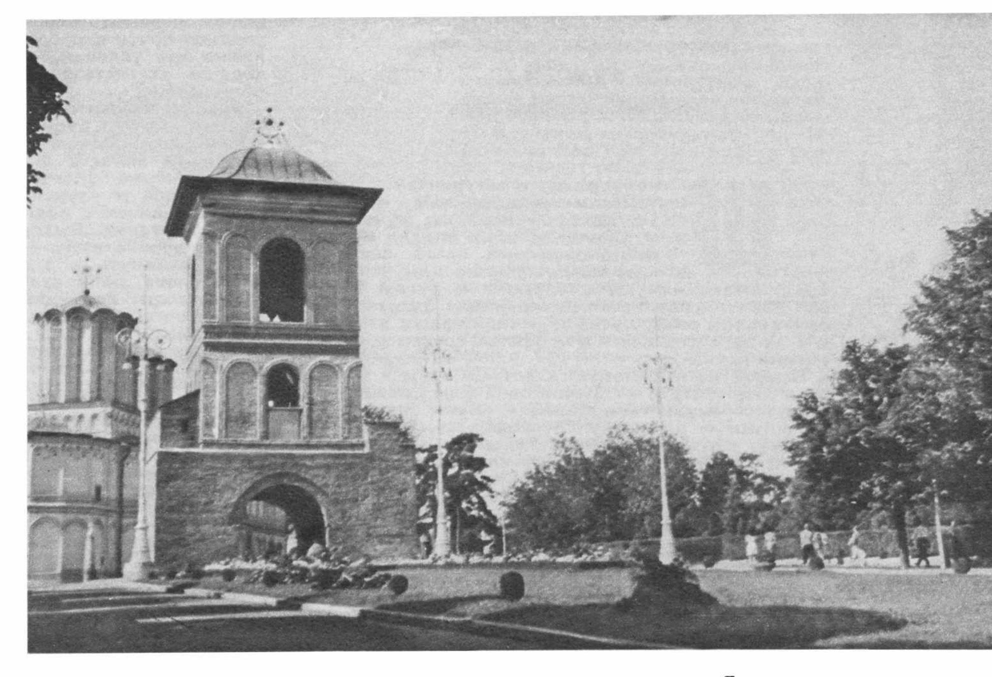
Так и оказалось. «Интернационал» заключил затянувшийся далеко за полночь вечер. Особенно мужественно и вдохновенно прозвучало:

С Интернационалом
Воспрянет род людской!

Канадец Хэниус долго прислушивался к мелодии гимна коммунистов, а потом спросил у Михаила Котова, секретаря Советского

По Дунаю. Новый Белград.

Бухарест.

Эстергом.

комитета защиты мира, руководителя советской делегации:

— Это что, «Интернационал»?!

— Да.

— Как же так? — искренне удивился он.

Не выдержал и Рейнгарт Вагнер. Он подошел в конце вечера к своему подопечному Петеру Грохману, взял его за локоть и строго сказал:

— Это не патриотично...

На что Петер ответил так же коротко:

— Хватит нам морочить голову!

* * *

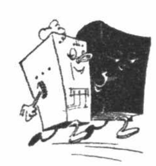
В Москву мы вернулись, когда облетели листья с деревьев. А вскоре пошел и снег. Ранняя нынче зима в Москве.

[1] Лицемерие.

ВАВИЛОНСКОЕ СТОЛПОТВОРЕНИЕ И МАТЕМАТИКА ЯЗЫКА

Р. ПИОТРОВСКИЙ,
доктор филологических наук
В. РУЖИНА,
старший преподаватель

Школьникам и студентам, изучающим иностранные языки, всегда были понятны мучения, которые так ярко описал молодой Маяковский своей сестре: «...я же сижу дома или что-нибудь читаю, или же учу уроки и ругаю бога за вавилонское столпотворение. Захотелось ему башню разрушить, он и перемешал языки, а я за него страдай и учи уроки, совсем у бога логики нет!..»

Многие из нас, потратив годы и годы в школе и в институте на английский или немецкий, пишут со смущением в анкете: «Язык знаю слабо, читаю и перевожу со словарем». И это не потому, что мы родились слишком рано и не могли изучать по пятьдесят слов за ночь, нашептываемых на ухо магнитофоном. Просто наши преподаватели и наши учебники, предлагая нам выучить к уроку десяток-другой слов и новые правила, выбирают их на глазок, без понимания статистического и логического построения языка. Но разве можно вызубрить подряд все слова и правила языков? Достаточно вспомнить, например, что в четырехтомнике «Толкового словаря русского языка» Даля 200 тысяч слов!

Когда заходит речь о лингвистах, услужливое воображение рисует традиционный образ: отгороженный от жизни толстым томом словаря или грамматики, филолог, для которого святая святых — суффиксы и префиксы, бесконечные правила и исключения из этих правил. Но сегодняшний филолог поклоняется уже не одному словарю, а еще и нашей современнице — кибернетике.

Впрочем, это не значит, что представителей математической лингвистики надо обязательно искать за пультом электронно-счетной машины. Если вы явитесь в институт языкознания, вы можете стать свидетелем довольно странной на первый взгляд сцены. Солидные и молодые научные работники как будто вспомнили свои школьные годы и «играют в слова». В ход идут таблицы, формулы и расчеты. Игра ведется на научном уровне — строгими методами современной математики. Так примерно начинается рождение частотного словаря — оружия, с которым лингвисты повели наступление на вавилонское столпотворение языков.

Частотные словари дают нам списки слов, выстроенных по принципу их популярности, позволяют определить наиболее важные грамматические формы и правила в языке. Выяснилась интересная закономерность: с помощью десяти наиболее часто употребляемых слов можно понять до 25 процентов текста, с помощью сотни — половину, а тысяча слов «покрывает» до семидесяти пяти процентов любого текста. Доведем эту мысль до конца. Значит, любой человек может в короткое время научиться почти свободно читать на иностранном языке при условии, что его будут обучать исходя из статистической и логической структуры языка.

Ученые заботятся сейчас не только о современной, но и о будущей молодежи. Ведь если, как предполагается, к концу нашего столетия население земного шара удвоится, за парты сядут уже не сотни миллионов, а миллиарды школьников и студентов, вряд ли человечество справится с подготовкой огромной армии преподавателей. Выход из этого положения — использование кибернетических машин.

Как вдохнуть в электронные блоки живую душу слова, речи человеческой? Оставим пока возможности современного логического автомата и поговорим о самом языке, который надо подготовить для этой необычной операции.

Человек использует в среднем около двух тысяч слов. Каждое из них имеет множество значений и дает сотни комбинаций с другими словами. Самые простые слова: «и», «но», «я» — могут восприниматься машиной как разные речевые сигналы. А как передать автомату устную речь, например, такую неверную с точки зрения правил русской грамматики, но совершенно обыденную фразу в трамвае: «Выхóдите на следующей?» Как передать интимный шепот влюбленных и стреляющее слово стиха, где интуиция и воображение позволяют нам витать над пропастью недосказанного и видеть всю картину в целом?

Математическое языкознание подсказывает, что на любом языке ту же самую информацию можно изложить значительно короче. Так, например, коэффициент полезного действия русского языка составляет немногим более 20 процентов, а все остальное — избыточность. Эта избыточность необходима нам, людям, чтобы хорошо понимать друг друга,— ведь не каждый из нас Цицерон; она защита от всевозможных помех (дефекты речи, слуха, письма и т. д.), а кроме того, мозг человека работает, как и сердце, ритмично, с паузами и принимает информацию определенными порциями (простой пример: при восприятии слова мы стараемся уловить его начало, окончание же часто автоматически угадываем — здесь наши речевые центры как бы отдыхают).

Ну, а машине вся избыточность языка, конечно, не нужна. И мы опять приходим к частотным словарям, позволяющим сжимать речь и найти то важнейшее ядро языка, которое несет в себе главный смысл.

Даже великие писатели не всегда используют полностью свой активный словарь. Существует определенная зависимость между длиной текста и количеством использованных в нем разных слов. Если с этим правилом математической лингвистики подойти к разбору «Капитанской дочки», как это сделал молодой ленинградский математик В. Калинин, то оказывается, что лаконичный Пушкин обошелся всего 4 783 разными словами вместо 9 тысяч, ожидаемых на основании математических расчетов.

Увы, мы пока не в состоянии поручить машине перевод «Капитанской дочки» ни на английский, ни на любой другой язык. Мы даже не можем еще исчерпывающе и точно переводить специализированные тексты — нас лимитирует ограниченная электронная память. Подобно биохимикам, которые мечтают увидеть в своих колбах искусственную живую клетку, и мы надеемся встретиться в ближайшем будущем с автоматом, получившим высшее гуманитарное образование, который поймет нас, как говорится, с полуслова.

Но разработка этой научной проблематики пока еще недостаточно хорошо организована.

Вопросами автоматизации и математики языка занимается несколько малочисленных групп языковедов, математиков и инженеров. Однако усилия этих групп недостаточно скоординированы, а добрая половина их работает на общественных началах, вне какого-либо плана и часто нерегулярно. При существующих темпах этим группам понадобится не менее пятнадцати — двадцати лет работы, чтобы создать надежные программы только для четырех-пяти основных языков.

Между тем такие программы можно было бы создать для многих языков в гораздо более сжатые сроки и в объеме тех же средств, которые затрачиваются сейчас на научно-исследовательскую работу в области языкознания. Нужно привлечь тысячи языковедов, работающих в научно-исследовательских институтах и высших учебных заведениях страны.

Общение между человеком и машиной — важнейшее направление научного поиска. И если это так, нужно организовать настоящее перспективное планирование языковедческих работ. Так, сразу же определится последовательность, в которой должны выполняться многие конкретные исследования.

Загадка, проблема, открытие, факт

АСПЕРГИЛУС ТЕРРЕУС НАЙДЕН

Когда на Саратовском химическом комбинате приступили к производству нитрона, рабочие и технологи увидели поразительное зрелище. Белоснежные пряди, напоминающие перистые облака, опущенные в краситель, выходили из него по-прежнему непорочно-белыми. Напрасно химики прибегали к различным ухищрениям. Молекулы нитрона и красителей вели себя, как антагонисты, не признающие никаких уступок,— волокно не окрашивалось.

Английская фирма — поставщик оборудования — в свое время отказалась продать нам итаконовую кислоту, которую сама покупала в США. А без итаконовой кислоты волокно окрасить было невозможно.

Итаконовую кислоту вырабатывают грибки — аспергилус терреус. Водятся они лишь в Южной Америке и в Японии. Впрочем, итаконовую кислоту можно было получить более дорогим и сложным путем химического синтеза. Сотрудники Рижского завода биохимических препаратов решили найти аспергилус терреус в СССР. Работу возглавили главный инженер и начальник проблемной лаборатории, кандидат технических наук Р. Я. Карклиньш и начальник центральной заводской лаборатории А. К. Пробокс.

Рижане выехали в Среднюю Азию, побывали на Кавказе и в Закавказье, и всюду они брали образцы почвы, которые немедленно отправляли в Ригу. Там микробиологи Вита Гайле и Бирута Кестере высевали образцы на питательной среде. Наконец, после долгих поисков, близ Ташкента нашли аспергилус терреус.

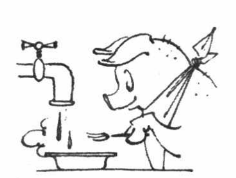
Первые поколения грибков давали слишком мало кислоты. Микробиологам пришлось заняться селекцией. В ход пошли ультрафиолетовые лучи, химические мутагены. С их помощью были выведены новые высокопродуктивные штаммы грибов.

Сейчас промышленное производство итаконовой кислоты уже налажено. Ее роль не ограничивается способностью соединять нитрон и красители. Этот продукт, как и многие другие кислоты, служит сырьем для получения синтетических смол, а следовательно, и синтетических материалов, например, пластических масс. Теперь на заводах итаконовая кислота превращается в пластификаторы, поверхностно-активные вещества, входящие в состав моющих средств, в прочные жаростойкие смолы.

КОГДА ТРУД ПРОДУКТИВНЕЕ ВСЕГО

Известно, что последний час рабочего дня самый непродуктивный. А какой из часов смены наиболее производителен? Этим вопросом занимался Польский институт охраны труда. На основании подробного исследования сотрудники института установили, что самый высокий коэффициент полезного действия наблюдается на третьем часу рабочей смены.

МЕХАНИЗИРОВАННАЯ ФЕРМА

Проект крупнейшей гостиницы на 15 тысяч мест разработан Запорожским филиалом Всесоюзного научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства совместно с запорожским «Облмежколхозпроектом».

Однако гостиница, о которой идет речь, не совсем обычная. Это электромеханизированный откормочный пункт, позволяющий одновременно содержать до 10 тысяч свиней в зимнее время и до 15 тысяч в летнее.

Все работы на ферме механизированы, в том числе и самая трудоемкая — приготовление кормов. Пища для животных в виде пюре, сильно обогащенного белками, транспортируется по трубопроводам в специальные вакуумные кормушки. В этих условиях один свинарь управляется с 1 500—2 500 животными.

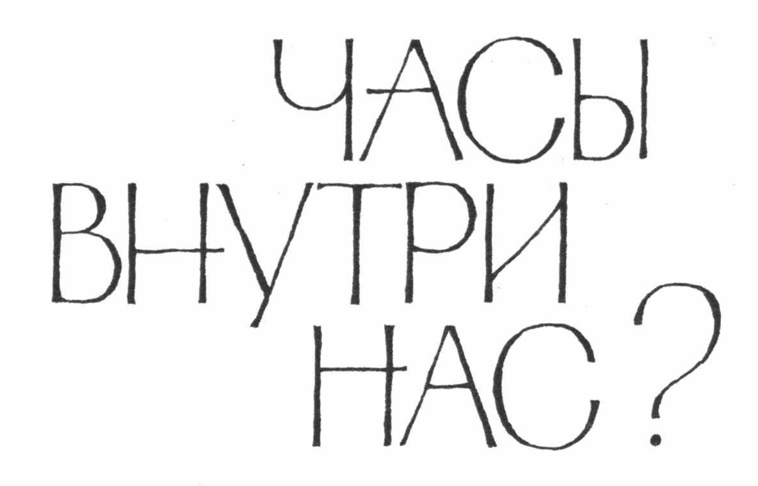
ФОТОЗАЩИТНАЯ ПЛЕНКА

Ленинградский врач-дерматолог Д. И. Сорокина предложила рецепт специальной пленки, отлично защищающей человека от вредного действия солнечной радиации. Пленка эластична, хорошо удерживается, не стягивает кожи, прочна, бесцветна. Она долго сохраняет свои защитные качества. Наносится пленка на подверженные облучению открытые участки тела кисточкой или ватным тампоном.

Применение фотозащитной пленки не только предохранит людей, работающих на открытом воздухе, от профессиональных заболеваний, но и обезопасит от жгучих лучей горного солнца геологов, изыскателей, спортсменов-альпинистов.

ЧАСЫ ВНУТРИ НАС?

В. ПОЛЯНСКИЙ,
А. ТАМБИЕВ,
кандидат биологических наук

Ракета идет с субсветовой скоростью к созвездию Кита. Далеко, за миллионы километров позади,— Земля. Внутри ракеты течет своя размеренная жизнь, впереди еще годы полета. Строго по земному времени заступают контрольные вахты. Определены часы на научные исследования, на занятия с лингвистической машиной, на развлечения и на многое другое. В общем, жизнь в кабине космического корабля напоминает земную, хотя, конечно, слова «день» и «ночь» тут неприменимы.

Однако люди в кабине в определенное время хотят есть, спать, занимаются научной работой, отдыхают. Какие-то часы внутри организма отсчитывают ритм, и, соглашаясь с ним, космонавты переходят от одного вида деятельности к другой.

Что же это за биологические часы? По предположению основоположника кибернетики Норберта Винера, такими часами является альфа-ритм.

Если к коже головы приложить электроды, смоченные раствором обыкновенной поваренной соли, а провода от них присоединить к усилителю, то на экране осциллографа вспыхнут и будут двигаться причудливые волны. Из множества самых различных волн хорошо выделяются синусоидальные — с частотой 8—12 колебаний в секунду. Их назвали первой буквой греческого алфавита α-ритм.

Этот ритм исчезает, депрессируется при действии света, неожиданных сигналов и раздражителей, при усталости, во время умственных напряжений и вообще при всяком эмоциональном переживании. Значит, он связан с важнейшими проявлениями работы головного мозга, человеческой жизнедеятельности. Однако, несмотря на то, что с 1929 года, со времени, как ритм мозга впервые записали, прошло более 35 лет, он остается загадкой для физиологов всего мира. Существует множество теорий, пытающихся объяснить это явление. Например, предполагалось, что уровень и характер ритмики определяются скоростью обменных процессов, что это запись возбуждения, циркулирующего по замкнутым кругам нервных клеток, с образованием циклов, которые могут возникать между подкорковым зрительным бугром и корой головного мозга. Загадочный ритм пытались представить и как суммарное отражение информации, а волны как результат прихода с периферии сигналов о различных явлениях окружающей среды.

Сейчас все более распространяется точка зрения, что альфа-ритм — это чередующиеся медленные тормозные и возбудительные волны: во время первых нейроны (нервные клетки) преимущественно не работают, а во время вторых — возбуждаются.

В 1953 году англичанин Уолтер, а затем советский ученый Дубикайтис выдвинули идею о том, что в мозгу человека существует специальное устройство, которое считывает информацию с разных частей мозга. Образно говоря, в мозгу есть свой координационно-вычислительный центр, особая электронно-счетная машина, которая собирает информацию и распределяет ее в центры, где и происходит ее обработка.

Считывание информации происходит по спирали, которая 2—3 раза в течение нескольких десятых секунды опоясывает мозг. Логически можно понять, что то огромное количество информации, которое поступает к нам, действительно наиболее экономично было бы считывать именно круговым способом.

Подтверждение подобной гипотезы, да и вообще расшифровка природы альфа-ритма, имеет огромное практическое значение. Прежде всего для бионики, которая, как губка, с неимоверной быстротой впитывает в себя новейшие открытия в области физиологии головного мозга. Возможно, будут поняты наиболее экономичные приемы считывания больших количеств информации. Это во много раз повысит пропускную способность вычислительных машин и других программных устройств.

Любой живой организм живет в своих определенных ритмах. Расшифровка этих ритмов — ключ ко многим тайнам живой природы.

Интересно, что при переходе от бодрствования ко сну альфа-ритм сменяется ритмом 4—7 колебаний в секунду. Этим обстоятельством воспользовались для создания электронного наркотизатора.

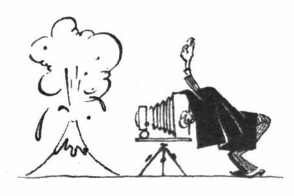
Во время операции с головы больного отводится электроэнцефалограмма (ЭЭГ), которая усиливается и через анализатор управляет механическим устройством, подающим наркотизирующее вещество. Как только ритм слишком замедляется, наркоз отключается, при появлении быстрых волн прибор снова начинает работать.

Автомат может полностью заменить очень ответственную и напряженную работу специального врача, отвечающего за наркоз.

Анализ ритмической активности широко применяется для диагностики ряда заболеваний, например, для нахождения места опухоли или травмы мозга, для определения скрытой формы эпилепсии. Несомненно, что ритмическая активность мозга связана почти со всеми проявлениями его деятельности, но расшифровка такой связи еще только начинается.

...Вернемся в ракету, по-прежнему идущую с субсветовой скоростью к далекой звезде. После трудной вахты космонавт входит в специальную просторную кабину, на дверях которой написано: «Спортзал». Полчаса интенсивной разминки с эспандерами, динамометрами, боксерской грушей, и вот уже анализаторы альфа-ритма показывают, что депрессия исчезла, тонус человека восстановлен и мозговая ритмика пришла в норму...

Рисунки В. Черникова.

ДЛЯ УЧЕНЫХ И КРИМИНАЛИСТОВ

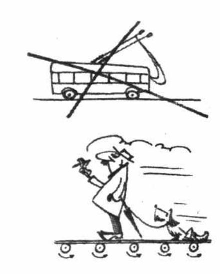
Обычное стекло почти непрозрачно для ультрафиолетовых лучей. Поэтому большой интерес представляет фотообъектив, пропускающий ультрафиолет. Его разработали изобретатели профессор Д. С. Волосов и инженер Н. П. Хмельницкая.

Объектив «Уфар» обладает значительной светосилой. Он найдет широкое применение в научной и технической съемке: с его помощью можно фотографировать пламя, взрывы, вулканические извержения и т. д.

Особый интерес представляет новый объектив для криминалистов при расследовании различного рода подделок документов. Чувствительный к самым незначительным изменениям химических составов красок и чернил, этот фотоглаз рассмотрит любую подчистку или исправление, внесенные в рукописный и печатный текст.

ДВИЖУЩАЯСЯ УЛИЦА

Еще каких-нибудь десять лет назад мало кто из специалистов предполагал, что эскалаторные ленты смогут выполнять, помимо своей роли в метрополитене, одну из важнейших транспортных функций современного города — перевозку прохожих, то есть, попросту говоря, стать движущимся тротуаром. Эта идея стала в настоящее время реальностью. В США, например, приступлено к изготовлению серийных эскалаторных лент, движущихся со скоростью от одного до пяти метров в секунду и способных перевозить до 16 тысяч человек в час. Движущиеся тротуары имеют ширину в три метра, преодолевают подъем до 10 градусов и — что самое главное — безупречно работают при любой погоде. Движущиеся улицы найдут применение в наиболее оживленных кварталах городов, на аэродромах, в пешеходных туннелях. В недалеком будущем они, по мнению архитекторов и планировщиков, смогут заменить столь привычные для нас виды транспорта, как трамвай и троллейбус.

НАСТУПЛЕНИЕ ПО ВСЕМУ ФРОНТУ

В Центральном научно-исследовательском институте курортологии и физиотерапии прошел испытания новый лечебный аппарат. Он позволяет воздействовать на организм ультразвуком, ультрафиолетовыми лучами, током высокой частоты, внутренним теплом, возникающим непосредственно в тканях организма, и активными химическими веществами — озоном и окислами азота, получаемыми в момент работы аппарата. Такое комплексное наступление на болезнь значительно сокращает сроки лечения воспалительных процессов и некоторых кожных и нервных заболеваний.

После испытаний аппарата в клиниках, физиотерапевтических лечебницах он найдет широкое применение в медицинской практике.

СУВЕНИР

Его деревянный домик стоит по соседству с Музеем К. Э. Циолковского в Калуге. В. С. Манакин ремонтировал в доме-музее печи, чинил мебель, но все чаще и чаще как-то озабоченно поглядывал он на позолоченные временем еловые доски — остатки после реставрации дома-музея. Ведь им 150 лет!

Василия Сидоровича Манакина часто видели в книжных магазинах и библиотеках. Он что-то аккуратно выписывал в тетрадь, что-то вычерчивал, а затем вырезал из дерева какие-то странные детали.

В упорных трудах прошло семь лет. И те самые старые доски, на которые часто поглядывал В. С. Манакин, в его руках превратились в певучие музыкальные инструменты. Он сделал десять замечательных скрипок.

Лучшую скрипку Василий Сидорович подарил музею.

Директор дома-музея А. Т. Скрипкин и внук ученого А. В. Костин.

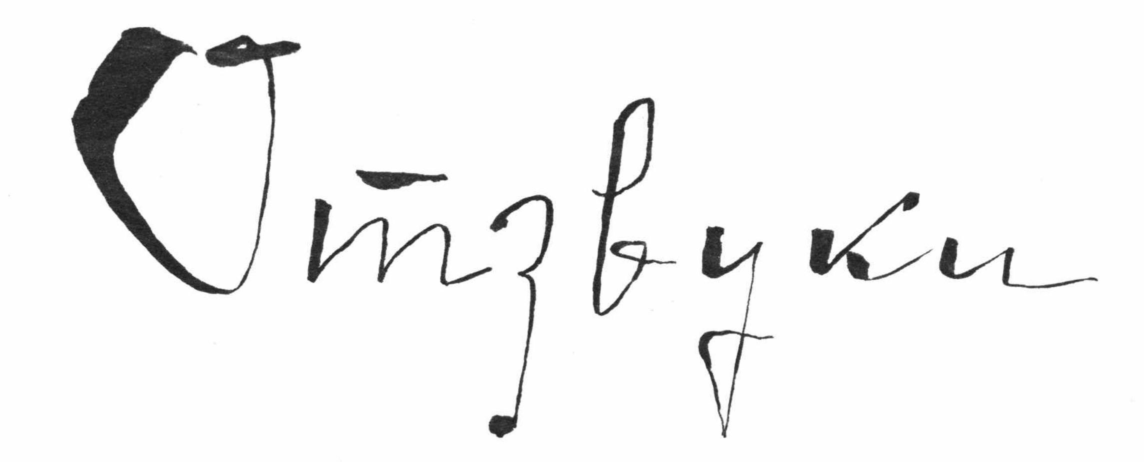
Фото А. Манакина.

— Она у нас занимает одно из почетных мест среди многочисленных подарков и сувениров,— сказал нам заведующий мемориальным отделом Дома-музея К. Э. Циолковского, внук ученого, Алексей Вениаминович Костин.

А. ХИЖНЫЙ

Владимир ГОРДЕЙЧЕВ

Родная речь

Из вечной бронзы выкован
извечный русский выговор,
чеканное, глубокое
то аканье, то оканье.
Слова в иной пословице
поются, а не молвятся,
слова звенят звоночками,
то ечками, то очками.
Вот палочка. И палица:
ударит — слон повалится.
Вот скрипка. Или скрипица:
играет — слезы сыплются.
А утка — это утица,
в куге озерной крутится.
А рыба — белорыбица,
плавник колючий дыбится.
А речек воды светлые!
Люблю за ними следовать:
то сетовать над Сетунью,
то с Беседью беседовать.
Певучими — над елками —
соловьими прищелками,
родная речь, вызванивай
из каждого названия!
Тобой, как речкой Речицей,
любая боль излечится,
твои слова, пророчица,
журчат — и слушать хочется.

* * *

В горах ли Крыма, кольских ли снегах,
в седых борах, настоянных на смолах,—
все виден мне на дальних берегах
степной реки районный мой поселок.
Там по ночам холодная роса,
там у домов березы так неброски,—
но все, как есть, земные пояса
застегнуты на лунном перекрестке.
Река блестит чешуйками слюды.
Она мелка — повозка переедет.
Но в той реке не вычерпать воды
бездонными ковшами всех Медведиц.
Они всю ночь колеблются над ней,
зеленых звезд холодные кристаллы,
но мне и небо кажется темней
с тех самых пор, как матери не стало.
Не в Арктике, от берега вдали,
земной оси полярное начало,—
лишь там моя проходит ось земли,
где мать меня под матицей качала.

В роддоме карантин

Сто мужчин, расстроенно ворча,
осадили здание, как остров:
к женам их веленьем главврача
не пускают бдительные сестры.
Ростом мал, да выдумкой удал —
или он не муж и не родитель?—
подогнал под окна самосвал
в кепочке замасленной водитель.
Юркий и пронырливый, как бес,
над толпой взмывая ястребино,
хлопнул парень дверцею и влез
по капоту прямо на кабину.
В сетку сунул руку. Наугад
покрутил транзистора колесики:
самою лихой из серенад
завопила песня из авоськи.
И мужчины, вдруг развеселясь,
так взглянули вверх по-молодому,
будто им явились в первый раз
жены их, все в белом, как мадонны.
Вот тогда-то с верхних этажей
так из окон жены замахали,
будто вновь увидели мужей
бравыми парнями-женихами.
А шофер все дальше от земли
возносил ликующие скрипки,—
и в палатах долго не могли
погасить счастливые улыбки.

Дальний Восток

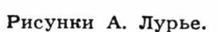
В пустоте мелочей не канув,
грохот волн будоражит быт,
берег Тихого океана,
ты за давностью не забыт.
Ты, как влага иссохшей глотке.
Знаешь ты и за то любим,
как по небу в подводной лодке
тосковал я во тьме глубин,
как стоял я, забыв усталость,
на кренившемся берегу.
Так дышать, как тогда дышалось,—
без валов твоих — не могу.
В сапогах, в бескозырке набок,
я в распадки входил твои,
постигая, как дивно сладок
льдистый холод речной струи.
Так земля твоя соки гонит,
так метелки трав подняла,
что, не спешившись, мог бы конник
их связать на луке седла.
Океан, и тебя я слушал!
Вдоль песков твоих в блестках брызг
патрули пограничной службы,
как по ягоды, разбрелись.
Я глубинною верой верю,
что под солнцем наплывших дней
не услышишь ты, мирный берег,
пулеметных очередей.
Край родной! Без излишних тягот
ты торговлю собой отверг.
Здесь, у сопок, не крыши пагод —
елки вздернули плечи вверх.
И восходов лучи косые
и стремительная вода —
это нашенская Россия,
в душу легшая навсегда.
Все здесь близко мне. Здесь я дома.
Я недаром спешил в свой срок
от Касторного до кордона
с гордым именем — Владивосток.
Стал я, видимо, выше ростом,
если ясно вижу вдали,
близ Японии, Русский остров,
оконечность родной земли.

Зеленые покои

Обожаю природу,
даже падаю ниц:
пью студеную воду
из бочаг и криниц.
В чаще леса колено
преклоняю, дабы
выбирать из-под клена
великаны грибы.
Наша дружба такая:
я в суглинок запруд
хворостинки втыкаю,
и, представьте, растут!
Трехметрового роста
вырастают, сквозя,
и в места эти просто
не вернуться нельзя.
По набитой дороге
через лес без огня
я шагаю, и ноги
обгоняют меня.
Так выводят фамилию
в темноте наизусть:
я с тропы этой милой
и слепым не собьюсь.
Здесь, я помню, ровесница,
вздев баян на ремне,
нашу школьную песню
пела мне и не мне.
Тем, кто грудился около,
улыбалась бедово,—
и от ревности охал я,
честное слово!
Здесь я страху причастен
был, спускаясь в долок:
в окровавленной пасти
волк зайчонка волок.
Но невольную здравицу
пело сердце на тризне,
потому что не зайцы
мы в шальной этой жизни...
Тем лишь ведомо счастье,
кто хоть изредка мог
в отчий край возвращаться
после долгих дорог.
С поля дымом запахнет,
и в тумане седом
кто-то глянет и ахнет,
кто-то выдохнет:
— Дом!..

Рисунки А. Лурье.

Генрих ГУРКОВ

Фото Николая КОЗЛОВСКОГО.

Специальные корреспонденты «Огонька»

Путешествие к островам чудес

Спор с Власом Дорошевичем

Перед отлетом на север Сахалина мы присутствовали в обкоме партии при телефонном разговоре с Охой.

— Да, корреспонденты «Огонька»... Летят к вам... Как здоровье у них? — Секретарь обкома окинул нас критическим взглядом.— Да вроде нормальное. Возраст? Нет, не старые...

Мы поняли, что впереди, как говорят гадалки, дорога нелегкая.

И ошиблись.

«ИЛ-14» поднял нас над разноцветными сопками Южного Сахалина, на которых в причудливом калейдоскопе сбились, сплелись, перепутались щедрые краски юга, и за три часа полета забросил на север, туда, где на сотни километров нескончаемо пылало золотое зарево сахалинской тайги.

Осень, осень... Здесь, на севере Сахалина, она необыкновенного цвета и необыкновенного обаяния. Нежно-желтые иголочки лиственниц — главный строительный материал пейзажа. Тысяча лиственниц. Миллион. Десять миллионов. И миллиарды и миллиарды золотых иголочек... Одинаковых, до тончайшего оттенка. Сверху, с воздуха, это океан. Золотой океан с зелеными островками кедрового стланика. И золотые сопки похожи на тяжелые океанские волны. А горы на горизонте, строгие, заснеженные, напоминают могучие рифы в океане.

Когда одному из королей русской журналистики начала столетия, острослову и весельчаку Власу Дорошевичу, пришлось попасть на Сахалин, он был потрясен увиденным, потрясен чудовищной сахалинской каторгой. Она заслонила Власу Михайловичу все: и океан, и солнце, и небо. Он написал поразительную по силе и жестокости книгу. Дорошевич проклял Сахалин.

> «Природа создала его в минуту злобы, когда ей захотелось создать именно тюрьму, а не что-нибудь другое,— писал он.— Это остров-нелюдим. Остров отчаяния... Словно какое-то чудовище с покрытой буграми спиной вытянулось, замерло и выжидает добычи... Здесь давит, здесь тяжко... Здесь воздух напоен тяжелыми вздохами. Здесь в ночном крике птицы чудится стон...»

А за окном нашего самолета сверкало тихоокеанское небо. Без единого облачка. Ослепительное, до боли в глазах. Такого прозрачного, такого бирюзового неба не увидишь на материке: чтобы так его выцветить, нужна тысячекилометровая океанская призма. Солнце с ошеломляющей расточительностью швыряло лучи на верхушки деревьев, на тайгу.

Рядом со мной сидел пожилой человек в кепке и брезентовом плаще. В руках он держал завернутые в газету гладиолусы. Сидел он неподвижно и напряженно. Чуть впереди, слева от прохода, уронив голову на плечо, посапывал здоровенный толстяк в унтах. В Южно-Сахалинске было двадцать градусов тепла, мы над ним посмеивались. Потом выяснилось: он был прав. Горделиво и важно прошествовал он по Охинскому аэродрому, похрустывая ледяной коркой, появившейся за ночь на лужах. А мы зябко ежились в легких куртках... Толстяк вез в авоське большой арбуз. Мы вначале подумали: «Предусмотрительный человек». А в Охе выяснилось, что роскошными, образцово-показательными арбузами торгуют буквально в каждой лавке. Ташкент в этом году славно потрудился — на удовольствие и благо дальневосточникам.

В самолете еще везли почту. В больших маркированных мешках. Чьи-то радости, заботы, огорчения. Все же, наверное, больше радостей, судя по тому, что мы уже успели увидеть на Сахалине.

Его теперь никак не назовешь нелюдимом, этот остров. Он радушный хозяин. «Приезжайте! — приглашает он.— Приезжайте, для всех найдется дело».

И люди едут. Одни потому, что далеко, трудно, интересно. Такие с ходу влюбляются в океан, тайгу и сопки, в рыбалку, в просторы, и обратно им пути нет. Едут другие — прикинув коэффициент надбавки к зарплате, пощелкав на бухгалтерских счетах. Эти обычно уезжают через два-три года. А потом нередко возвращаются. Уже насовсем. То ли привела их снова все та же нехитрая арифметика. То ли другое, что посильнее этой арифметики.

Но едут, едут сюда люди.

Опять вспоминается Дорошевич:

> «Живут молча, угрюмо, каждый уйдя, замкнувшись в себя, тоскливо выжидая, когда кончится срок поселенья, можно будет получить крестьянство и уйти «на материк». Дальше, дальше от этой безотрадной стороны».

И перебивает это воспоминание другое...

Мы провели несколько дней на туристской базе «Горный воздух» — это на склоне горы Российской, над самым Южно-Сахалинском. Отличное место! Днем отсюда видны стройные прямоугольники новых кварталов, которые во всех городах почему-то одинаково называют Черемушками, что, однако, впечатления не портит. Вечером мы любовались с «Горного воздуха» закатом над сопками, а ночью — живописной россыпью огней Южно-Сахалинска.

Там, в этом веселом и добром доме, директорствует Леонид Алексеевич Гончаров — человек с пышной шевелюрой и маленьким голубым якорьком, вытатуированным на руке. Энергичен он и неутомим в гостеприимстве, как кавказец. И на турбазе у него не бывает пусто и не бывает скучно. Вот и в дни, когда мы жили в «Горном воздухе», там проходил семинар старших пионервожатых Сахалина. Съехались девчата со всего острова. Славные девчата. Они днем заседали — обменивались опытом пионерской работы. А вечером пели «Ну что тебе сказать про Сахалин» и «Пошел купаться Веверлей», смотрели «Пепел и алмаз», бегали в город на премьеру новой пьесы Корнейчука. И еще устраивали КВН — клуб веселых и находчивых. Изобретали, выдумывали черт те что. Заливалась и от чужих и от своих шуток смешливая краснощекая девушка, которую звали Анфиской. Переплясывала всех высокая строгая красавица Валя Калашникова из таежного села Арги-Паги. Избранная демократическим путем комиссия определяла, кто был веселее и находчивее остальных,— каждое решение, естественно, вызывало одновременно шумное одобрение и бурные протесты. Долго расходились, а назавтра начинали все сначала.

Для девчонок этих Сахалин — родина, дом. Они здесь живут, любят, ссорятся, страдают, обучают уму-разуму ребятишек в красных галстуках. О материке думают не с тоскливым и скорбным чувством собственной недостаточности. Нет, совсем иначе. Отдохнуть в Сочи? Да. Поехать учиться в Москву, Новосибирск или Хабаровск? Да. Уехать навсегда с Сахалина? Ну, уж нет!

— Как вам нравится наш Сахалин? — наперебой спрашивали они.

Наш Сахалин. Именно так.

...Самолет завалился на левое крыло. На какой-то момент в иллюминаторе осталось одно лишь небо. А потом мы увидели домики аэродромных служб, несколько «газиков», несколько «Волг» и вертолет, который приветливо крутил лопастями.

Мы были в Охе, нефтяной столице Сахалина.

На вертолете за Чайкой

Перелет на вертолете из Внукова в Шереметьево или из Адлера в Сочи — дело незатейливое и приятное. А вот часов по пять в день болтаться в воздухе в этой свирепо ревущей и вибрирующей машине — тут уж действительно вступают в действие и возрастной и медицинский цензы.

Ну хорошо, до нефтепромыслов можно доехать на любом автомобиле. А как попасть к геологам? Как забраться к оленеводам или рыбакам? Дорог на Сахалине проложено немало, но тайга — это не Подмосковье. Когда на пути оказываются мари — страшные сахалинские болота,— тут уж бессильны и безотказные «газики» и даже мощные вездеходы. Вертолет и ноги — два вида местного транспорта в летнее время в тайге. А зимой, конечно, еще олени и собаки.

Вертолет нам был необходим. Во-первых, мы хотели побывать в геологической партии. Во-вторых, поснимать оленей. В-третьих, самое главное, встретиться со знаменитым на весь Союз рыбаком Пойтаном Герасимовичем Чайкой.

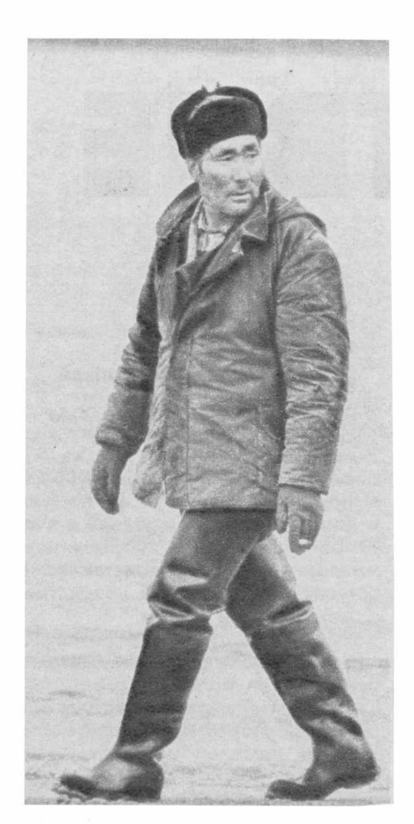
Пойтан Герасимович — нивх. Первый среди нивхов Герой Социалистического Труда, коммунист, член обкома партии, делегат XXI съезда.

— Культурнейший мужик, светлая голова,— сказали о нем знакомые ребята из «Советского Сахалина» — областной газеты.

Нивхи. Раньше их называли «гиляки». Древняя народность, быть может, самая отсталая в Российской империи, если существовала какая-то мера отсталости за той жуткой чертой, за которой находились ограбленные, обманутые, вымиравшие народы Севера. «Угасающее племя»,— писал о нивхах сосланный на Сахалин Бронислав Пилсудский, политкаторжанин, ученый. За 450 штук красной горбуши — бутылка разведенной водки — так торговали с нивхами рыбопромышленники Миллер, Пакирев, братья Люри и прочие благодетели. А николаевский купец Иванов поступал еще проще: он каждое лето ездил на Сахалин и брал с нивхов дань. Как удельный князь. И забитые, несчастные люди платили. Платили, потому что иначе засвистят плети и пули, запылают избы...

— У меня занятная встреча произошла недавно с Пойтаном Герасимовичем,— сказал нам секретарь Охинского горкома партии Владимир Александрович Игнатов.

За те два дня, что мы были зна-

Пойтан Герасимович Чайка.

комы, Игнатов, человек увлекающийся, навсегда восхищенный Сахалином и великолепно знающий его, рассказал много интересного. И о стаде кеты, которое идет на нерест в сахалинские реки. И о Рыбновском заводе, еще в 1904 году завоевавшем в Париже золотую медаль,— для этого завода промышляет рыбу бригада Пойтана Чайки. И о разведке нефтеносных структур. И о мысе Погиби на западе острова — через него тянется на материк нитка нефтепровода. Читали Ажаева «Далеко от Москвы»? Тот самый нефтепровод. А называется местечко Погиби потому, что там самое узкое место Татарского пролива и оттуда в царское время беглые каторжники пытались прорваться на материк. Сколько их там утонуло, скольких перестреляла охрана — разве сосчитаешь! Так место и назвали — Погиби...

Сам Игнатов — широкоплечий человек, всегда с папиросной в зубах, в кепочке, надвинутой на глаза этаким залихватским, сокольническим фасоном. Должно быть, так и носил в Москве, когда работал слесарем на заводе. Ходит чуть сутулясь, голову нагнув вперед, угловато, упрямо. А смеется, как мальчишка,— весело и заразительно. Он чем-то похож на актера Михаила Ульянова, и я подумал, что если бы Ульянову нужно было играть секретаря горкома, он играл бы его именно так. Тактичным, внимательным, вдумчивым, с неброской и убеждающей манерой разговаривать и работать.

Мы сидели с Игнатовым на соседних пеньках на таежной поляне, густо поросшей бледным, серо-зеленым ягелем — любимым лакомством оленей.

— Так вот, представьте, летом был я в Москве. Ходим с женой и дочкой по ВДНХ. Будни, народу немного. Из какого-то павильона доносится музыка. Современный ритм, джазовый. Певица с низким голосом. Язык вроде польский. Дочка говорит: «Зайдем послушаем». Заходим. Вижу, стоит человек спиной ко мне. Девушка-продавщица ему пластинку на проигрыватель поставила, он наклонил голову набок, прислушивается. Рядом — целая кипа отобранных пластинок. Я смотрю в затылок — что-то вроде знакомое. Подхожу ближе — Пойтан Герасимович! «Ты что,— говорю,— здесь делаешь?» «А вот,— отвечает,— приехал на празднование Дня рыбака — министр пригласил. Ну и зашел сюда купить пластинки для клуба. Маловато их у нас, и все больше старые, ты же сам знаешь, секретарь...»

В поселке Рыбное, где живет Чайка, вертолет не диковинка. Вот если бы сюда пришел поезд,— это да, все сбежались бы посмотреть. Такого здесь не видели.

Впрочем, несколько пацанов примчалось и к вертолету.

Юра Капкаун, солидный второклассник в школьной форме и резиновых сапогах, первым сообщил нам, что Пойтана Герасимовича дома нет.

— Он в тайге. Еще вчера ушел,— уточнил его приятель Валера Ахчик, розовощекий, плутовато улыбающийся крепыш.

— Поищите его на Сладком озере,— посоветовал подкативший на мотоцикле парень в телогрейке, с рыжей, растущей где-то на шее шкиперской бородкой.

Попробуем?

Вертолетчики Лева Титинкин, Валя Дзюба по прозвищу «Полковник» и Боря Астанков привыкли летать, чуть ли не касаясь колесами верхушек лиственниц, и сажать тяжелую машину на любом пятачке. Это искусство они много раз демонстрировали в тот долгий день.

Мы кружились над озерами, вспугнули стадо диких оленей, и они помчались по мари, гордо неся рогатые головы и рассыпая брызги из-под копыт. Внезапно вертолет резко метнулся в сторону — мимо моего окошка проплыл по-хозяйски спокойно и величаво огромный орлан-белохвост. Когда сели, я сказал Полковнику:

— Плохо пришлось бы этому орлану, если бы он с нами столкнулся.

Тот посмотрел на меня с удивлением.

— Это нам плохо пришлось бы. Ударишь его лопастью — и полетишь вниз камешком. И ведь прет и не сворачивает, черт носатый!

В зимовье, где обычно останавливается Чайка, мы никого не застали. У порога валялся кусок бересты со странной надписью: «Валя энд Коля». Должно быть, геологи заходили.

Летим дальше. Где искать Чайку? Сейчас кончился ход кеты, а корюшка еще не пошла. Есть свободное время — и он ищет на озерах новые зоны лова, ставит невода, экспериментирует.

Наконец на Сладком озере увидели пунктир невода, пересекающий темную воду из конца в конец, и две моторки.

— Чайка! — выкрикнул мне в ухо Игнатов, показывая пальцем вниз.

Нашли площадку. Сели. Никого поблизости нет. Озеро только сверху небольшое. А на самом деле — многие километры в длину.

Дали ракету. Ответили нам откуда-то издали выстрелом. Он прозвучал, как хлопок в ладоши,— еле слышно. Что делать? Ждать? Это может продолжаться несколько часов. А до наступления темноты вертолет должен вернуться на аэродром — таков непререкаемый закон полетов.

— Мы за ним слетаем,— сказал Лева Титинкин.

И еще раз поднялась в воздух его машина.

А мы пошли по берегу. Рвали шиповник — он здесь очень яркий и очень крупный, чуть ли не с грецкий орех. Листья уже опали, и куст был усеян алыми точками. Я у кого-то читал: «Будто капли крови». Литературщина, конечно, но действительно похоже.

Закинули спиннинг — его прихватил с собой Игнатов, азартнейший рыбак. Но хотя озеро кишит рыбой, наша блесна ее почему-то не соблазнила.

Потом ребята привезли на вертолете Чайку.

Смуглое лицо, седая голова — не совсем седая, с проседью,— глаза вроде бы прищуренные, наблюдательные, умные. Походка вразвалочку. Большие рыбацкие сапоги.

— Ну что, уху заварим?

Работали все. Чайка достал из сетки трех здоровеннейших, с поросенка размером сигов и пошел к воде потрошить их. Игнатов отправился чистить картошку. Нам поручили костер. Летчикам — посуду и воду.

Скоро вода закипела, рыбу принесли. Чайка сам шаманил над большим алюминиевым котелком.

— Сколько вам лет, Пойтан Герасимович?

— Я с пятнадцатого.

— Значит, в этом году юбилей, пятидесятилетие?

Он прикинул.

— Да, пятьдесят получается.

— А когда, в каком месяце?

— Это я не знаю. Да и год ведь тоже приблизительно. У нас раньше детей не записывали. Родился — и живет. Это в тридцать втором, когда артель здесь создавали, приехал из исполкома некто Дергачев. Вызывал народ, таких, как я, нивхов. Спрашивает: «Сколько тебе лет?» А черт его знает, сколько мне. Он говорит: «Ну, семнадцать, что ли? Хватит?» Хватит, говорю. Так и записали. И фамилию он мне сам придумал: «Чайка будешь»,— говорит. И отчество записал «Герасимович». Отца, однако, тоже Пойтаном звали...

Бригадир взял ложку, попробовал. Поморщился:

— Соли мало будет, однако.— И, обращаясь к Полковнику: — Поищи там в мешке.

...Уха припахивала ароматной черемшой и крутым дымком. Повар из «Метрополя» лопнул бы от зависти.

— Пойтан Герасимович, как ловилось в этом году?

— Хорошо ловилось. Кета шла, как никогда. Не успевали обрабатывать. Я уже говорил в горкоме: надо увеличивать емкость береговой приемочной базы. Мы при таком ходе могли бы сдавать по три тысячи центнеров в сутки, а принять у нас могли только половину. Разве это дело?

Подходили ребята из бригады Пойтана. Вежливо здоровались, присаживались к костру. Каждый нес две-три утки, по пути стукнули, мы слышали выстрелы. Федор Эдуска, Леонид Югайн — нивхи, Виталий Комиссаров — русский. Крепкие, сильные, с обветренными, загорелыми лицами. В расстегнутом вороте у каждого — полосатые треугольники тельняшек.

Покурили. Чайка сказал:

— Здесь, на озере, мы пробуем сига ловить, сазана, щуку. Скоро пойдем на море, точнее, на Амурский лиман, за навагой.

...Когда летели обратно, в Оху, память услужливо тасовала увиденное, услышанное, прочитанное о нивхах. Убогие жилища из экспозиции «Дореволюционный Сахалин» в краеведческом музее... Сосредоточенный Пойтан Герасимович, слушающий твист на ВДНХ... Деловитый Юра Капкаун в серой школьной форме...

В 1933 году—об этом знают все на Сахалине — ребятишки-нивхи из школы в Ногликах написали письмо в Италию Алексею Максимовичу Горькому. Пришел ответ. На конверте штемпель Сорренто. В письме были такие слова:

«Вы очень хорошо сделали, написав мне. Ваше письмо — подарок, которым я горжусь, как орденом.

Я получал письма от детей европейцев, конечно, их письма тоже радовали меня, но — не так глубоко, как ваше письмо, дети гиляков, тунгусов, орочен. Ведь не удивительно, что дети европейцев грамотны,— удивительно и печально, что среди них есть безграмотные. А вы — дети племен, у которых не было грамоты, ваших отцов избивали, грабили русские и японские купцы, двуногие звери, ваших отцов обманывали и держали в темноте шаманы, такие же обманщики, как европейские попы. И вот вы — учитесь, а через несколько лет вы сами будете учителями и вождями ваших племен, откроете пред ними широкую, светлую дорогу ко всеобщему братству рабочего народа всей земли. Вот в этом — великая радость для меня и для вас...

Вам — как всем — надобно понять, что вы учитесь не только для себя, не только для того, чтобы освободить сородичей и единоплеменников ваших из плена темной старины,— вы учитесь для того, чтобы включить вашу свободную энергию в работу всего трудового народа земли,— в работу завоевания власти трудящихся над миром, в работу уничтожения угнетателей, хищников, паразитов».

Я прочитал об этом горьковском письме в книжке Чунера Таксами, кандидата наук. Чунер Михайлович работает в Москве, в Институте этнографии Академии наук СССР. Книжка его называется «Возрождение нивхской народности». Написана она с несомненным знанием дела. Автор — первый в истории нивх-ученый. Мне рассказывали, что книжка его несколько лет назад произвела фурор на международном научном конгрессе в Канаде. Разговор там шел о малых народностях. Один из видных американских ученых долго вертел книжку Таксами в руках, листал ее, разглядывал. Потом сказал:

— Простите, не верю. Я знаю, слишком хорошо знаю, что произошло у нас с алеутами. Цивилизация раздавила их, обрекла на вырождение. И это было, увы, неизбежно. Таков закон исторического развития. Поэтому,— он потряс книжкой Таксами,— не верю. I am sorry.

К сожалению, мне неизвестно имя этого ученого. А то можно было бы послать ему в подарок недавно вышедший сборник рассказов первого нивхского писателя Владимира Санги. Этот худощавый, скромный, интеллигентный парень с тонкими чертами лица, педагог по образованию, пишет отличные стихи, своеобразную, искреннюю, сочную прозу. В

Скалы возле Александровска. Они называются «Три брата».

Постоянная прописка у них — Тихий океан...

Красное золото Сахалина.

Океан сегодня не только по названию Тихий...

Геннадию Чевелеву, механику с плавбазы «Скала», не раз приходилось видеть океан другим — злобным, ревущим.

Вертолет спугнул оленей.

Такие девушки на Сахалине. Лариса Гудзинская — отличница Александровского медучилища.

В порт Скоблики пришел танкер «Лозовая». Он возьмет нефть для Японии.

Взрыв в тайге.

Валера Ахчик и Юра Капкаун — школьники из поселка Рыбное.

— Там я подстрелил медведицу,— говорит Семен Павлович Большаков, таежный охотник.

На горах, окружающих Южно-Сахалинск, лежит снег,
а внизу, в городском парке, в самом разгаре осень.

огоньковской библиотечке его рассказы изданы тиражом 93 100 экземпляров и разошлись по всему Союзу.

Жаль, конечно, что нет возможности познакомить американца с Валерой Ахчиком, Юрой Капкауном и их товарищами по школе — будущими рыбаками, учеными, поэтами; жаль, что не увидит он домашнюю библиотеку Пойтана Герасимовича Чайки и его большой портрет на центральной улице Южно-Сахалинска, не прочтет горьковское письмо, копия которого бережно хранится в Ногликской школе-интернате. Быть может, он все же разобрался бы, отчего так неодинаково сложились судьбы нивхов и алеутов...

Пенсионер с ружьем

Неподалеку от Сладкого озера встретили старого охотника. Увидели мы его с воздуха.

Он выскочил навстречу вертолету, размахивая руками. Рядом выделывала замысловатые фортели черная собака неопределенной породы.

Охотник был седой, с длинными волосами, давно небритый. Отчаянно жестикулируя, он показал нам, где садиться.

Подошел, разулыбившись во весь рот.

— Вот уж не ждал. Пошли в избу — гостями будете.

Семен Павлович Большаков, или «Семен Палыч», как он представился,— пенсионер. Живет здесь один.

— Я ведь почему в тайгу удалился? Интересуетесь? Отвечу. Я от людей устал. Где люди, там и водка. А я по этому делу слабый. Как начну, так и нет никакого разумного окончания... А здесь я никому не поднесу и мне никто не поднесет. Хожу себе, размышляю, думаю. С медведями, однако, воюю. Трех в нынешний год положил...

Семен Павлович за свою жизнь повоевал не только с медведями. В девятнадцатом дрался с Мамонтовым, партизанил в Алтайском крае. В двадцатом клич: «Пролетарий, на коня!» Бил махновцев под Белой Церковью. Потом Тамбов — ликвидация антоновщины.

Родом Семен Павлович из алтайского села Ракиты. Там и отец погиб. Отец еще с пятого года в партии состоял. А в девятнадцатом казаки с Иртыша его порубали. Отца, двух комиссаров из продотряда и еще других большевиков, что в деревне находились.

Семен Павлович много лет проработал на лесосплаве, был директором лесхоза. На Сахалине с тридцать седьмого.

— Теперь форменный пенсионер. Живу здесь, рыбачу помаленьку.

— А не скучно вам тут одному?

— Как же скучно? Люди нет-нет заходят. Радио у меня есть, «Спидола» называется. Газетки выписываю, журнал «Охота и охотохозяйство» постоянно читаю. Тоже и «Огонек» мне сюда привозят — интересно, что в мире происходит. Хожу в деревню — недалеко тут она, Люги называется... Ну, медведей постреливаю. Вот весной медведицу убил.— Семен Павлович показал на громадную шкуру, лежавшую на полу.

Потом он долго уговаривал нас взять в подарок эту шкуру и несколько соленых сигов. А когда прощались, сказал:

— Места хорошие, это точно. Людей мало, однако. Может, вы бы обратились через «Огонек» со всесоюзным призывом к непьющим пенсионерам: мол, так и так, зовет вас всех сюда, на Сладкое озеро, Семен Палыч Большаков. Рыбку ловить, медведей стрелять... Ведь, наверное, найдутся такие, кто приедет, а?..

Взрыв в тайге

То, что Чехов был в этих краях и написал книгу «Остров Сахалин»,— факт хрестоматийный, общеизвестный. Но те, кто эту книгу читал, помнят ли, как информировали писателя о происхождении острова?

— Когда-то, в отдаленные времена, Сахалина не было вовсе. Потом вдруг поднялась подводная скала выше уровня моря, и на ней сидели два существа — сивуч и штабс-капитан Шишмарев...

Объяснению этому нельзя отказать в красочности и фантазии, но оно не вполне устраивает ученых. Им хотелось бы знать несколько больше о происхождении Сахалина и Курильской островной гряды, о тех колоссальных процессах, которые продолжаются в толще земной коры в этой геологически молодой области планеты. Нетрудно представить себе, какое поле деятельности открывается здесь для геологов, геофизиков, вулканологов...

И не случайно выездная сессия Отделения наук о Земле Академии наук СССР, проходившая в этом году в Хабаровске, делегировала на Сахалин и Курилы большую группу ученых — почти триста человек. Среди них было шесть академиков, пятнадцать членов-корреспондентов Академии наук СССР, тридцать шесть докторов наук. В сахалинской столице состоялся, как его назвали, «первый Дальневосточный съезд сейсмологов».

Его эхо докатилось и до Охи. Эхо в самом буквальном смысле слова.

Дело в том, что через несколько дней в северосахалинской тайге возле речки Черной прозвучал взрыв...

Нет, детектива не будет. Взрыв запланировали ученые, запланировали во время своей встречи, и нас даже пригласили сфотографировать его.

...Ровно в 17 часов 31 минуту землю и воздух рванул оглушительный удар. Взлетели птицы за несколько километров в округе, в панике ринулись прочь олени.

Начался грандиозный эксперимент, вернее, целая серия экспериментов, цель которых — изучение глубинного строения Земли, выяснение геологической истории острова, стратегическая разведка его подземных богатств.

Механика этого эксперимента проста и надежна. Волна от взрыва уходит в толщу земной коры до верхней мантии Земли, примерно на тридцать пять километров. Отрикошетив от слоев, которые встретятся на пути, волна вернется на записывающие устройства сейсмических станций, выдав при этом многие из тех секретов, которые скрывала и скрывает молчаливая природа. Цепь взрывов. Катушки исчерченных сейсмографами лент. Столбцы многозначных цифр, проглоченных вычислительной машиной.

И вот уже где-то у сопки начинает монотонно гудеть мотор поисковой буровой. Взрывы сообщили человеку: здесь должна быть нефть!

Случилось так, что наш путь на юг, в Ноглики, проходил по трассе, вдоль которой находятся посты экспедиции глубинного сейсмического зондирования. И еще случилось, что в поезде Оха — Ноглики в одном вагоне с нами оказался начальник этой экспедиции Михаил Харитонович Лившиц, человек известный и уважаемый на Сахалине. Так что у взрыва, который мы наблюдали в тайге, оказалось продолжение. И вот какое...

Самый медленный поезд

От Охи до Ногликов — 227 километров. Расстояние это наш поезд прошел за двадцать с лишним часов. Не быстро, скажем прямо. Быть может, самый медленный поезд на земном шаре. И знаете почему? Не в том дело, что узкоколейка. И паровозик игрушечный, сделанный в 1952 году в Тампере, мог бы разбежаться и показать скорость, ну, не рекордную, конечно, но вполне приличную. Но он не разбегается. Он проходит несколько километров — и останавливается. Не только на станциях и полустанках, но и просто у километровых столбов. И из тайги на его смешной, тонкий свисток выходят люди. Геологи, рыбаки, охотники. Они ждали этот поезд. Потому что он везет им хлеб.

В маленьком вагончике в два яруса поставлены кровати с пружинными матрацами. Удобно — лучше не придумаешь. А в центре вагончика буржуйка. Раскаленная докрасна. Тепло, уютно. Проводница Анна Андреевна, широколицая, очень по-доброму улыбающаяся немолодая женщина, вышла на какой-то станции и принесла нам вкуснейшего варенца. Сидим, слушаем про охинских нефтяников. Рассказывают Михаил Харитонович и Карл Лаува, корреспондент «Советского Сахалина» — он рижанин, но собирается на Дальнем Востоке основательно обосноваться, надолго.

— Ну хотя бы взять Рубаева... Сам он с Кавказа, осетин. Султанбек Заурович — его имя-отчество. Это же не человек, а легенда. Силищи неимоверной. Весной реку может переплыть, льдины только будет руками раздвигать. Штангу двигает — ну, не такую, как Власов, но тоже здоровую. Говорят, что переулок в Охе назвали Физкультурным, потому что там Рубаев жил. Неделю мог не спать, не есть, когда на промыслах что не в порядке... Приехал он сюда мальчишкой, работал электромонтером, техникум окончил, институт. Сейчас управляющий трестом «Дальнефтьразведка». Мыслящий человек. Скольких ребят отличных вырастил! Вот, например, Жаудат Муратов, Герой Социалистического Труда, так тот Рубаева иначе как батей не зовет...

С Жаудатом Муратовым мы познакомились вчера на аэродроме. Парень из Туймазы, нефтяник, можно сказать, по рождению, он получил Героя здесь, на Сахалине, за блестательную разведку нефтяных пластов на промысле Малое Сабо. Выдающийся мастер глубинного бурения. А вот окончил Сахалинский нефтяной техникум — и ушел в геологоразведочную экспедицию, решил заняться геофизикой.

Мы его встретили возле вертолета. Загорелый, черноволосый, с высоким лбом. Одет в щегольской свитер и зеленый брезентовый плащ — почти униформа в этих местах.

— Куда теперь? — спросил его Игнатов.

— В Конги-Монги. Там будем вести разведку.

И ушел вертолет.

— ...Или вот еще фигура — Подшивайлов,— продолжал Карл Лаува.— Старейшина нефтяников местных. Первый здесь Герой Социалистического Труда. Все тропы в тайге знал. Рассказывают, в войну, если не успевали вовремя деньги привезти, он сам снимал со сберкнижки и платил ребятам зарплату. Ну, а если видел, что где-нибудь возле буровой намусорено,— вот тогда был скандал. Сбрасывал старик пальто, шапку кидал на землю: «Все, ухожу. Я больше не буровик». У него на буровых всегда чисто, как в аптеке, было...

За окошком поезда песчаная насыпь. Небо сегодня серое, унылое. Дождь прошел. Маячат вдали горы со снежными нашлепками на вершинах.

— Сейчас будет станция Кыдыланьи,— сказала Анна Андреевна.

Кыдыланьи... Это здесь произошел случай, о котором только что рассказывал Михаил Харитонович.

— Работал у нас в экспедиции тракторист Вася, шальной такой парень, вечно у него какие-нибудь истории. Однажды, представляете, сцепили два трактора — кто кого перетянет. Чуть машины не запороли. Сорвиголова, лихач!.. И вот как-то сообщают: в пургу ребятишки потерялись. Тащил их тягач в перевозной будке, двадцать ребят с учительницей. И пропали все. Должно быть, с дороги сбились. А что такое бураны сахалинские, представляете? С ног валит. Руку вытянешь вперед — пальцев не видно. Так пока другие размышляли, как быть, Вася уже трактор завел. Почти сутки искал. Нашел, вывез... Да что говорить, такие у нас здесь личности — поискать...

А потом на остановках в наш вагончик начали заходить ребята из экспедиции Лившица. Они сразу же вытаскивали рулоны сейсмограмм и вместе с Михаилом Харитоновичем долго колдовали над ними. Судя по оживленному настроению и по отдельным репликам, результаты последней серии взрывов оказались превосходными.

Доносились обрывки разговоров:

— И в каком же ты?

— В Приморском сельскохозяйственном.

— Это что, техникум?

— Зачем техникум? Институт.

— А экзамены?

— Вот ездил, сдавал.

...

— Но холодно в палатках?

— Порядок, шеф. В спальных мешках отлично.

...

— Тут вот у меня на ленте, смотрите, занятная штука. А вдруг это?..

И восторженный, захлебывающийся шепот.

...Поезд шел в Ноглики. Самый медленный поезд. Очень нужный людям поезд.

Остров Сахалин.

Джамбо,

Сергей МЕДЫНСКИЙ,
кинооператор, лауреат Ленинской премии

Когда-то я видел английский фильм «Мост Ватерлоо».

Герои этого фильма трогательно любили друг друга и танцевали под грустную мелодию старинной шотландской песенки. Они танцевали, а высокий седой лакей гасил свечи в такт музыке. Бал кончался, герой расставался с героиней, все было так печально.

...Забыть ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забыть ли старую любовь
И дружбу прежних дней?..

Веселый шотландский поэт Роберт Бернс написал это стихотворение, ставшее народной песней. Фильм понравился, мелодия запомнилась. Запомнилась, а потом позабылась...

И вдруг над бетонным полем аэродрома, в далекой африканской стране Кении, я снова слышу тот грустный мотив. Только играют не музыканты в черных фраках, как было в фильме,— играет военный оркестр. Гулко бухает барабан, в такт подрагивают высокие меховые шапки, колышутся леопардовые шкуры, дергаются витые шнурки мундиров. Вдали одинокий самолет британских военно-воздушных сил, ожидающий пассажиров.

Пассажиры идут налегке — в руках одни карабины. Козырьки черных солдатских фуражек стаффордширского полка нависли над загорелыми лицами. Это для них играет военный оркестр, это на их отлет пришли посмотреть толпы людей...

По бетонному полю аэродрома переступают ноги английских солдат. Тихо звучит меланхолический мотив шотландской песенки.

Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней!..

Молча смотрят собравшиеся кенийцы на последний парад чужеземцев. Смотрят старики и дети, женщины и мужчины. Я снимаю лица людей, которые радуются и ненавидят, стараются понять, оценить, запомнить.

Последний раз слышатся чужие слова чужих воинских команд. Лязг оружия, топот шагов. Печально-меланхоличный мотив все звучит и звучит.

Семь десятков лет стояли на кенийской земле гарнизоны Великобритании. Давным-давно минули времена, когда строили они глинобитные форты, окружая их рвами, когда офицеры жили в палатках, когда солдаты гибли от укусов змей и тропической лихорадки.

«Бремя белого человека»,— говорил Киплинг. Сочувственно говорил. Жалел белого человека. А вот черного не жалел, не писал, сколько крови и слез пролито из-за белого человека, сколько страданий доставил он черному.

Уходят последние английские солдаты. Знаменосцы свертывают знамена.

В 1952 году в ответ на антиимпериалистическое восстание кенийцев английский губернатор Эвелин Беаринг объявил в стране чрезвычайное положение. В концлагере Холи охранники до смерти забивали патриотов. Кенийцы уходили в леса, на склоны горы Кения, вели партизанскую войну с колонизаторами. Карательные отряды англичан выжигали целые села.

...Знаменосцы покрывают чехлами нарядные полотнища. Их новенькие карабины лежат на сером бетоне аэропорта Найроби.

А вдали от Найроби, в городе Момбаса на берегу Индийского океана, лежат старинные пушки. Давно пришли на эту землю вооруженные чужестранцы. В конце 16-го века встали над океанским прибоем стены военной крепости. «Форт Иисуса» — назвали ее португальские завоеватели. Во имя бога и короля порабощали они кенийцев.

Каменные зубцы стен отгородили форт от шумных улиц Момбасы. Зловеще прищурились бойницы. Мрачно уставились в лазурный океан черные жерла пушек. Чугунные шипы ворот караулят покой форта, где теперь музей. В одной из комнат портрет человека в бархатном камзоле. Умные, пронзительные глаза жестко смотрят на посетителей. Человек этот умер в 1460 году. Форт построен около 1600 года, но неуемная воля этого человека незримо помогала возводить стены Форта Иисуса, вела за собой всех работорговцев и рабовладельцев.

Это принц Генрих, или по-португальски инфант Энрике, прозванный Мореплавателем, хотя инфант ни разу не уходил в далекие путешествия под португальскими парусами.

Уходили другие. Те, которых он научил, которых снарядил, которых послал. Один из посланных, португальский дворянин Гонсалвиш, в 1441 году привез в Лисабон десять черных пленников — первых чернокожих рабов.

«60 рабов умерли из-за тесноты. Капитан, испытывая недостаток воды, выбросил за борт 96. Позже подобным же образом избавились еще от 26 рабов. 10 человек сами в отчаянии бросились в воду...» — так современник описал трагедию на одном рабовладельческом судне. А таких судов были тысячи!

С 1783 по 1793 год только Ливерпульскому торговому обществу принадлежало 878 кораблей, обслуживающих рабовладельцев. Ливерпуль вырос на торговле рабами, отмечал Маркс.

За 350 лет работорговли из Африки в Америку было привезено около 10 миллионов рабов. Это те, которые доплыли. А сколько погибло, сражаясь за право оставаться свободным? Сколько погибло в пути? Цифру в 100 миллионов человек называют историки, когда говорят о потерях черного континента.

...Теперь осыпались ступени Форта Иисуса, по которым когда-то волокли связанных чернокожих пленников. Мирно ржавеют груды ядер. Никому не грозят пушечные пасти. Молчит оружие первых колонизаторов. Лежат пушки на пыльной площади Форта Иисуса в кенийском городе Момбаса. Молчит и оружие последних колонизаторов.

Знаменосцы поднимают свои карабины с бетонных плит аэродрома, идут к самолету.

Уходят английские войска, уходят навсегда.

Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней! —

невпопад уверяет кого-то оркестр...

Семь миллионов кенийцев будут жить в свободной республике. Кения — тридцать пятая страна Африки, сбросившая колонизаторов.

...На окраине Найроби раскинулся красивый, нарядный парк. «Митчелл» — назывался он в честь одного из английских генерал-губернаторов. «Джамхури-парк» — называется он теперь. «Джамхури» — значит «Республика».

12 декабря 1964 года стадион «Джамхури» гремел шумом приветствий: кенийцы встречали Джомо Кениату, прибывшего на праздник в честь провозглашения республики, первым президентом которой он стал.

К трибуне, на которую поднялся Джомо Кениата, подходит старик — вождь племени масаев. Он вручает президенту знаки вождя — жезл, накидку из шкуры леопарда.

Кениата берет из рук старика копье, красочный большой щит из крепкой буйволовой кожи.

Смеются, радуются, рукоплещут трибуны.

Приносят присягу члены нового правительства.

На зеленом поле стадиона застыли ровные шеренги войск.

Армия новой африканской республики меняет старые военные знамена на новые, трехцветные. Ярко горит на солнце золотая бахрома, сверкают буквы слова «ХАРАМБЕЕ», начертанного на гербе новой республики. «Харамбее» — значит «все вместе». Этот лозунг противостоит колонизаторской идее всех времен. «Разделяй и властвуй!» — говорили завоеватели. «Харамбее!» — говорит новая республика.

По стадиону «Джамхури» идут подразделения войск Республики Кения. Солдаты-африканцы, офицеры-африканцы. Армия, стоящая на страже новой республики.

Гремит торжественный марш. Его звуки так непохожи на тот меланхоличный мотив, под который маршировали уходившие англичане!

...Прошли дни веселого праздника. О нем напоминают флаги, плакаты, гирлянды, которые долго не исчезают с улиц Найроби, да коробки со снятой пленкой, которые мы с Сашей Истоминым приготовили для отправки на студию. Каждое утро мы едем на съемку в какое-нибудь новое место. Сегодня — к масаям. Всего в Кении около 40 различных племен, масаи — одно из самых многочисленных.

Шофер Зукки ведет машину в сторону далеких голубых холмов, где масаи пасут свои стада. На его правой руке браслет, похожий на проволочный, кое-где перевязанный узелками.

— Зукки, что это?

— Это волосы из слонового хвоста.

— А зачем?

— Да так,— смеется Зукки.— Но старые люди верят, что это приносит счастье.

По обеим сторонам шоссе саванна — равнина, покрытая редколесьем.

Впереди показывается стадо. Животные не торопясь переходят дорогу и ленивой рысцой сбегают на обочину.

— Бог стал делать лошадь,— говорит Зукки.— А тут его кто-то отвлек. Когда он вернулся к работе, забыл, что делал, и прилепил рога, как у буйвола. Тут его снова отвлекли, и вот получилась такая красавица... антилопа-гну.

С другой стороны шоссе стоят приземистые полосатые лошадки — зебры. И тоже пасутся у самого шоссе, не боясь машин. Антилопы, зебры, страусы... Снова зебры, снова антилопы...

— Это не всегда так,— говорит Зукки.— Сегодня они почему-то пасутся близко от шоссе. Нам везет.

И, подмигнув, указывает на браслет из черных волос слонового хвоста.

По сторонам бежит однообразная саванна. Кажется, что мы здесь уже проезжали. Вдали кучка высоких акаций, а среди них телеграфные столбы.

Вдруг столбы начинают шевелиться, наклоняются в разные стороны.

— Жирафы,— говорю я.— Зукки, жирафы!

— Да,— спокойно соглашается он.— Хотите подъехать ближе?

— Конечно!

Машина сворачивает с шоссе, мы едем прямо на кучку акаций. Телеграфные столбы снова застывают в вертикальном положении.

Мы подъезжаем совсем близко. Маленькие смешные головки внимательно разглядывают нас с пятиметровой высоты.

Я навожу на них кинокамеру. И вдруг наклонились, заколыхались длинные пятнистые шеи. Неуклюже вскидывая ноги, взмахивая хвостами, кинулись жирафы в разные стороны.

Вдоль дороги, навстречу нам движется цепочка юношей с бле-

Английские войска покидают Найроби.

●

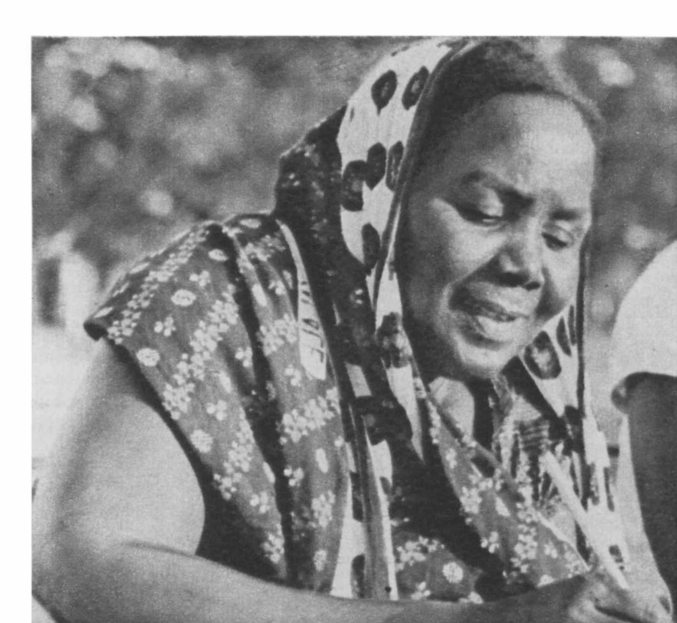
Страна учится.

●

Встреча с масаями.

●

Зловещий Форт Иисуса.

Кения!

стящими копьями. Это воины-масаи.

Мы останавливаемся. Я готовлю камеру.

— Подождите,— озабоченно говорит Зукки и идет к воинам.

Они разговаривают о чем-то довольно долго. Сначала юные лица воинов непреклонно-суровы, потом снисходительно-равнодушны, наконец, сдержанно-приветливы.

Зукки зовет меня.

У каждого воина в левой руке копье, в правой — маленькая боевая дубинка. Дубинки перекочевывают в левые руки — к копьям, а правые протягиваются ко мне для приветствия.

— Они не хотят сниматься,— говорит Зукки.— Но я сказал им, что вы из Советского Союза. Они знают, что русские хорошо относятся к африканцам, и поэтому они согласились.

Стройные, крепкие фигуры воинов натерты красно-коричневой глиной, лица — тоже. На лицах есть еще один цвет — оранжевый. Веревочные парики тоже окрашены красно-коричневой глиной, на плечи наброшены красно-коричневые одеяния. Эта скупая однотонность делает их похожими на ожившие статуи.

Я снимаю, как они идут по саванне, как останавливаются на привал и, воткнув рукоятки коротких копий в землю, стоят, беседуя о чем-то, помахивая в воздухе дубинками. Снимаю говорящих, живописные серьги, бусы, браслеты, оружие.

— Раньше каждый масай таким копьем должен был убить льва,— вдруг говорит Зукки.

— Зачем?— спрашиваю я.

— Как это зачем? — удивляется Зукки.— Чтобы доказать, что он мужчина.

— Спроси, пожалуйста,— говорю я.— А можно снять, как масаи охотятся на львов?

Зукки спрашивает.

— Нет, нельзя,— переводит он.— В заповеднике охотиться запрещено, а в этих местах львов уже не найдешь!..

— Почему?

— Потому что масаи и львы — давние враги. И львы теперь боятся масаев. Они все ушли отсюда.

Предводитель группы что-то говорит Зукки.

— Видите шрам на его лице?— переводит Зукки.— Это однажды он встретил льва.

— И что же, он его убил?—спрашиваю я.

Когда Зукки переводит мой вопрос, глаза предводителя становятся ледяными.

— Когда масай и лев встречаются,— говорит он,— ни один из них не отступает. Они бьются, пока кто-нибудь не упадет мертвым...

Юноши прощаются и исчезают в зарослях.

На обратном пути мы проезжаем мимо английской военной базы.

Пустынные, безлюдные улицы пробегают мимо нас, стройные ряды зданий мелькают за колючей проволокой. Громадный белый щит у ворот густо исписан черными буквами. Одна фраза по-английски, остальные — на суахили.

«Запрещенная территория, вход без специального пропуска не разрешается»,— читаю я английский текст и спрашиваю:

— А что написано на суахили?

— То же самое, только более подробно,— отвечает Зукки.— Это осталось от англичан. Видите, как жили мы на своей земле? Сотни тысяч акров самой плодородной земли были у них...

Он читает длинную надпись на суахили и улыбается.

— Много написано,— говорит он.— А кто мог читать?

При колонизаторах почти вся Кения была неграмотной. А теперь вся Кения учится.

Группа ребят и девушек проходит мимо нас и идет к воротам города. В руках у них какие-то сверточки.

— Куда они идут?— спрашиваю я.

— Сейчас узнаем.— Зукки выпрыгивает из машины и зовет ребятишек.

Дружная стайка разом меняет направление и доверчиво подходит к нам.

— Джамбо! (Здравствуй!) — говорят они хором.

— Джамбо!— отвечаем мы.

Зукки о чем-то расспрашивает их и поворачивает ко мне сияющее лицо.

— Они пришли издалека,— переводит он.— Они слыхали, что здесь, в казармах, откуда выгнали англичан, будут учебные заведения, и вот они очень хотят учиться!

И тут я вижу с другой стороны ворот другой белый щит с большими черными буквами.

«Колледж»,— читаю я.

...Два щита с двумя надписями стоят друг против друга. Они такие одинаковые издали. Но прочтешь надписи и видишь: две жизни стоят друг против друга. Одна—ушедшая в прошлое—несла народу бесправие, нищету и унижение, другая — новая—несет кенийцам свободу и свет.

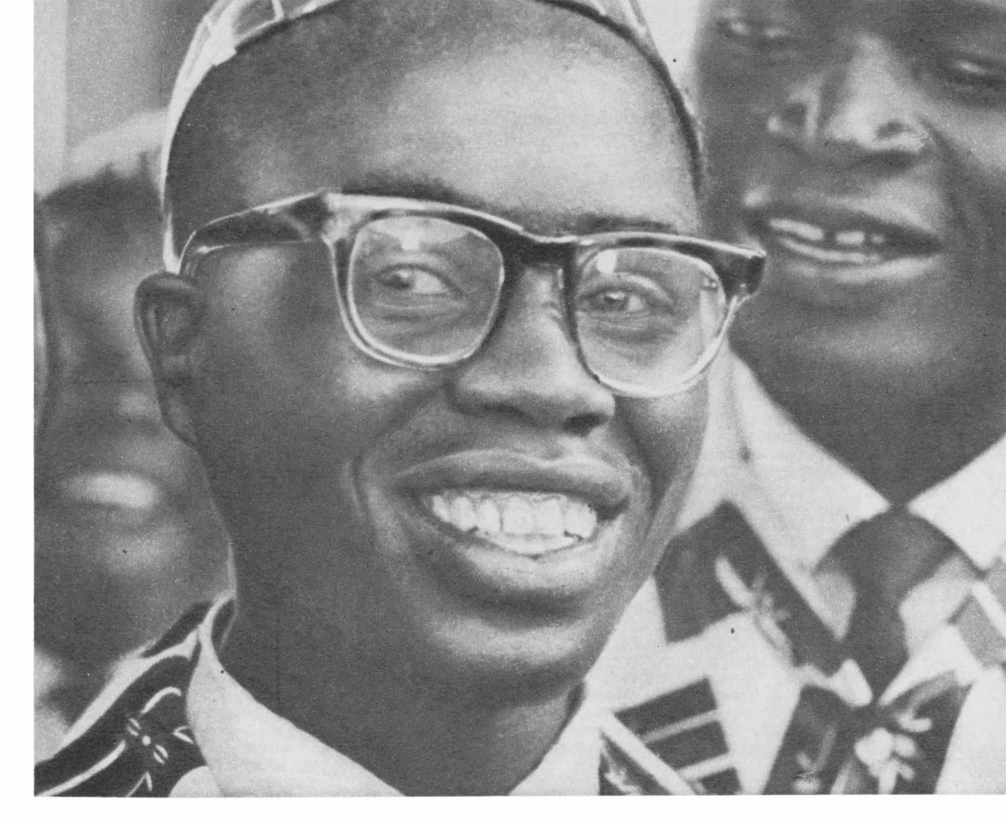
Я беру киноаппарат и иду с ребятами на территорию казарм. Снимаю, как они проходят мимо мотков с колючей проволокой, мимо пустых зданий, мимо широких плацев. Идут по улицам, где недавно не имели права ходить африканцы. Идут учиться. Идут строить новую Кению.

— Куахери! (До свидания!) — кричу я им вслед.

— Куахери! — дружно отвечают они.

Я поворачиваюсь и направляюсь к машине.

Прохожу пустынными улицами военного городка, и снова всплывает в памяти мотив песенки, под которую уходили английские солдаты. Я тихонько насвистываю его, и он совсем не кажется мне грустным.

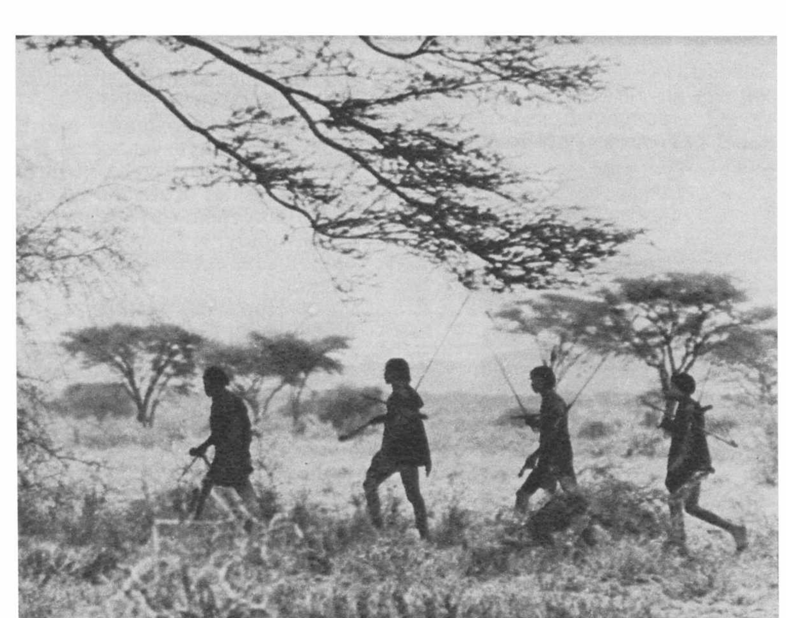
Молодость Кении.

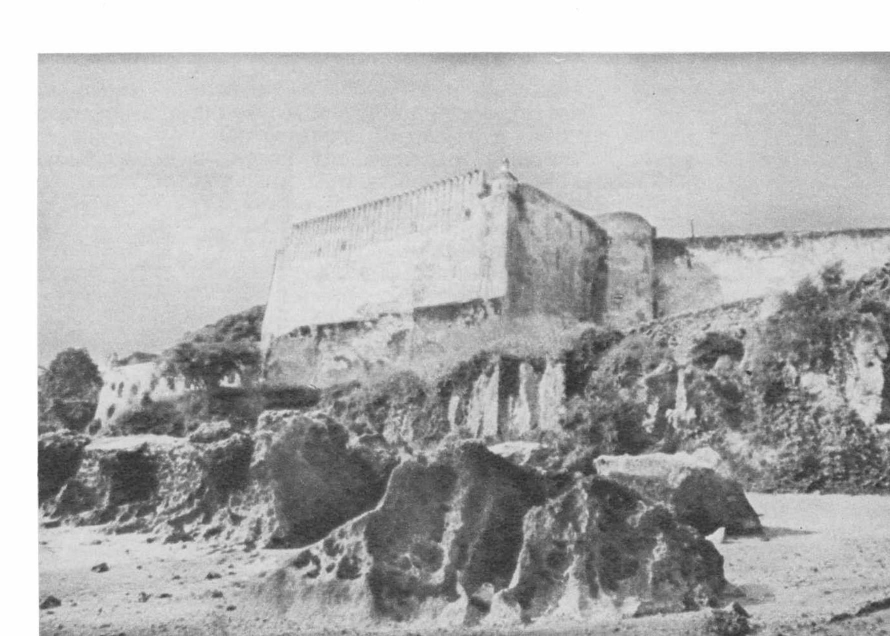

«Харамбее»— это значит «все вместе».

Фото автора.

ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Владимир Лидин — один из старейших наших писателей. Он из той испытанной гвардии литературы, которую читатели знают еще с двадцатых годов.

Главная сфера проявления таланта В. Лидина — рассказ. Он превосходный рассказчик, вдумчиво следящий за современностью, за духовной жизнью людей, за характерными взаимоотношениями, в которые вступают люди. В его рассказах всегда чувствуется человек большого жизненного опыта, внимательный сердцевед, писатель очень широкой образованности. В них глубокая и пристальная наблюдательность сочетается с благородством мысли.

Разнообразны сюжеты и мотивы рассказов писателя. Он пишет о рядовых советских людях и о простых людях Франции (в специальном цикле парижских зарисовок), его взгляд находит интересные ситуации и интересных людей в лесу и на рыбалке, в коммунальной квартире и самолете, на киностудии и аэродроме... По-разному развивается у него повествование: то в динамичной, остро драматичной манере, то в спокойной, медлительной форме. Различен и эмоциональный колорит его рассказов: есть в них и немало трагического, грустного, но живая, сердечная любовь к жизни, сильная вера в человека и общество господствуют у писателя над всем. Этот художник знает, что жизнь — творчество, труд, любовь. И он любит героев, увлеченных созиданием, стойко борющихся с трудностями, умеющих любить благородно и чисто.

Подобно одному из своих героев, В. Лидин знает, что «искусству дана иногда величайшая сила при решении человеком своих задач» («Портрет неизвестной»). И, твердо веруя в силу искусства, он стремится своими рассказами утверждать в людях жизнелюбие, жизнестойкость и принципы сердечной взаимопомощи. Недаром так много рассказов написано им о преодолении одиночества, о дружбе и товариществе, о людях с открытыми и добрыми чувствами. Недаром так много рассказов посвящено им осуждению себялюбия, душевной черствости, индивидуализма («Астра», «Метет», «Луков», «Ночная река Аракс»).

Манера, в которой пишет Лидин, внешне непритязательна, лишена эффектов. Но она глубоко поэтична. Полны поэзии характеры героев и атмосфера рассказов, есть в этих рассказах особая поэтичность настроений, да и самый их язык — простой и точный — выражает поэтическое совершенство мысли. За сюжетами и образами рассказов Лидина, столь, казалось бы, будничными по материалу, встает образ нашего времени — поры созидания и дружбы, поры, когда доброе, коммунистическое ведет свое наступление и в области общественных отношений и в сердцах людей.

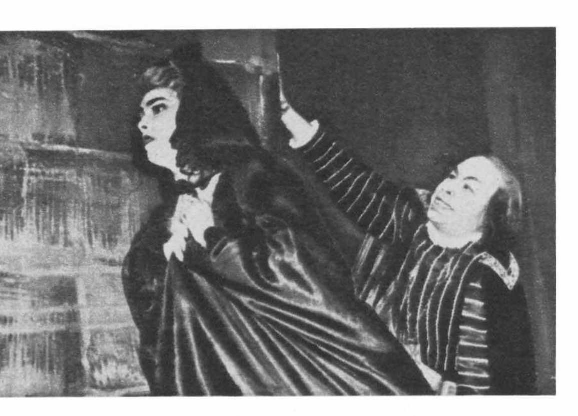
В какой-то мере секрет и значение рассказов В. Лидина раскрыты им самим в словах литератора, героя новеллы «Монолог на просеке»: «В общем, люди делают каждый свое дело, отдыхают, спят, встречаются или расходятся... А ты за всех и со всеми, ты со всеми человеческими страстями и ненастьями, со всеми радостями и незадачами — ты изучаешь характеры, сопоставляешь, выискиваешь... Но, кроме того, ты и глашатай своего времени, по твоим книгам будут изучать, как жили твои современники и каково было общество твоего времени».

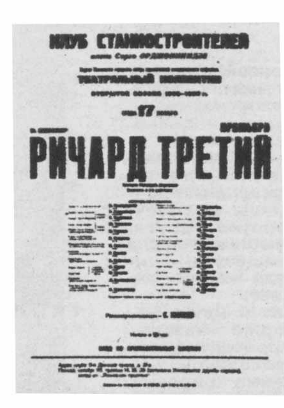
Владимир Лидин не молод по возрасту, но он юн душевно. В его новой книге прекрасно сочетаются зрелость ума и молодость чувств.

Ал. ДЫМШИЦ

Вл. Лидин. Сердца своего тень. (Рассказы 1962—1964.) «Советский писатель». Москва. 1965.

ПОСЛЕ РАБОТЫ В ЦЕХЕ

...Эдуарда в этом спектакле играет токарь, королеву Елизавету — техник, Ричарда III — инженер, лорда Грэя — слесарь. Все актеры, занятые в спектакле,— рабочие, служащие, инженеры, техники, ученики...

Театральный коллектив клуба станкостроителей завода имени С. Орджоникидзе существует с 1949 года. Бессменно руководит им бывший актер МХАТа Сергей Сергеевич Князев.

За эти годы актеры-любители играли пьесы А. Островского, А. Чехова, М. Горького, советских драматургов. За высокую культуру спектакля «Егор Булычов» в 1963 году коллективу присвоено звание лауреата московского городского смотра профсоюзов.

Свои спектакли он показывает у себя на заводе, во Дворцах, Домах культуры и клубах Москвы, в воинских частях и пионерских лагерях. Коллектив гастролировал по стране, побывал в Одессе и в Киеве. В прошлом году по Центральному телевидению был показан отрывок из «Кремлевских курантов», в котором роль Ленина исполнял рабочий Л. Волковыский, а народный артист СССР А. П. Кторов играл иностранного писателя.

И вот новая премьера — Шекспир «Ричард III». Эту сложную роль играли на русской сцене П. Мочалов, А. Ленский, А. Южин; в спектакле станкостроителей над этим труднейшим образом работал инженер Владимир Королев.

Марат ЦЕБОЕВ

На снимке: Ричарда III играет инженер Владимир Королев, Леди Анну — техник Н. Каравайцева.

Фото В. Богданова.

Четверть века на передовой

В залах Центрального Дома журналистов в Москве открылась выставка работ фотокорреспондента А. Устинова — «25 лет работы в «Правде».

Фото Д. Ухтомского.

ПОЛНОЧЬ

Уит МАСТЕРСОН

Повесть

Письмо поступило с утренней почтой в понедельник. Адресованное Джемсу Пэнну, оно ничем не отличалось от остальных, если не считать несколько странного шрифта и отсутствия обратного адреса. Его отсортировали и обработали ночью в канцелярии авиационного завода фирмы «Вулкан». На рассвете курьер доставил его в мешке с обычной корреспонденцией в административное здание — башню из стекла и бетона, стоящую на отлете и прозванную служащими «Аквариумом». Курьер разнес почту в соответствии с рангами. Сначала он поднялся во владения самого Старика на верхнем этаже, потом спустился на пятый, где первый вице-президент занимал анфиладу комнат, затем на четвертый с кабинетами начальников отделов, на третий — и так почти до самого фундамента. Именно таким путем письмо попало в отдел контрактов.

В девять часов на службу, посвистывая, явился Джим Пэнн, энергичный, стройный, загорелый человек лет тридцати пяти с коротко подстриженными белокурыми волосами. Суровые линии его смуглого лица смягчала бесшабашная улыбка, она придавала ему вид корсара, неведомо как оказавшегося в современном, отделанном панелями кабинете. Как всегда, Пэнн чувствовал себя превосходно, чему немало способствовало то обстоятельство, что он занимал в «Аквариуме» довольно высокое положение. Секретарша подняла штору на огромном, во всю стену, окне из чуть окрашенного стекла, и он мог любоваться голубой панорамой южного калифорнийского города, купающегося в мареве весеннего солнца. Когда день выдавался совершенно ясным, отсюда можно было видеть фешенебельный пригород, где два года назад, когда Пэнна назначили начальником отдела контрактов, они с Бив построили себе дом.

В таком приподнятом настроении Пэнн приступил к просмотру утренней почты. Он взял из папки верхний конверт, извлек из него листок бумаги и вдруг сжал его так, что побелели суставы пальцев. Со все усиливающимся недоумением, растерянно улыбаясь, словно от шутки, смысл которой вот-вот до него дойдет, Пэнн несколько раз перечитал текст.

Письмо состояло всего из нескольких строк. Оно не было ни напечатано, ни написано: неизвестный использовал прописные буквы из игрушечного печатного набора. Но по содержанию оно совсем не походило на детскую шалость. Пэнн снова взглянул на конверт. Судя по штемпелю, письмо отправили из этого же города в полночь.

По внутреннему телефону Пэнн вызвал секретаршу, и, когда она вошла в кабинет с блокнотом наготове, он протянул ей конверт.

— Нора, вы читали это письмо или только вскрыли его?

— Разумеется, только вскрыла, мистер Пэнн. Что-нибудь случилось?

— Нет, ничего,— ответил Пэнн, отпу-

НАСТУПАЕТ ВНЕЗАПНО

Уит Мастерсон — литературный псевдоним американских писателей Боба Уэйда и Билла Миллера, работающих в остросюжетном жанре. Им принадлежат романы: «Сильное оружие» (1946 год), «Беспокойная улица» (1948 год), «В ночи» (1955 год) и другие произведения.

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

ская женщину. Оставшись один, он еще раз перечитал письмо, шепотом повторяя слова, словно хотел лучше запомнить их.

«Я знаю, кто вы в действительности. Вас все еще ищут, чтобы убить. Заплатите мне, или я скажу им, где вас найти. И без фараонов».

И все. Ни обращения, ни подписи.

Еще пять минут назад за стол усаживался молодой, уверенный в себе и своем будущем человек. А сейчас, всматриваясь в листок бумаги с грубой угрозой, Джим Пэнн чувствовал, что его ожидает чей-то безжалостный удар, от которого, быть может, рухнет все, чего он сумел добиться. Он обвел взглядом кабинет, посмотрел на город. Все осталось прежним. И в жизни его ничего не изменилось... за исключением письма, что лежало на столе. «...Кто вы в действительности...

Ищут, чтобы убить...»

Медленно, не сводя глаз с неровных строк письма, Пэнн протянул руку к телефону.

Биверли Пэнн услышала прозвеневший внизу звонок. По ее пикантному лицу пробежала гримаска раздражения, но, вспомнив, что к телефону может подойти горничная, она снова склонила черную головку над своими заметками. Бив все еще не освоилась с присутствием в доме постороннего человека — горничной, однако после того, как Джима выдвинули на должность начальника отдела, они не могли, если бы и хотели, обойтись без нее. Дирекция компании «Вулкан» проявляла пристальный интерес не только к служебной деятельности своих ответственных служащих, но и в равной мере к их частной жизни. В сущности, чета Пэннов не нуждалась ни в горничной, ни в этом большом пятикомнатном доме, тем более, что детей у них не было. Во всяком случае, п о к а, как говаривала Бив.

Все ее время уходило на выполнение обязанностей супруги молодого ответственного служащего фирмы. Она определяла круг знакомых, у которых они могли бывать без ущерба для своего общественного положения, устраивала в соответствующее время приемы для соответствующих людей и тщательно следила, чтобы Джим Пэнн являл на них образец светского и делового человека, вполне достойного участвовать в таинственном процессе, именуемом «карьерой». Вот и сейчас она то грызла карандаш, то принималась чертить в блокноте какие-то каракули, мучительно размышляя над меню званого обеда в будущую субботу и пытаясь вспомнить (не дай бог повториться!) все, что подавалось за последние три месяца на званых обедах у других ответственных служащих.

В самый разгар этого занятия Бив скорее почувствовала, чем увидела возникшую на пороге комнаты горничную.

— Звонит мистер Пэнн. Вы будете говорить отсюда?

— Спасибо, Лоуэлла.— Бив сняла трубку параллельного аппарата.— Джим?

— Ты одна, Бив? — В голосе мужа она почувствовала какое-то напряжение.

— Надеюсь,— улыбнулась Бив.— Но если ты будешь настаивать, чтобы я когонибудь приняла сейчас, я немедленно подам в отставку.— Муж не засмеялся, как она ожидала.— Что-нибудь стряслось, Джим?

— Нет, все в порядке. Хотя... видишь ли, случилось нечто странное. На службе меня ожидало письмо. Я тебе его прочитаю. Только не свались со стула.— Слушая письмо, Бив от удивления полураскрыла рот.— Что, по-твоему, это значит?

— Да о чем идет речь? Кто мог написать тебе такое?

— Понятия не имею,— ответил Джим, и Бив услышала, как он принужденно рассмеялся.— Мы, кажется, становимся видными людьми. Я-то думал, что подобные письма получают только президенты и кинозвезды. Возможно, я должен чувствовать себя польщенным.

— А на заводе никто не мог подшутить над тобой?

— Откуда мне знать, кто мог и кто не мог! Во всяком случае, никаких роковых тайн в моем прошлом нет.

— Да, да,— закивала Бив, но у нее мелькнула мысль, что она знает мужа всего лишь пять лет — с того времени, когда он приехал сюда с востока страны. «Не надо так думать о нем! — мысленно упрекнула она себя.— Откуда только берутся такие мысли...»— Да, да,— повторила Бив.— И я совершенно уверена, что у тебя нет другой женщины. Что ты хочешь делать с анонимкой?

— Переслать в полицию.

— В полицию?

— Это же по их части. Я хотел предупредить тебя на случай, если оттуда пожалуют визитеры. Ты не расстраивайся.

— Я уверена, Джим, что ты всегда поступаешь правильно. Потом позвони мне снова, ладно?

«Не расстраивайся... Хорошенькое дело!— поморщилась Бив, опуская трубку.— Сам так расстроился, что обращается в полицию, а ей советует не расстраиваться. Иногда его трудно понять. Порой он бывает какой-то странный».

Записав номер телефона, Пэнн снова взглянул на письмо, на его последнюю фразу: «И без фараонов». Он глубоко вздохнул и набрал номер. Трубка молчала. Хмурясь, Пэнн постучал по аппарату, но тщетно: телефон не работал. А ведь минуту назад он работал.

Пэнн наклонился к аппарату внутренней связи, намереваясь вызвать секретаршу, но в эту минуту в дверь негромко постучали, и в кабинет без вызова вошла Нора.

— Мистер Коновер просит вас сейчас же зайти к нему.

— Он не говорил зачем?

— Мистер Коновер просил вас зайти с письмом и сказал, что вы все поймете.

— Хорошо,— мрачно ответил Пэнн и взглянул на бездействовавший телефон.— Разумеется, я все понимаю.

— Поручите отделу кадров прислать мне личное дело Пэнна.

— Слушаю, сэр. Я передам его вам, как только получу.

— Нет, нет. Подержите его пока у себя. Как только появится Пэнн, пусть зайдет.

Эрнест Коновер выключил аппарат внутренней связи и с обычной любезной улыбкой на аристократических губах откинулся на спинку кресла, чем-то напоминавшего трон. Всегда безупречно одетый, он в глубине души считал черты своего морщинистого лица классическими, а свою седую шевелюру называл про себя львиной гривой; никто не знал, что он тайком красит волосы. Первый вице-президент фирмы «Вулкан», Коновер нес ответственность за бесперебойную работу огромного авиационного завода. Наверх, во владения Старика, передавались только самые важные вопросы.

При первом знакомстве со структурой фирмы можно было подумать, что бразды правления держат в своих руках те, чьи кабинеты расположены на трех верхних этажах «Аквариума», причем Коновер тщательно поддерживал эту иллюзию. Однако в его представлении все выглядело совсем иначе: Старик был головой, а он — руками. Коновер тешил себя мыслью, что, хоть он и держит всю фирму в ежовых рукавицах, этого никто не замечает благодаря его искусству руководителя.

Секретарша доложила о приходе Пэнна, и, когда тот вошел в кабинет, Коновер встретил его у двери и с преувеличенной сердечностью пожал ему руку.

— Садись, Джим. Письмо захватил?

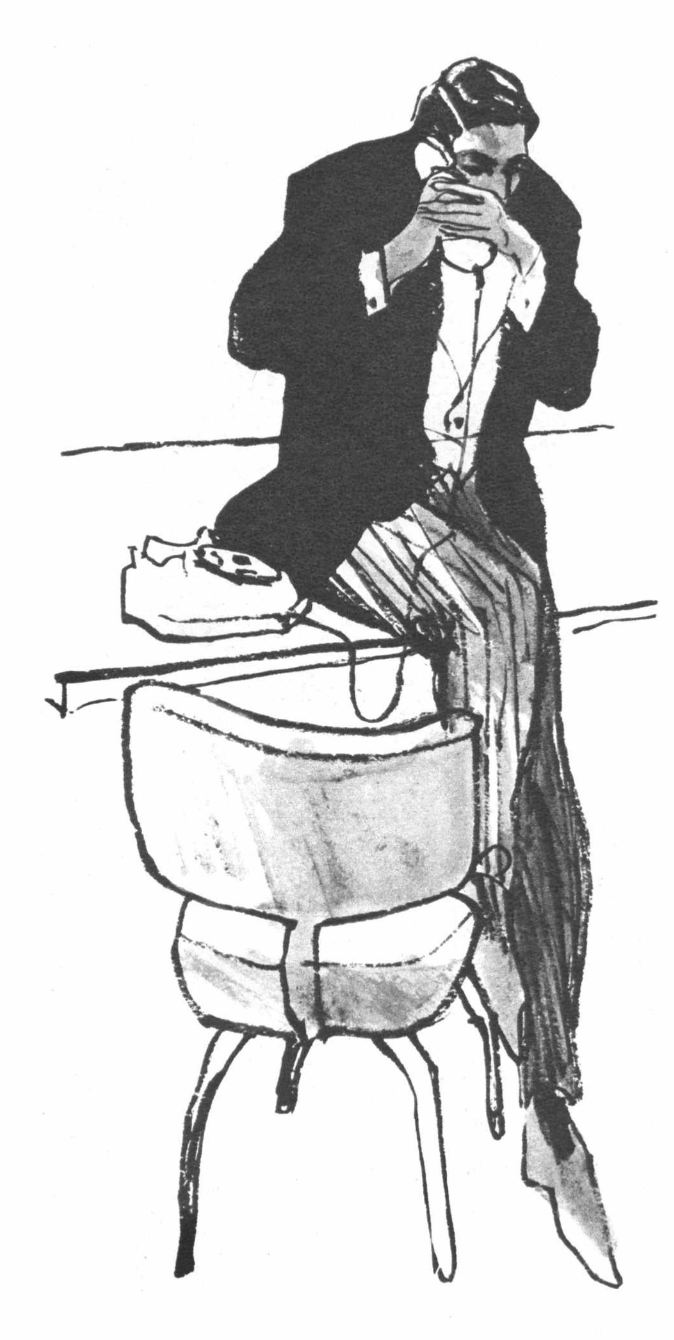
— Да,— нервно ответил Пэнн.— Но мне бы хотелось знать, каким образом...

— Минутку, минутку, дай сначала прочитать.— Коновер взял у Пэнна конверт и уселся за стол.— По-моему, я уберег тебя от крупной ошибки.

Пэнн, сидя в напряженной позе, промолчал.

— Гм...— пробормотал Коновер, окончив

чтение.— Очень странно. Что за этим скрывается, Джим?

— Вы можете сказать, мистер Коновер, каким образом узнали о письме?

— Вообще-то благодаря чистой случайности. На этот раз, правда, счастливой. Тебе, конечно, известно, что телефонные разговоры всех ответственных служащих фирмы время от времени подслушиваются. Таков у нас порядок. А сегодня очередь как раз дошла до твоего телефона.

— Слышал кое-что.

— Видишь ли, мы и не делаем из этого особой тайны. Обычная вещь в наше время. Когда фирма разрастается, как наш «Вулкан», не так-то просто хранить производственные секреты. Фирмы постоянно обворовывают друг друга, а уж об авиационной промышленности и говорить нечего — того и гляди схватят за глотку. А у нас, сам знаешь, сколько секретных материалов — военные заказы и все такое. Так что мы и не можем поступать иначе.

— Да, но если вы не доверяете своим же работникам...

— Погоди. У нас без малого тридцать тысяч работников, мужчин и женщин,— разве каждому влезешь в душу? И ничего не поделаешь, это неизбежно для любого большого предприятия. Не думай, пожалуйста, что кто-то подкапывается лично под тебя.— Любезная улыбка Коновера стала еще любезнее.— Ну, а теперь говори. О чем идет речь в письме?

— Не имею представления,— ответил Пэнн, выдерживая пристальный взгляд Коновера.— За последние полчаса я только над этим и думаю. Совесть чиста, а не могу не думать... Ничего я не совершал, и уж, во всяком случае, такого, за что меня надо убить.

— Ты хочешь сказать, насколько тебе известно?

— Конечно,— нахмурился Пэнн.— Судя по вашему тону, вы, кажется, считаете, что это идиотское письмо не лишено оснований.

— Вовсе не считаю. Но я обязан всегда думать об интересах фирмы.

— При чем тут фирма? Это касается только меня.

— Да, но ты начальник одного из отделов фирмы. Пусть даже на тебя возведут напраслину, все равно пострадает престиж фирмы. Ты же, надеюсь, понимаешь, в каком деликатном положении мы находимся. Предстоящие заказы ВВС на ракеты висят на волоске — это тебе прекрасно известно, ты в курсе всех переговоров. Любая мелочь, любой намек на скандал — и прощай заказы, а если поползет слушок, что один из ответственных служащих фирмы «Вулкан» замешан в каком-то деле с шантажом...— Коновер закатил глаза и покачал головой.

— Я ни в чем не замешан,— отрезал Пэнн.— Достаточно того, что я готов обратиться в полицию,— это значит, что мне нечего скрывать.

— Так-то оно так, но вспомни-ка, что произошло неделю-другую назад с нашими коллегами из фирмы «Бриско эйркрафт». Они тоже ни в чем не виноваты, а газеты все еще изо дня в день треплют их имена. Вот потому-то я и говорю, что мы не можем рисковать добрым именем нашей фирмы. Теперь ты понимаешь, почему я приказал выключить твой телефон, пока ты не позвонил в полицию? — Он вопросительно взглянул на Пэнна.—Ты, наверно, думаешь, что я слишком много беру на себя?

— Просто я несколько удивлен.

— Мне казалось, что полицию не стоит вмешивать в это дело, если к тому же, по твоим словам, и дела-то никакого нет. И все же я не собираюсь решать один. Что, если мы соберем сегодня руководящий состав и посоветуемся? Старика привлекать не будем, во всяком случае, пока. Не возражаешь?

— Пожалуйста,— пожал плечами Пэнн: ничего другого он ответить не мог.

— Вот и хорошо.— Коновер поднялся, показывая, что беседа окончена.— Пока же никому ни слова. На твоем месте я бы ничего не говорил даже жене. Я понимаю, понимаю,— добавил он, заметив, что Пэнн заколебался.— Но, когда занимаешь ответственный пост, приходится идти на некоторые жертвы. В сущности, у нас нет личной жизни.

— Да, сэр.

— Пожалуй, пусть это пока побудет у меня.— Коновер указал на письмо.— Разумеется, если ты не возражаешь.

— Да, сэр,— равнодушно повторил Пэнн.

Коновер проводил его до двери и некоторое время постоял, наблюдая, как Пэнн большими шагами идет по коридору. «Интересный парень,— подумал Коновер, заметив, что его секретарша, забыв обо всем, не спускает глаз с широких плеч Пэнна.— Мужественный и даже отчаянный на вид — такие обычно и наживают всякие неприятности. Любопытно, откуда у него эти маленькие шрамы на левом виске?»

Коновер приказал секретарше принести ему папку в большом желтом конверте.

— Личное дело Пэнна, мистер Коновер.

— А теперь позвоните в заводскую полицию и попросите мистера Шоули немедленно явиться ко мне. Сообщите всем начальникам отделов, что в три часа в моем кабинете состоится совещание руководящего состава фирмы.

Когда секретарша вышла, Коновер снял трубку телефона, набрал номер одного из наиболее солидных городских банков и попросил соединить его с директором.

— Дейв? Говорит Эрни Коновер. Помоему, один из наших ответственных служащих, Джемс Пэнн, имеет у вас личный счет. Меня интересует сумма его вклада. Кроме того, попросил бы поставить меня в известность, если он будет брать со своего счета сколько-нибудь значительные суммы. Разумеется, сугубо конфиденциально... Можно? Вот и чудесно.

Коновер, довольный, положил трубку. Конечно, как он только что сказал Пэнну, пребывание на ответственном посту имеет свои отрицательные стороны, но в то же время дает ряд преимуществ. С той же любезной улыбкой Коновер раскрыл толстое дело Пэнна и погрузился в чтение.

Шоули, худой, неопрятный на вид человек, возглавлял заводскую полицию — собственную секретную полицию фирмы «Вулкан», в обязанности которой входило охранять завод и поддерживать на нем порядок. Небрежно развалившись в кресле и иронически улыбаясь, он прочел анонимку.

— Ну, а я-то тут при чем?

— Разберитесь.

— Слишком мало данных. Письмо написано на обычной бумаге и вложено в обычный конверт, какой можно купить в любом дешевом магазинчике. Использованы буквы из детского печатного набора — для автора анонимки это легче, чем вырезать слова из газет, для полиции — труднее напасть на его след. На всякий случай передам письмо в лабораторию для исследования.

— А теперь о самом получателе. Вообще-то что мы о нем знаем?

— Больше, чем его собственная жена. У нас довольно полные досье на всех служащих, мистер Коновер, а его досье веду я сам.

— Жена Пэнна знает своего мужа только пять лет. Мы обязаны знать его лучше.

— Так оно и есть.— Шоули раскрыл дело Пэнна и начал читать вслух:— «Джемс Пэнн, родился в Чикаго, в штате Иллинойс. Родители умерли. Окончил в Чикаго начальную и среднюю школы и Иллинойский университет с ученой степенью бакалавра. В течение трех лет находился на действительной военной службе в ВВС и вышел в запас в звании старшего лейтенанта. Работал в фирме «Бендикс» на правительственных заказах, а затем в фирме «Макдоннел» в должности аналитика производства. В Калифорнию приехал пять лет назад...»

— Все это я знаю, читал,— нетерпеливо перебил Коновер.— Вы должны заново проверить все данные. Тщательно и, разумеется, негласно. Чтобы никто ни о чем не догадывался. И не спускайте глаз с Пэнна... Этакое, понимаете, осторожное наблюдение, пока мы не определим нашу позицию. Надеюсь, мы поняли друг друга?

— За исключением одной детали,— ответил Шоули, поднимаясь.— Что я должен сделать: доказать, что Пэнн чист, как голубь, или, наоборот, пришить ему какое-нибудь дельце? Вот это вы почему-то не уточнили.

— Вы обязаны узнать правду,— напыщенно отозвался Коновер.

— Ну, это потруднее,— насмешливо заметил Шоули.

К трем часам, к началу заседания, от прекрасного настроения, с которым Джим Пэнн начинал день, не осталось и следа. В кабинет первого вице-президента, где уже собрались шесть других начальников отделов, он вошел, обуреваемый самыми мрачными мыслями.

Открывая совещание, Коновер театральным жестом вскинул над головой утренний выпуск газеты. На первой полосе присутствующим бросился в глаза заголовок: «Убийцы картежника все еще не найдены».

— Все вы, господа, следите за этой историей, но я хочу еще раз обратить на нее ваше внимание. Мы являемся свидетелями трагедии ни в чем не повинного человека. В третьем абзаце заметки упоминается фирма «Бриско эйркрафт». Почему? Да потому, что Уэйн Александер, начальник отдела кадров этой фирмы, принимал у себя

гостя, и этот гость в прошлую пятницу был убит. И вот сейчас название фирмы изо дня в день на все лады склоняется в газетах, хотя никакого отношения к преступному миру фирма, как вы понимаете, не имеет.

— Да, но и Александер не имеет никакого отношения к уголовникам,— возразил Пэнн.— Я знаю его, мы состоим членами одного и того же загородного клуба, как и большинство здесь присутствующих. Убитый не гангстер, а профессиональный картежный игрок из Невады, там подобное занятие разрешается законом. Мне известно, что Александер даже не знал профессии своего гостя, они обсуждали вопрос о покупке недвижимости.

— К сожалению, пресса смакует совсем другие обстоятельства,— ответил Коновер, отбрасывая газету.— Нельзя допустить, чтобы нечто подобное произошло с нашей фирмой. Именно это я имею в виду и прошу всех ознакомиться с письмом, которое Джим получил сегодня утром.

Пэнн предугадывал, что все так и произойдет, и все же испытывал жгучий стыд, наблюдая, как письмо переходит из рук в руки. Какой-то кусочек его личной жизни выставили на обозрение, по существу, совершенно посторонних ему людей. Пэнну казалось, что он стоит перед ними нагой.

Но так же неловко чувствовали себя и другие. Прочитав письмо, одни натянуто улыбались Пэнну, другие просто отворачивались, чтобы не встретиться с ним взглядом.

— Мне хотелось бы кое-что пояснить,— сказал Пэнн несколько громче, чем нужно.— Поскольку письмо получило официальную огласку, я считаю своим долгом заявить, что мне совершенно неизвестно, чем оно вызвано. Я знаю об этом ровно столько, сколько и вы.

— Понятно, понятно, Джим,— пробормотал кто-то.

— И все же я считаю нужным объяснить.— Пэнн обвел взглядом собравшихся.— Удивительно, что может сделать с человеком подобное письмо. Должен признаться, эти последние часы после прочтения анонимки я чувствую себя преступником... Только потому, что кто-то видит во мне преступника. Весь день я роюсь в своем прошлом и, даю слово, не могу найти ничего такого, что послужило бы кому-то основанием прикончить меня.

— В таком случае ваша жена куда добрее моей! — неловко пошутил главный инженер завода Вудроу.

Однако Коновер не хотел допустить ни малейшей разрядки напряженности, царившей в кабинете.

— Не сомневаюсь,— заявил он,— что присутствующие согласятся со мной, если я скажу, что мы верим тебе, Джим. И, однако, проблема остается проблемой: что мы должны предпринять?

— Полиция поставлена в известность?

— Нет,— решительно ответил Коновер.— Мы с Джимом решили не обращаться в полицию, поскольку это автоматически вовлекло бы нашу фирму в грязную историю именно сейчас, когда мы ведем переговоры о получении военных заказов. Но если, господа, вы находите нужным...

Все вопросительно посмотрели на Пэнна, и он вынужден был нехотя кивнуть. Заявив, что решение не обращаться в полицию принято ими совместно, Коновер поставил Пэнна перед выбором: либо согласиться с этим утверждением, либо публично назвать вице-президента лжецом.

— Я предлагаю передать письмо в заводскую полицию,— продолжал Коновер.— Шоули — бывший полицейский офицер и сумеет провести расследование без ненужной огласки. Ваше мнение?

Никто не нашел нужным возражать.

— В таком случае я полагаю, что решение принято единогласно,— деловито сказал Коновер.— Я сейчас же вызову Шоули, пусть начинает. Благодарю, господа, за содействие и понимание.

Участники совещания спускались в лифте вместе, но потом поспешно разошлись по своим кабинетам. Вудроу несколько задержался в коридоре.

— Я бы на вашем месте не стал так переживать,— обратился он к Пэнну.— История с анонимкой — явная выходка какого-то сумасшедшего. Не пойму только, зачем вы рассказали обо всем Коноверу?

Пэнн искоса взглянул на Вудроу.

— И не собирался. Он «случайно» подслушал мой разговор с женой.

— Вот как? — Вудроу осмотрелся вокруг и как бы между прочим сказал: — На прошлой неделе я получил заманчивое предложение от одного из заводов на севере страны.

— Вы собираетесь его принять?

— При такой обстановке и при таких порядках, как тут, об этом, пожалуй, не следует говорить вслух, а?

Танцы под оркестр в загородном клубе устраивались только по субботам. Но пообедать здесь можно было в любой вечер, а если у кого-нибудь из присутствующих появлялось желание потанцевать, то к их услугам в комнате «Сан-Суси» стояла пианола-автомат. В тот вечер, кроме Бив и Джима Пэнн, здесь собралось еще пар десять танцующих.

— Хоть ты и ничего не говоришь,— заметила Бив, когда они возвращались к своему столику,— но я-то вижу, что ты все еще переживаешь из-за этой анонимки.

— А что говорить? Мне было бы легче, если бы я мог в чем-нибудь признаться тебе, ну, например, в том, что ограбил банк или убил свою первую жену. Но я все тебе рассказал — кстати, вопреки запрещению Коновера.

— Так что же тебя мучает?

— Ты хочешь сказать — беспокоит? Мне кажется, я сделал ошибку. Мне следовало плюнуть Коноверу в физиономию и немедленно поставить в известность полицию.

— Да, но чем меньше людей посвящено в дело, тем лучше для фирмы, не так ли? Ну, а заводская полиция уже приступила к расследованию, правда?.. На кого ты так уставился?

Кивком головы Пэнн указал на мужчину и женщину, сидевших за столиком в противоположном конце комнаты. Они рассеянно вертели в руках бокалы с коктейлем и одним своим присутствием вносили какой-то диссонанс в непринужденную атмосферу комнаты.

— Уэйн Александер с женой,— заметил Пэнн.— Представляю, что ему приходится переживать на службе, если обстановка там хоть немного похожа на нашу.— Он поморщился.— Пожалуй, мы с ним сейчас в одинаковом положении.

— Не скажи. У него убили друга.

— Не друга, а случайного знакомого,— машинально поправил жену Пэнн.— Помоему, они впервые показались на людях после той истории.— Он вспомнил, как Коновер потрясал газетой.— Никаких новых данных полиция пока не получила, хотя убийство произошло в пятницу на прошлой неделе. Мало ли из-за чего могли убить богатого профессионального картежника — надо же докопаться до причин. Александер даже не знал, что Винсент Гемайл — картежник. И встретились они просто потому, что владели смежными участками в Неваде и Уэйн Александер задумал купить у своего соседа небольшую полоску земли. Вот за этим он и пригласил Гемайла отобедать у себя и... нажил кучу неприятностей.

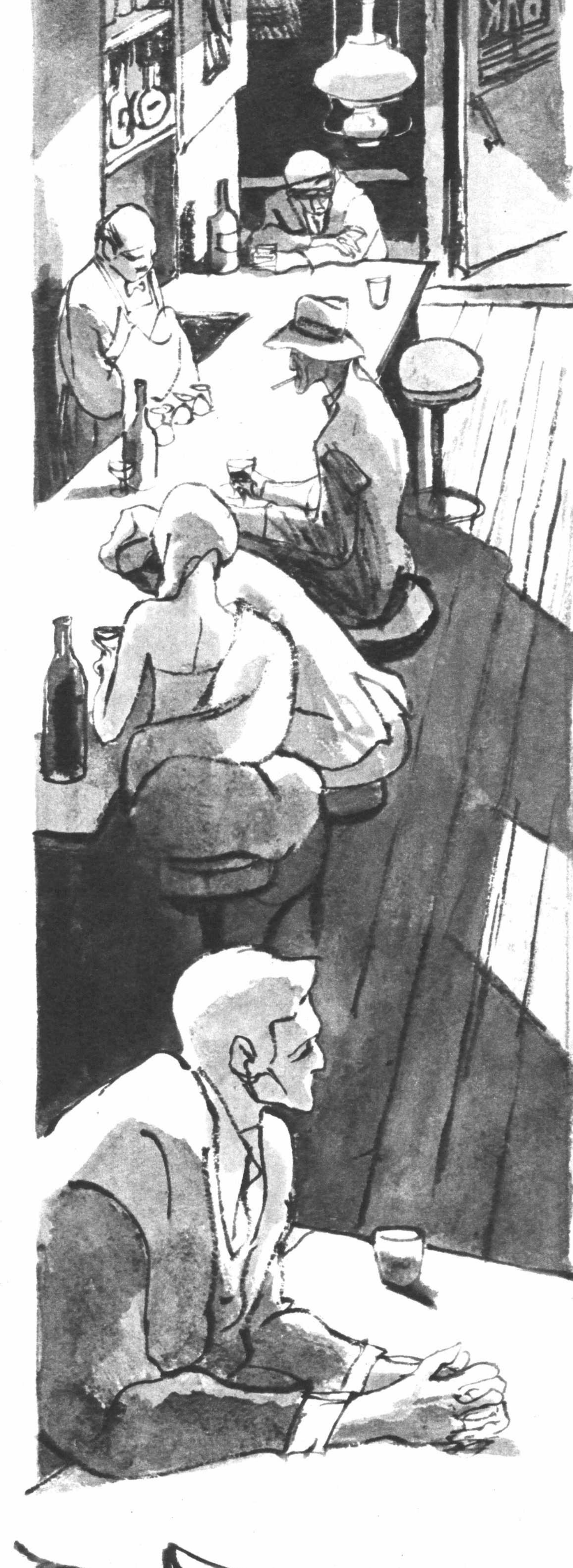
— Они уже уходят,— сообщила Бив, заметив, что Александеры встали из-за столика.

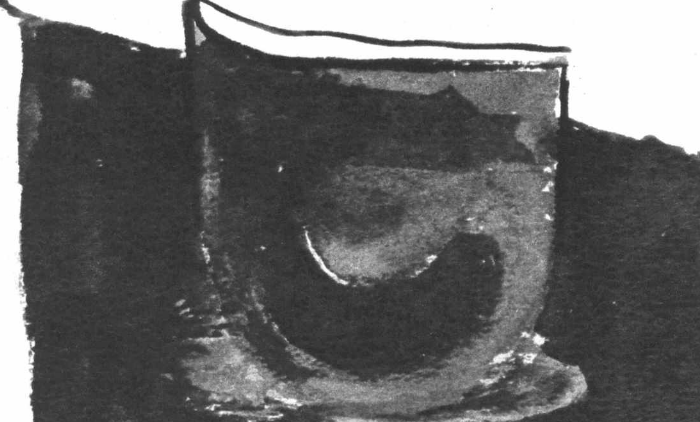
Пэнн приветственно помахал рукой, но Александер, видимо, не заметил.

— Кого я вижу! Миссис и мистер Пэнн! — послышался чей-то голос позади них. К столику, дружески улыбаясь, подошел стройный, загорелый человек в смокинге.— Кажется, вы становитесь завсегдатаями нашего клуба.

Пэнн кивнул:

— Привет, Холледей. Присоединяйтесь к нам, выпьем.

— Нет, нет, спасибо,— ответил Холледей. У него были наглые темные глаза, они беспокойно бегали по комнате, словно обладатель их постоянно чего-то опасался. Будучи платным директором, он занимал промежуточное положение между членами клуба и обслуживающим персоналом. Холледей не только выполнял обычные директорские обязанности, но и мог при необходимости заменить недостающего партнера для партии в бридж, гольф или теннис. Он был известен как опытный и энергичный игрок.

— Очень рад, что встретил вас, мистер Пэнн,— продолжал Холледей.— Друзья тихонько шепнули мне, на какую лошадь надо ставить завтра на бегах в Санта-Анита, и я решил, что вы заинтересуетесь.

Пэнн отрицательно покачал головой.

— Только не на этот раз.— Холледей не был букмекером, но, как и всякий директор клуба, имел нужные связи, и Пэнн иногда этим пользовался, как, впрочем, и многие другие члены клуба. Однако сейчас Пэнн считал, что должен соблюдать исключительную осторожность даже в таких пустяках.— Но все же спасибо.

— Не стоит благодарности. Я...

В эту минуту один из официантов сообщил Холледею, что его просят к телефону, и тот, извинившись, ушел.

Бив посмотрела ему вслед.

— Как, по-твоему, почему такой милый и симпатичный человек до сих пор остается холостяком?

— Он не только мил, но и довольно умен.— Пэнн встал из-за столика.— Не пора ли домой?

— Опять припадок мрачной меланхолии? — спросила Бив, поднимаясь и беря мужа под руку.— Ты же знаешь, я боюсь тебя в таком настроении.

— В анонимке есть одно странное обстоятельство. Мне предлагают платить, но не говорят, когда, где и сколько. Что ты скажешь?

— Вероятно, будет еще одно письмо,— медленно ответила Бив.

— Правильно,— согласился Пэнн.— Вот об этом я и думал весь вечер. Когда же я получу письмо номер два?

Прежде чем взять трубку телефона, Клив Холледей тщательно прикрыл дверь кабинета.

— Слушаю, Холледей.

— Вы знаете, кто я,— ответил чей-то голос.— Я только что приехал. Когда мы можем повидаться?

— Я смогу уйти отсюда лишь после полуночи,— нерешительно ответил Холледей.— Человек, с которым вы хотите встретиться, находится здесь, в клубе. Я только что разговаривал с ним. По-моему, он не подозревает, что его узнали.

Невидимый собеседник Холледея холодно рассмеялся.

— Это не имеет значения. Он скрывался пять лет. Теперь его песенка спета.

— А как с женщиной? Той, что знает его.

— Она прилетит из Фриско часа через два.

— Учтите, что я должен остаться в стороне,— резко заявил Холледей.— Я просто оказываю услугу вашим хозяевам.

— А я получил определенные распоряжения и выполняю их.

— Смотрите, не ошибитесь.

— Я никогда не ошибаюсь. Не могу позволить себе такую роскошь при моей профессии.

Пока Пэнн ставил машину в гараж, Бив пошла открывать дверь: горничная обычно рано ложилась спать. Уже прикрывая ворота гаража, Пэнн услышал, что его зовет Бив. Ее голос звучал так странно, что он почти бегом бросился к ней. При виде того, что она держит в руке, его охватил страх: это был конверт, и он сразу понял, что в нем.

— Письмо торчало из-под двери,— задыхаясь, проговорила Бив.— Ты не думаешь...

— Дай мне,— потребовал он.

Такой же дешевый конверт, теми же буквами оттиснута его фамилия. От предыдущего письмо отличалось только отсутствием марки почтового штемпеля. Значит, его доставил не почтальон. Пэнн внимательно посмотрел в оба конца тихой, в этот поздний час почти не освещенной улицы, но ничего подозрительного не заметил. И все же он не мог избавиться от ощущения, что чьи-то враждебные глаза следят за ним из темноты.

— Пойдем в дом.

— Почему ты не вскрываешь письма? — удивилась Бив, наблюдая, как Джим бегает по гостиной и задвигает шторы на окнах.

— С улицы все видно.

Пэнн разорвал конверт. Как и в первом случае, в него был вложен всего лишь один листок бумаги, а текст оказался еще короче: «В час ночи будьте в «Штопоре». Если хотите жить, не вздумайте приводить с собой кого-нибудь из посторонних».

Пальцы Бив впились в руку Пэнна.

— Что это значит?

— Не знаю.

— При чем тут какой-то штопор?

— Я же сказал, что не знаю! — крикнул Пэнн.— Понимаю не больше тебя.

— Я и не хотела сказать, что больше. Но тут так написано, словно ты знаешь...

— Словно я знаю, что такое «Штопор»? — ответил Пэнн, всматриваясь в письмо.— Похоже на название какого-то бара.— Он вышел в прихожую, принес телефонный справочник и, полистав его, молча указал Бив на один из адресов.

— На другом конце города? — удивилась Бив.

— Вот именно.— Пэнн взглянул на часы.— Пожалуй, я еще успею.

— Но это же опасно!

— Не ходить, возможно, еще опаснее.— Пэнн обнял жену.— Бив, я должен узнать, что все это значит, иначе сойду с ума.

— В таком случае поедем вместе.

— Я бы охотно взял тебя, но в письме прямо говорится, что я не должен приводить с собой никого из посторонних. Ты, разумеется, не посторонняя, но откуда это известно тому, кто писал? Нет, придется идти одному.

Пэнн подъехал к «Штопору» в 12.45 и обошел вокруг квартала, надеясь что-нибудь заметить или увидеть кого-нибудь из знакомых, но безрезультатно. «Штопором» назывался убогий бар на одной из бедных улочек, где на каждом шагу попадались жалкие лавчонки и подозрительные заведения. Большинство из них было уже закрыто на ночь и погружено в темноту. Ровно в час ночи со смешанным чувством злости и страха Пэнн вошел в бар.

Плохо освещенная комната была почти пуста. Трое мужчин и какая-то женщина сидели на высоких стульях у стойки, за которой ушедший в свои думы бармен рассеянно протирал стаканы. Никого из них Пэнн не знал.

Он заказал стакан виски и, усевшись в темной кабинке рядом с пианолой-автоматом, принялся ждать, не спуская глаз с входной двери.

— Вы действительно не хотите записать? — удивился Холледей.

— Запомню и так.— Холледей занял единственный в маленьком номере стул, а его собеседник уселся на кровать, поджав под себя ноги, как Будда. Впрочем, его сходство с Буддой этим не ограничивалось: он был так же невысок и плотен, с таким же круглым, полным лицом. Но у Будды не было узкой полоски усиков, и его глаза не блестели, словно осколки разбитого стекла. Этот человек зарегистрировался в гостинице под именем Джорджа Б. Тарджена — одним из имен, которыми он пользовался.— Расскажите о нем подробнее.

— Видите ли, Рейхо сейчас называет себя Джемсом Пэнном. У него хорошая работа в авиационной фирме «Вулкан», красивая жена и неплохой домик. Замаскировался превосходно.

— И все же вы его узнали,— усмехнулся Тарджен.

— Не совсем. Я знаком с Пэнном пять лет, с того времени, как стал директором клуба, и у меня ни разу не возникало подозрения, что это не настоящая его фамилия, да и вообще я не предполагал встретиться когда-нибудь с Рейхо. Но убийство Гемайла натолкнуло меня на кое-какие мысли, я позвонил своему приятелю в Лас-Вегасе и попросил шепнуть словечко нужным людям.— Холледей улыбнулся.— Я не прочь оказывать услуги, если они оплачиваются.

— Мои хозяева и без того знали, что Рейхо здесь,— проворчал Тарджен.— Гемайл связался с ними по телефону в тот вечер, когда его убили, так что меня бы все равно прислали сюда. К сожалению, Гемайл не успел уточнить, под какой фамилией и где проживает Рейхо. Но вы покажете его мне, а уж дальше я не предвижу затруднений.

— Постойте, постойте,— занервничал Холледей.— Никого я не собираюсь вам показывать. Поймите, я не был знаком с Рейхо в Чикаго, я только видел его раз или два, да и то восемь лет назад. Я вовсе не хочу, чтоб вы действовали лишь на основании моих слов.

— Струсили,— спокойно, но с угрожающими нотками заметил Тарджен.— А трусов мы не терпим. Кстати говоря, именно поэтому я здесь.

— Я просто не могу и не желаю брать на себя такую ответственность,— пробормотал Холледей.

— Вы не уверены, что Пэнн и Рейхо — одно лицо?

— Да. Не совсем уверен. Он что-то сделал со своей физиономией или изменил прическу. Повторяю, я не был знаком с ним лично.

— Вот поэтому-то мы и вызвали сюда эту особу из Фриско. Айлин Менке.

— Она знала Рейхо?

— Еще бы! Она была его любовницей, пока он не скрылся от нее.— Тарджен пошевелил толстыми губами, что, очевидно, должно было изображать улыбку.— Уж она-то помнит Рейхо. Женщину в таком деле не проведешь.

— Она уже здесь?

Тарджен вынул из кармана жилетки часы.

— Ее самолет прибыл двадцать минут назад, она вот-вот позвонит. Надо устроить так, чтобы она повидала Пэнна, оставаясь незамеченной.

— Ну, это проще простого. У вас есть его адрес и...

— Оставаясь незамеченной,— настойчиво повторил Тарджен.— Если Рейхо увидит Менке, он снова перепугается до смерти. Пусть думает, что ему ничто не угрожает, что он успел устранить Гемайла до того, как тот сообщил о нем. Вы кому-нибудь говорили о своем открытии?

— Что вы! Конечно, нет! — испугался Холледей.— Мне совсем не улыбается разделить участь Гемайла.

Зазвонил телефон, и Холледей даже подскочил от неожиданности. Тарджен тяжело поднялся с кровати и взял трубку. Говорил большей частью тот, кто позвонил, Тарджен ограничивался односложными ответами. Закончив разговор, он повернулся к Холледею.

— Звонила Айлин Менке. Она остановилась в гостинице «Риджуэй» под вымышленной фамилией и готова начать хоть сейчас.

Холледей кивнул и встал.

— Хорошо, я сделаю все, что в моих силах.— Он провел кончиком языка по губам.— Ну, а если она подтвердит, что Пэнн и Рейхо — одно лицо, что тогда?

— Не смешите меня. Хозяева точили зуб на Рейхо еще до того, как он убил Гемайла. Как, по-вашему, они настроены сейчас?

— Да, да, конечно,— смутился Холледей.— Я хотел спросить, как и когда?

— Вначале нужно присмотреться к нему, изучить его привычки. Обычно я предпочитаю... Ну, скажем, «несчастный случай».

Продолжение следует.

ПОСВЯЩЕНИЕ В ОХОТНИКИ

Борис БУРКОВ

Если вам придется совершить поездку по Чехословакии, обратите внимание на леса. Впрочем, вы это сделаете и без моего совета. Не увидеть их невозможно, как невозможно не заметить особого порядка в этих лесах.

...Высокие корабельные сосны или могучий бук, молодые ели или рощи дубов. Хвойный, лиственный или смешанный лес — в любом хозяйский глаз. Здесь властвуют лесники: грамотные, хорошо знающие свое дело специалисты, гостеприимные, общительные люди.

Секретарь Бенешовского райкома партии Иозеф Подрабский познакомил нас с директором лесного хозяйства в Конопиште, что километрах в шестнадцати от Праги. Знакомство произошло в не совсем обычной обстановке...

Вечерело. Шел первый месяц осени. Мы ехали по лесной дороге. Временами путь переходили фазаны. На озерах спокойно плавали дикие утки. Иногда по полянкам пробегали быстрые серны. Но вот вдали послышался лай охотничьих собак, а вскоре показался дом лесника. У ворот в своей обычной форме выстроились лесники с собаками. Затрубил охотничий рожок, и гости, выйдя из машины, встали по стойке «смирно».

— Вот и хозяин леса, Карел Мелен,— сказал секретарь райкома.

К нам подошел высокий, средних лет мужчина. Он представил своих помощников: Карела Плечека, который потом как егерь сопровождал советских гостей, Илека Викидала, проявившего впоследствии незаурядные способности «прокурора» на «судебном процессе». Но об этом я еще расскажу. А сейчас... как уже, очевидно, догадывается читатель, мы приехали не только полюбоваться лесом, но и поохотиться, имея специальное разрешение на отстрел серны. Не теряя времени, переоделись и углубились в лес.

Карел Плечек хорошо знал свой участок и, как мы говорили, наверняка наведет нас на «привязанную серну». Но мы обнаружили ее, лишь когда она стремительно метнулась прочь и скрылась в лесу. Не помог и манок, которым так искусно владел Карел.

Быстро темнело. А серна не подпускала к себе. С пустыми руками возвращаться не хотелось. Наконец метрах в 150 от нас показался долгожданный силуэт. Карел снова подманил серну. Она замерла. Раздался выстрел. Силуэт исчез...

— Пять минут на перекур,— сказал Карел.— У нас такой неписаный закон: не сразу подходить к подстреленному животному.

Карел шел впереди. Бегло осмотрев убитую наповал серну, он побежал к молодому дубу. Сломив ветку, Карел, словно совершая какой-то религиозный обряд, аккуратно приложил дубовые листья к серне, они обагрились кровью. Затем ветка была положена на форменную фуражку лесника.

— Поздравляю вас,— торжественно сказал Карел, обращаясь к советскому гостю, метко сразившему серну, и протянул ему фуражку с веткой.

Поздним вечером в охотничьем домике, где собрались лесники, советские и чешские журналисты, местные партийные работники, состоялся импровизированный концерт в честь посвящения в охотники тех, кто отличился сегодня.

Директор Карел Мелен и его два помощника оказались хорошими музыкантами. Они исполнили на духовых инструментах народные чешские песни, а потом, как только был окончен ужин, сыграли сигнал «внимание».

— Теперь начинаем судебный процесс,—совершенно серьезно объявил хозяин леса. Он назвал фамилию «прокурора», «помощника прокурора». «Защитником» стал журналист Иржи Лукаш. «Судебный процесс» был своего рода обрядом посвящения в охотники, с музыкальными антрактами, с остроумными речами прокурора, судьи и защитника.

«Судья» и «прокурор» говорили о красоте лесов, о любви человека к природе, о душе охотника, охраняющего природу и соблюдающего законы охоты. Похвалив нового охотника за дисциплинированность, суд решил присвоить ему звание почетного егеря...

Зазвучал рожок. Заслышав призывный сигнал, залаяли во дворе собаки. Народной песней о дружбе закончился обряд, посвященный новым знакомствам, новым друзьям.

Нам сказали, что директор лесного хозяйства, кроме специального высшего образования, имеет и музыкальное. Мы узнали его помощников, образованных, остроумных, жизнерадостных людей. Таких здесь много. О них нам рассказывал и Иозеф Подрабский, знакомя с районом. А жизнерадостность, человечность и деловитость секретаря райкома мы видели сами.

Мы заезжали в районе на один машиностроительный завод, который может гордиться высокой культурой производства. Чистота заводского парка с его цветниками хорошо характеризует не только директора завода Рудольфа Берана, но и весь коллектив.

Я рассказал о встрече с друзьями из Чехии. У советских людей много таких друзей по всей Чехословакии.

В Словакии мы встречались с бывшими партизанами, воевавшими вместе с советскими воинами против немецких оккупантов. Поздним вечером приехали мы в «партизанскую хату», что недалеко от деревни Клак и небольшого городка Жарновицы. В горах Словакии развертывались ожесточенные битвы с фашистами. Из окна дома (в этом доме теперь время от времени собираются охотники — бывшие партизаны) в те дни строчил пулемет советского офицера. Могила его рядом с «партизанской хатой». На надгробном камне надпись: «Петр Хворост» — и живые цветы.

— Прийти сюда, как видите, дело нелегкое,— говорит секретарь райкома партии Стефан Сподне,— жилье далеко внизу. Однако на могиле нашего советского друга — всегда свежие цветы.

В тот день в вазочке с водой стояли горные незабудки. Инженер из Братиславы бывший комиссар партизанского отряда Антон Шагат показал нам партизанские секреты, откуда партизаны внезапно налетали на гитлеровцев.

Когда ночью у хаты запылал огромный костер дружбы, зажженный словацким лесником-охотником и советским журналистом, над горами понеслись партизанские песни.

Утром на горы спустился густой туман. С Антоном Шагатом и Миколасом Кицком мы обошли почти все партизанские тропы. И в каждом рассказе о прошлых боях и походах мы слышали добрые слова о советских боевых товарищах.

В Чехословакии у нас было много встреч, и каждый раз мы встречали настоящих людей, чувствовали их сердечность. Об этом я и хотел рассказать.

ПАМЯТЬ КАМЕНКИ ЛЮБЯ...

Здесь в Каменке, в усадьбе Василия Львовича Давыдова, ежегодно в день именин хозяйки Екатерины Николаевны собирались на тайные беседы будущие декабристы.

В бильярдной зеленого флигеля 24 ноября 1820 года проходил их съезд. Тогда Каменку впервые посетил Пушкин, принимавший горячее участие в крамольных беседах.

Парк по крутому склону спускается к Тясмину. У подножия горы — каменный грот, служивший летней столовой брату декабриста А. Л. Давыдову, отставному генералу, которого Пушкин нарек «Фальстафом».

Грот, укрытый вековыми дубами и кленами, стал местом тайных собраний и встреч членов Южного общества. Здесь любил бывать Пушкин. Много лет спустя народ назовет парк именем декабристов, а грот — «пушкинским».

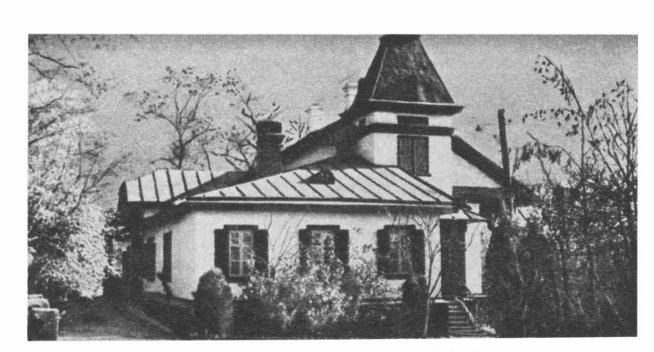
На берегу старого пруда стоит круглая башня оригинальной формы — «зеленая мельничка» декабристов, построенная в 1825 году В. Гавриловым и Е. Дмитриевым по плану Василия Львовича Давыдова. В зеленой мельничке проходили последние заседания декабристов накануне решающих дней, тут обсуждались «Русская правда» Пестеля — программа будущего республиканского устройства России — и тактический план восстания.

Вихрем налетел на Каменку грозный 1825 год. Утихли горячие политические споры, опустел, а потом совсем развалился старый барский дом на горе.

Прошло сто сорок лет со дня восстания декабристов. На руинах прошлого выросла новая Каменка — город рабочих.

И. ГРУШЕЦКИЙ

Каменка,
Черкасская область.

↑Зеленый домик.

Вход в исторический грот.↓

А если это любовь?

Георгий ГУЛИА

Рассказ

Рисунок И. УШАКОВА

— Послушай: а ведь я тебя совсем не знаю.
— Как это понимать?
— В прямом смысле.
— Меня зовут Теб. И мы знакомы уже два месяца.
— Знаю.
— Фамилия моя...
— Знаю!
— Я тракторист.
— Все это известно!
— Так чего же тебе еще надо?!

Он такой чумазый. Вроде трубочиста прежних времен. Теб Карчаа. Двадцати трех лет от роду. Не высокий, не низкий. Не толстый и не костлявый. Как говорится, мужчина в соку.

Она же была хрупкая, беленькая, чистенькая, складненькая. От роду ей девятнадцать. И звали ее Жоржетта Хурхмал — истая абхазка с парижским именем. И глаза у нее совсем черные, иссиня-черные. А у него — голубые. Скандинавские.

Он стоял под балконом. Она — на балконе. Ракурс был странноватый, и Теб Карчаа против своей воли любовался ее коленками. А у ее ног сиял сноп его буйных волос. Словно крона небольшого дерева. И нос торчал из кроны. Такой клюв, наподобие орлиного. Непонятно одно: откуда у этого трубочиста глаза, заимствованные из саг?

— Нет, я совсем, совсем не знаю тебя,— повторила Жоржетта, продевая носок туфли сквозь решетку, словно испанка в славном граде Севилье.

Теба этот носок насторожил.

— Ты издеваешься надо мной,— сказал он обидчиво.

— Я говорю правду!

Дело принимало серьезный оборот. С шутками надо было кончать. Раз Жоржетта ответственно заявляет, что держится правды и только правды, значит, от болтовни пора переходить к делу. Он тряхнул гривой, как лошадь на сухумских скачках. Еще секунда — и решение созрело вполне.

— Жоржетта!
— Слушаю.
— У меня стосильный трактор. На гусеничном ходу. Работает на солярке. Дизель...
— Какой, говоришь?
— Стосильный.
— И что же?
— Впереди у него такой лемех. Бульдозер называется.
— А это для чего?
— Чтобы землю сгребать.
— Куда сгребать?
— В разные стороны.
— Почему в разные?
— Можно и в одну.
— В какую?
— Это зависит от прораба.
— Того самого? Рыжего?
— Да, рыжего.

Носок скрылся. За балконной решеткой. И как раз в это время выглянула из-за облачка такая нахально-светлая луна. Не та, прежняя, с вольфрамовой спиралью накаливания. А новейшая, креоновая, наподобие ламп дневного света. И оттого особенно нахальная.

— И стосильная машина тебя слушается?— спросила Жоржетта этак недоверчиво, даже подозрительно как-то. Точно перед нею завзятый лгун, а не настоящий тракторист.

Он взглянул на часы: было начало двенадцатого.

— Жоржетта, ты не скоро ляжешь спать?
— А что?
— Подожди меня!

Он побежал по улице, тесной улице районного центра. Еще раз крикнул:

— Подожди!

Теперь, когда влюбленный тракторист совершает небольшую полуночную пробежку, мы имеем возможность посвятить читателя в небольшой, но дерзновенный план Теба Карчаа.

Если тебе не верят, ты должен доказать. А как лучше всего доказывать? Разумеется, делом. Теб Карчаа почувствовал, что отвлеченный разговор о тракторе не производит впечатления на девушку. Это все равно, что демонстрировать ей индикаторную кривую или работу поршней в разрезе. Женщины во все века обладали достаточной степенью практицизма. Не лишена этого качества, повидимому, и Жоржетта Хурхмал из Очемчир. Поэтому наметился один путь — путь наглядных доказательств. Надо действовать более или менее прямолинейно: сесть на трактор, пригнать его к балкону и покатать на нем Жоржетту. Вот только тогда она поймет, что значит стосильный трактор под умелым водительством! Решено. Бесповоротно.

Стальная громада освещена луной, как вершина Эльбруса. И так же сияет. Точно снежная.

Теб осмотрел машину, еще не успевшую остыть после дневных работ. Трактор завелся довольно легко.

Неожиданно в соседнем доме зажегся свет в окне.

— Эй, кто там?— крикнул полуголый завскладом. Он, видимо, не спал еще.
— Перегоняю!— сказал Теб.
— Что? Говори громче!
— Перегоняю, говорю!
— Куда?
— К морю.
— А ты не мог это сделать раньше?

Завскладом махнул рукой. И погасил свет.

Карчаа включил передачу. И махина загромыхала по мостовой, будя всех живущих и слева и справа по движению.

Ровно в полночь трактор подошел к дому, где жила Жоржетта. Легко сказать «подошел». Разве огнедышащая гора может подходить? Она просто наваливается на людей, на улицу, как слон. Не слон, а мамонт! Как два, как три, как десять мамонтов — клыкастых, обросших длинной шерстью...

Карчаа указал рукою на место рядом с собой:

— Садись, Жоржетта!

Она сбежала по лестнице, прошмыгнула в калитку и в немом восхищении застыла перед грохочущим металлом. Теб сбавил газ.

— И это твой?— спросила Жоржетта, не сводя глаз с гусениц, блестящих, как нержавеющие ножи.
— Да, мой.

Девушка взобралась на сиденье. Он сдвинул машину с места, и она поползла, сотрясая землю. Они проехали метров сто. Вдруг Теб резко передвинул рычаги, и трактор завертелся на месте, дробя под собою камни, словно крупу. У нее захватило дух. Она уцепилась за край сиденья, обитого дерматином, чтобы не выпасть из машины.

Потом он передвинул еще какой-то рычаг, и они понеслись назад. Мотор ревел, его рев подступал откуда-то изнутри к самому сердцу, и казалось, что невозможно стерпеть этот шум. Жоржетту подбрасывало вверх, клонило набок, трясло, как в лихорадке.

А трактор шел себе вперед упорно, неутомимо. Теб не жалел газу. Жал, что называется, на все педали. Он достиг конца улочки и снова завертел махину вокруг оси. Адская карусель чуть не вышибла из сиденья бедную Жоржетту. Однако она держалась молодцом. Прижала зубами нижнюю губу, чтобы не закричать со страху. Еще сильнее ухватилась за сиденье.

А он восседал как ни в чем не бывало. Как паша на подушках. В глазах его светился бесовский огонь. Его нос, казалось, приготовился клюнуть нападающего зверя. Огромные ручищи держали рычаги, словно ученическую ручку. Жоржетте казалось, что весь этот шум, все это слоноподобное движение, весь огонь в моторе — от его рук. Вернее, от его сердца, передающего силу рукам, от рук—к рычагам, от рычагов — мотору и гусеницам, сверкавшим на луне почище дамасских клинков.

Трактор перестал вращаться и поплелся вниз по улице. Не быстрее арбы, в которую запряжены буйволы. Девушке померещилось, что ее перенесли в легковую машину и бережно усадили на пружинном сиденье. И подбородок перестал трястись, и голова теперь уже не отваливалась, и из ушей выпали ватные пробки. Теперь она могла полюбоваться ночным пейзажем: домики, заборы, деревья медленно двигались мимо нее, будто Жоржетта плыла на лодке по озерной глади.

Он сказал:

— Кольца немножко поизносились... Машина дымит.

В самом деле перегаром пахло изрядно. Да и дым валил из выхлопной трубы, как из печной.

— Будем менять кольца,— сказал он солидно.

— Какие кольца, Теб?

— Кольца в цилиндре.

— В каком цилиндре?

— Во всех! Я уж давно говорил, что пора делать ремонт. Сжатие плохое.

— Какое сжатие?

— Обыкновенное. Которое перед рабочим ходом поршня.

Она больше не задавала вопросов. Все равно ничего не понятно: сжатие, кольца, цилиндр, рабочий ход... Правда, что-то знакомое и в то же время незнакомое...

Карчаа снова газанул. Трактор понесся так, что, казалось, разлетится от натуги на куски. Это очень страшно, когда лопается такая махина.

Мигом — Жоржетте показалось, что мигом — улочка осталась позади, и Теб вывел свою машину на пустырь. Фары ярко светили, выхватывая из темноты то ямы, то бугры. Теб Карчаа выбрал бугор повыше, с лязгом опустил огромный лемех, который красовался впереди трактора. Да так вгрызся Теб в этот самый бугор, да так сшибся с твердой землей, не желавшей уступать трактору ни в чем, что искры полетели во все стороны.

Трактор хоть и стосильный, а вроде бы спасовал на секунду. Нет, на долю секунды! Единоборство продолжалось считанные мгновения, и — о радость!— одолел-таки трактор, победил-таки Теб Карчаа! Бугор оказался начисто срезанным, и трактор потащил тонны земли куда-то в темноту.

Теб дал задний ход. Вытер пот со лба. Жоржетта, сияя почище луны, захлопала в ладоши от радости.

— Все! Все!— кричала она.— Бугра как не бывало! Молодец!

А Теб не радовался. Он был мрачен. Будто не он победил, а его самого свалили с ног.

— Кольца менять надо,— заключил он глухо. — Нельзя работать с такими кольцами!

Он достал из-под сиденья какую-то грязную тряпку и принялся чистить мотор, точнее, верхнюю часть его. Потом отвернул несколько гаек и снова привернул их. А мотор все это время работал. Правда, не очень шумно: как если бы три кузнеца били одновременно по трем наковальням.

Теб, словно бы рассердившись, вскочил на своего железного коня и повел его в ожесточенное наступление против нескольких бугров. Разровняв землю, он круто повернул свой трактор к городу.

У Жоржетты болела голова и тряслись руки. Она больше не видела ни луны, ни неба, ни улицы, по которой снова загромыхал трактор.

Вдруг в свете фар выросла какая-то фигура. «Прораб»,— промелькнуло в голове влюбленного.

— Ты что делаешь?— зловеще спросил прораб.

— Я?

— Да, ты!

Бывают минуты, когда за тебя говорит кто-то другой. Более находчивый, чем ты, более остроумный, чем ты. Точнее, он думает, а ты повторяешь громко за ним.

— Что делаю?— сказал Теб.— Езжу на нем.

И он кивнул на трактор.

— Зачем?

— Катаемся.

— С кем?

Теб указал на девушку — бледную, дрожащую, испуганную.

— Зачем?— спросил прораб.

— Она не верила, что кольца дымят.

— Как дымят?

— Очень просто. Их надо ремонтировать.

Жоржетта собралась с силами.

— Правда, очень дымят.

На рыжем лице прораба сквозь хмурь проглянула улыбочка.

— А зачем народ будите ночью?

Он отозвал в сторону тракториста.

— Кто такая?

— Она — Жоржетта Хурхмал.

— Любовь?

Опять же кто-то сказал вместо Теба:

— А если любовь?

Прораб ерошил волосы и тер заспанные глаза. А тракторист чувствовал себя прескверно. Как нашкодивший кот. Он больше всего боялся, чтобы не подумали чего-нибудь дурного о Жоржетте.

— Я куплю десять кило солярки за свой счет,— промычал он.

Прораб чуть было не расхохотался. Он сказал:

— Поставь трактор на место и иди спать.

Теб прыгнул на сиденье, как цирковой артист, оттолкнувшийся от трамплина. И, разумеется, газанул.

Она наклонилась к нему.

— Что он сказал тебе?

Он махнул рукой. И немного погодя прокричал:

— Если любовь, говорит, то можно!

Кажется, она расслышала эти слова. Но виду никакого не подала. А может быть, ее слишком трясло. Потому что когда он помог ей сойти на землю, она едва держалась на ногах. Едва подала руку на прощание.

— Тебе, наверно, достанется от прораба.

— Может быть,— сказал он.

— Он сердитый?

— Когда не высыпается.

— Очень жалею тебя...

— За что?

— Ты же после работы ко мне бегаешь.

— Так что же?

— После такой работы!..

Он подтянул брюки. Почесал лоб.

— Ладно,— сказал Теб.— До завтра. Если опоздаю, значит, ремонтирую кольца.

Теб Карчаа подождал, пока Жоржетта поднялась наверх. Она высунула голову из окна: дескать, все в порядке. А он осторожно, очень осторожно — как на цыпочках — отъехал от ее дома. Даже фары потушил.

Ради экономии.

Ибо луна светила достаточно ярко.

Полуночная южная луна, наполненная креоном.

Фото А. Петровского.

БРУМЕЛЬ НА НОГАХ!

Беседа с главным хирургом Института имени Склифосовского, членом-корреспондентом АМН, профессором Б. А. ПЕТРОВЫМ

Известный спортсмен, олимпийский чемпион по прыжкам в высоту Валерий Брумель поступил к нам два месяца тому назад с очень тяжелой и серьезной травмой — открытым многооскольчатым переломом правой голени с обширным размозжением мягких тканей, с большим дефектом кожи и повреждением магистральных артериальных сосудов.

В таких случаях речь идет прежде всего о том, чтобы максимально точно соединить костные отломки и укрепить их в правильном положении с помощью нержавеющей металлической пластинки, убрать все нежизнеспособные мышечные ткани и закрыть место перелома оставшейся здоровой кожей. Сделать это было поручено доктору И. И. Кучеренко.

Первые три-четыре недели борьба велась за сохранение ноги, и состояние больного было очень тяжелым. Строгий покой, большая гипсовая повязка, сильные антибиотики, переливания крови, плазмы, неусыпная забота хирургов — все это в конце концов помогло спасти ногу.

Через пять недель больному было разрешено спускать ногу на пол. После установившейся нормальной температуры гипсовая повязка была сменена на новую, и больному разрешили передвигаться на коляске. Улучшился аппетит, сон; больной стал поправляться. Опасения за судьбу ноги исчезли: стопа сохранилась живой.

Теперь, по истечении двух месяцев, Валерий Брумель ходит на костылях, в гипсовой повязке и имеет возможность даже опираться на больную ногу. Образование костной мозоли развивается успешно. Открытые раны также заживают. Однако дефект кожи, который был довольно значителен, потребует еще некоторых пластических операций.

В настоящее время наша главная забота — восстановление функций конечности, что, разумеется, потребует еще длительного времени. Все необходимое для этого — лечебная гимнастика, массаж, водные процедуры — уже начато.

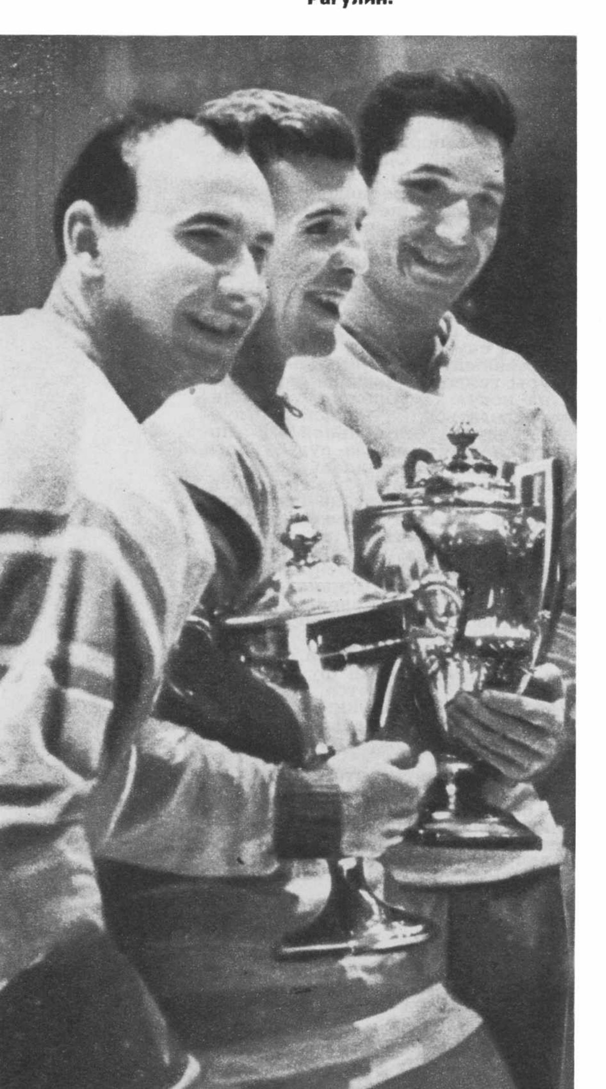
Следует отметить, что Брумель в первые тяжелые дни болезни после такой серьезной травмы вел себя с большой выдержкой, стойко переносил страдания, что, конечно, облегчало задачу хирургов и помогало им в этой трудной борьбе.

В. ВИКТОРОВ

ЧИСТОЕ ВРЕМЯ

Фото М. Боташева, Л. Бородулина.

Победа! С кубками капитан команды Борис Майоров. Слева — Александр Альметов, справа — Александр Рагулин.

Чехословацкие хоккеисты бросались под шайбу, кидались под коньки. Опасный прорыв Локтева.

IV

Итак, Альметов продолжает:

— До матча оставалось еще часа четыре не хоккейного, а обычного времени, и уже было все сказано, все продумано, и хотелось лишь одного — поскорее на лед. И вот мы снова втроем в своей комнате. Но уединения в такой момент все равно не чувствуешь: ясно представляешь себе, как ждут этого матча и здесь, в Тампере, и там, на родине, сколько сотен тысяч людей поглядывает сейчас на часы и, наверное, так же, как и мы, ведет счет каждой минуте.

Нас трое в комнате — Костя Локтев, я и мой друг детства Веня Александров. Они уже давно стали частью меня самого, так же, как и я, наверное, стал частью их. У Кости круглое лицо, добрые глаза, мягкая улыбка и неизменно аккуратный пробор. Может быть, он и шлема не надевает, чтобы не портить пробора? Как Костя умудряется сохранять всю игру этот пробор в первозданной прямизне и никогда при этом не получать повреждений? А Александров рано лысеет, и вообще пробор не по его вкусу. Но цену он себе знает и цену хоккейной игре знает. Зря в горячую кашу не полезет. Однако реальной возможности никогда не пропустит. Ну, а я сам каков, Альметов? Говорят, серьезный мужчина. Говорят, будто влюблен в быстроту. А в самом деле, какой я? Спросить ребят? Нет, пусть уж лучше подремлют. Им предстоит тяжелая задача — прожить час по хоккейному времени.

И вдруг голос Локтева: «Интересно, догадываются чехословаки, как мы будем играть?» Значит, и Костя думает о людях, с которыми будет играть. Все эти дни, на всех играх мы глаз не сводили с чехословацкой тройки. Голонку держать мне, Александрову —Иржика, а Локтеву — Шевчика. И защитники с этой тройкой действуют самые лучшие — капитан команды Тикал и тот самый Потш, который нам запомнился еще по Скво-Вэлли. Во всех играх чехословацкой сборной, с кем бы она ни вела борьбу, мы видели себя тоже на льду, подставляли грудь под летящие шайбы, выманивали Дзурилу из ворот...

Перед отъездом на стадион, укладывая свое снаряжение, я думал о Владо Дзуриле. И на разминке, когда шайбы черным пунктиром испятнали аккуратно отшлифованный лед, все поглядывал на него. Как пить дать, будет лучшим вратарем чемпионата... А когда мы начали игру, оказалось, что в воротах стоит Надрхал...

Что же это значит? Почему чехословацкие тренеры отказались от вратаря, который всех в Тампере восхищает своим мастерством? Кто мог ответить на этот вопрос, да и было ли время искать на него ответ? Уже потом мы поняли, в чем причина такой неожиданной замены. Дзурила в Инсбруке в самые первые минуты матча с нами пропустил одну за другой три шайбы. Тогда его заменил Надрхал. Вот Боузек, видимо, и считает, что Дзурила и теперь будет стоять неуверенно.

Но Надрхал в воротах оказался не единственной неожиданностью этого матча. С другой мы столкнулись сразу же после судейского свистка, когда двинулась в свой путь стрелка стадионного хронометра. С первых же секунд игры, когда мы, осуществляя намеченный план, начали матч в спокойной, неторопливой манере, мы убедились, что и чехословацкие хоккеисты не торопятся. Куда девался их темп, знакомая азартность и быстрота движений? С каких это пор чехословацкая сборная играет на средних скоростях?..

V

Шайба у нас. Не торопиться... Пас. Александрову на правый край... Атакует Голонка. Шайба у Шевчика. Локтев вплотную... Шевчик передал Иржику. Атакуют. Ничего... Рагулин и Иванов на месте. Пора разобрать подопечных. Не дать им дышать. Хотите атаковать? Эту возможность мы готовы предоставить лишь вашим защитникам. Пусть поработают! А нападающим шайбы не видать. Будем держать их вплотную. Это называется прессинг, или персональная опека. Как вам больше нравится. Но прессингу время, атаке час! Как всегда, атаку начинаю я... Или Локтев. Александров будет завершать. Но все это не торопясь. Ошибок быть не может. Действовать наверняка. Нападающим шайбу не давать. Пусть защитники поработают за них и за себя.

Старшинов на поле. Значит, замена. Ну что же, отдохнем... Отдышимся. Посмотрим, что получается. Чехословаки сбиты с темпа. Но что это? Они обостряют? Сбит Старшинов! Александров шепчет: «Держи себя. Помни, сейчас все решается. Не отвечай. Держи себя». Кого он убеждает? Себя? Старшинова? А с другой стороны Локтев твердит: «У кого раньше начнет получаться, тот и победит».

...У Иванова явно не получается. Дорого обошлась ему стычка с Клапачом. Браун поднимает руку. Придется им обоим посидеть на скамье штрафников...

Значит, за борт. К двум защитникам подключается армейская двойка... Как тихо на трибунах! Удары шайбы о борт и прерывистое дыхание игроков, отрывистые слова, тикание секундомеров — все звучит громогласно.

Володю Брежнева усадили на две минуты за захват, а Иванов еще не вышел. Теперь нас трое против четырех... Трудно! Не хватает дыхания... Как преградить дорогу чехословацким нападающим? Кузькин и Давыдов ложатся под шайбы! С такими защитниками можно продержаться... Ну, наконец-то. Вот он, Иванов, выскакивает на лед! Давайте подмогу! Скорей! Но Чернышев не теряет

Окончание. См. «Огонек» № 49.

и мгновения — Александров рядом. Еще минуту продержаться... Ну все, теперь можно уступить место Фирсову, Якушеву, Волкову...

Снова мы рядом на скамье. Кто-то заботливо вытирает лицо, сочувственно улыбается Боря Майоров. Тяжело дышит Александров, и свежий шрам на щеке — рассекли клюшкой на товарищеской игре в каком-то финском городке уже по дороге в Тампере — не так заметен. Удивительное дело. Вот у Бори Майорова лицо боксера: примятый нос, разбитые надбровные дуги. И у Александрова лицо в шрамах. А ему, Альметову, хоть бы что: ни отметинки. И все равно у него лицо хоккеиста. В чем тут дело? Выражение такое?!

А что на поле? Тишина! Вот почему он думает сейчас о мужской красоте. И это хорошо. Значит, приходит настоящее, а не показное спокойствие. Оно больше всего нужно нам в этом матче. Но откуда затишье? Давайте разберемся... Чей там ход? Черных или белых? И не пахнет ли эта партия ничьей? Солидной гроссмейстерской ничьей? Четыре минуты игры, и ни одного гола. Нет, тут дело в другом. Просто Фирсов, Якушев и Волков хорошо отсекли чехословацких Майоровых — братьев Холик и Клапача от шайбы. Молодцы ребята!

Старшиновская тройка выходит навстречу Черны, Недомански и Прылю. Вот сейчас что-то будет! Шайба у Старшинова... Пас Майорову... Шайба у Ионова... Снова у Старшинова... Бросок... Зажглась, зажглась долгожданная красная лампочка! Сколько на секундомере? Шесть минут пятьдесят пять секунд чистого времени. Сквозь знакомый клич трибун: «Молодцы» — доносится до нас спокойный голос Чернышева: «Замена».

«Замена» — одно лишь слово. Но в нем сейчас многое. «Берегитесь! Они сейчас закрутят карусель. Приготовьтесь!» — вот что в одном коротком слове «замена». А Тарасов просто поднимает над головой свои руки, словно благословляя нас, свою тройку, на бой.

Так и есть! Хруст клюшечных крюков, пулеметный треск шайб. Лишь бы успеть разобрать подопечных. Шайба у Иржика... Неужели прорвется? Где Иванов? Где Рагулин? На местах! Как угадать, кому паснет Иржик? Голонке? Шевчику? А может быть, кому-нибудь из защитников? Но шайба по-прежнему у него. Иржик прет вперед, как машина, шлифующая лед. И снежная пыль веером летит из-под коньков. Прорвался!.. Ну, держись, Виктор... Коноваленко забит в ворота. А шайба нет!..

...Новый натиск. Но его уже отражает тройка Фирсова... Никак не отдышаться. Очень опасный момент. Молодец, Кузькин! Чехи снова вчетвером... Ну, значит, наше время...

Чехословацкая защита замотана. Теперь легче пробиваться к воротам. Шайба липнет к клюшке. Пас разыгрываем, как на тренировке. Бьет Локтев... Надрхал на месте. Попробую сам... Надрхал на месте. Бьет Александров... Выше ворот. Выше непробиваемых прозрачных ограждений, и шайба навсегда исчезает в пучине трибун... Будет лежать сувениром на чьем-нибудь столе.

Ну что ж, пусть теперь с новой шайбой поработают якушевцы... Не дал отдохнуть судья. Волков и Чапла на скамье штрафников. И сразу за ними Клапач. Значит, надо на лед... Играем вчетвером против трех... Но Надрхал непробиваем.

Усталость берет свое. Весь матч постепенно сливается в одно мелькающее целое... Все труднее следить за ним... Играют старшиновцы... Но мы все равно в игре... А чехословаки что? Неузнаваемы! Неужели развязка близка?.. Александров шепчет рядом: «Думай. Думай». Александров с зашитой щекой. Недаром он всегда утверждал, что опасна не шайба, а клюшка. От шайбы всегда можно увернуться... Он не любит, когда его бьют клюшкой. Но на этот раз Александров молодец. Хорошо заучил свой урок. Уже семь раз заселялась скамья штрафников, а его там не было ни разу... «Давай еще потерзаем защитников», — говорит Костя Локтев. Но, прежде чем мы успели это сделать, ударил Кузькин. Издали... В едва уловимый просвет между вратарем и защитником. Гол!.. Второй гол!..

Но почему в воротах другой вратарь? Это Дзурила! Неужели заменили? Как в Инсбруке? Вот еще одна неожиданность. Не часто меняют вратарей во время матча. Вот как бывает: Коноваленко стоит отлично, а Надрхал снят с игры.

Идут атаки чехословаков. Но план выполняется, бьют чаще их защитники, чем нападающие. Бьют издали. Значит, отчаялись прорваться к воротам... Теперь Фирсов покидает поле... Пора на лед. Сколько остается до конца периода? Пять минут двадцать четыре секунды!.. Целая вечность!.. На две минуты выводят Брежнева. Как раз две минуты до конца периода... Ну и стараются Рагулин и Иванов! Как перехватывают шайбу!.. Но с Голонкой долго не протянешь в численном меньшинстве. Напор нарастает... Прижимать шайбу к борту! Почаще прижимать шайбу! Болит все тело от ударов о борта... Ну, теперь недолго...

И вот он, блаженный отдых вврастяжку, неторопливые советы тренеров. Они все повторяют одно и то же: «Не давайте шайбы нападающим. Не грубите. Не рискуйте...»

И весь второй период был точно разыгран по этому рецепту. Случайностей не было. Тройка Голонки выключена из игры. Это не так-то просто, а со стороны, наверное, неинтересно: никто не играет. Ну что же, пусть эти двадцать минут не понравились зрителям. Позиционные партии даже известных шахматных гроссмейстеров кажутся скучноватыми. «И все же второй период наш!» Кто это сказал, когда мы вернулись в раздевалку? А может, никто? Это ясно без слов. «Нужна еще одна шайба». И эти слова, кажется, никто не произнес вслух... Нужна еще одна шайба?.. Вот она, эта шайба! На исходе четвертой минуты третьего периода, когда Фирсов сидел на скамье штрафников, капитан чехословацкой сборной Тикал забил эту шайбу. Счет 2 : 1... Как это ему удалось? Они все бросились под шайбу Тикала, но она просвистела у плеча Рагулина, под рукой Иванова... Значит, разрыв всего в одну шайбу. Значит, у чехословаков реальная возможность отыграться... Да, это так. Но Тарасов шепчет: «Ребята, ничего не случилось. Мы ведем». Тарасов всегда такой: на тренировках — резкий и требовательный, во время игры — мягкий, ласковый. Как он успевает все увидеть, все заметить, все запомнить? Что за нервы у этого человека?

Ну и головоломка! Электрические разряды надо льдом... Может быть, поэтому крюки клюшек обмотаны изоляционными лентами?.. Попробуй сохрани спокойствие!.. И вот результат: на скамье штрафников — Волков!.. Ужасная пытка меньшинством... Ложатся под шайбы ребята. И не движется стрелка хронометра... Нет, к черту, больше на секундомер не смотреть... Но и чехословакам нелегко. Голонка изнемогает... В паузах он почти лежит на скамье и над ним непрестанно хлопочет врач, как над боксером в нокауте... Голонка — это наша армейская работа! Да, Голонка не тот! И Тикал не тот! Первыми сдают ветераны. Но ведь Черны также неистов, и Потш также твердо стоит на ногах. А Недомански как? Молодая надежда чехов?.. Выходит из себя!.. Но он опасен.

Главное — продержаться до перемены ворот. Как поменяемся местами, будет легче. Надо убедить себя в этом. Но десять минут — как вечность... Все труднее восстанавливать дыхание. Коротки минуты отдыха, длинны минуты игры... Знакомые симптомы. Было время изучить их за эти годы... От Скво-Вэлли до Тампере... «Ничего, ничего, ребята, важно держать себя!» Кого я успокаиваю? Самого себя? Своих партнеров?.. Или спартаковцев? Когда они на поле, легче дышится на скамье запасных. А Толя Ионов каков!..

И вдруг словно ослепительная вспышка. Черная пуля в рукавице Коноваленко... И снова! Это Черны и Недомански. Как внезапно они прорвались. Ну, а броска Старшинова разве кто-нибудь ждал? Таков уж хоккей!..

Старшиновцы не раз заставляли трепетать Дзурилу. Сейчас попробуем мы! Каков Дзурила на финише? Это, может быть, наш последний выход... Ну как, соберемся, ребята? Нужна еще одна шайба!..

Отдать Александрову... Бросок... Нет, шайба в коленях вратаря... Вот она, моя позиция: бросок из-за ворот. Шайба под вратарем. А на нем пирамида — Александров, Тикал, Потш... Сколько до конца? Минуты четыре?.. Играют старшиновцы. Пошли последние минуты... Вперед, Якушев! А для нас матч закончен?.. Так уж и закончен! Ведь мы все равно на поле! Сейчас на поле все тридцать четыре игрока и четыре тренера... Последние секунды. Но ведь это секунды чистого времени! Шайба еще может побывать и в тех и в других воротах...

Одна минута до финиша, но стрелка снова замерла. Последние замены... Выходит Голонка. Значит, рано зашабашили? Александров натягивает рукавицы. Локтев тоже готов... Нет, замены не будет. Играет тройка Якушева...

Но что это? Почему опустели чехословацкие ворота? Куда девался Дзурила? Капитулировал? Нет! Вместо него выпущен шестой полевой игрок!.. Недомански. Вот на что решились Боучек и Костка! Играют ва-банк! Хотят использовать численный перевес при вбрасывании у наших ворот.

Вот еще одна неожиданность этого матча! На поле шесть лучших чехословацких бойцов. Они играют без вратаря. И сейчас они бросятся на Коноваленко — Голонка, Шевчик, Иржик, Недомански, Тикал, Потш... Удержать! Уследить!

Свисток! Удар шайбы о борт... Она прикрыта клюшками, коньками, коленями... Куда отскочит?.. Вот она — на крюке Фирсова!.. Пас Волкову!.. Отбойный удар!.. Волков отправил шайбу в сторону открытых чехословацких ворот... Она медленно скользит по полю. Все чехословаки у наших ворот. А вон пустые их ворота... Скользит шайба по пустому полю, и глаза всех обращены к ней — игроков на льду, запасных на скамьях, тренеров, зрителей, судей, телеоператоров. И полнейшая тишина, как в самом начале матча...

И вот еще одна, последняя неожиданность...

* * *

Это третья шайба, проскользнув через все поле, оказалась в пустых воротах в тот миг, когда секундомер показывал девятнадцать минут девять секунд третьего периода. Таким образом, до конца игры оставалась 51 секунда чистого времени. И эти секунды, конечно, ничего не могли изменить. Может быть, поэтому о них мне Альметов ничего не стал рассказывать, а для меня последние полминуты матча промелькнули в каком-то тумане. И когда я встретился с Александром Альметовым уже в Москве, во Дворце спорта на Ленинградском проспекте, мне захотелось расспросить его об этих последних секундах.

Альметов сидел на скамейке у хоккейного поля, усталый, потный, и, совсем как в Тампере, во время схваток с чехословацкими хоккеистами, не сводил глаз со льда. А рядом с ним, как и обычно, сидел Вениамин Александров. Тренировка шла по-настоящему, но я все же решился вернуть Альметова в Тампере... хотя бы на пятьдесят секунд.

— О чем вы думали в те последние полминуты? — спросил я его.— Или хотя бы после того, как прозвучала финальная сирена?

— О чем думал? — переспросил Альметов.— Точно не помню, но кажется мне...— И тут же, не закончив фразы, мгновенно вместе с Александровым перемахнул через борт и включился в игру.

И снова идут атаки — азартные, стремительные, совсем как в настоящей игре, только стрелка стадионного секундомера замерла на цифре «12». Но время не остановилось. Оно бьется в кулаке тренера. Хоккей не может существовать вне времени... И голос Тарасова врывается в перестук шайб: «Побольше выдумки. Фантазия в любых дозах». И вдруг в одно мгновение рядом со мной снова оказываются Альметов и Александров. Они, словно соколы, спустились с неба, сидят на борту, свесив ноги, глаза блестят, по лицам течет пот. И Альметов в такт прерывистому дыханию как ни в чем не бывало продолжает оборванную на половине фразу ...о будущем... о новой встрече с чехословаками... в Любляне... Вспомните мое слово, там их команда будет еще сильнее... Мы ведь ее здорово обкатали... Там, в Тампере.

СОХРАНИМ ПОТОМКАМ

Н. ТАТАРСКАЯ

Женский портрет. 1919 год.

Моисей. 1939 год.

Вот уже в течение недели я часами хожу по залам Саранской картинной галереи. В эти дни здесь непривычно пусто. Галерея закрыта. Готовится выставка работ мордовских художников. Жюри отбирает лучшие работы; художники сами развешивают картины. Но их голоса не нарушают тишины, не мешают сосредоточиться, бурные споры ведутся полушепотом... И я подолгу стою то у «Партизана», то у пьедестала, на котором, мудрый и величественный, возвышается библейский старец Моисей; то любуюсь прекрасной юной чилийкой; потом снова возвращаюсь к «Партизану». Глаза его закрыты, губы нервно сжаты. Но он не спит — это скорее полузабытье... На бронзовой пластинке скупая надпись: «С. Д. Эрьзя, 1943 год».

Где-то в далекой Аргентине скульптор увековечил русского партизана, жертвующего жизнью за Родину. За свою Родину и его — Степана Дмитриевича Нефедова — скульптора Эрьзи.

Это второе имя художника — Эрьзя — уже не сходило со страниц газет и журналов многих стран мира, но еще мало кто знал, что оно означает: Нефедов, став прославленным русским Роденом, носил имя своего маленького мордовского народа, эрьзи, как частицу родины.

На каждую новую работу скульптора находились десятки покупателей; за «Партизана» ценители искусства за рубежом, потерявшие счет своим доходам, предлагали огромные деньги, справедливо считая, что иметь в своей коллекции работу Эрьзи — редкое счастье. Но упрямый старик наотрез отказывался расстаться хотя бы с одной из своих скульптур. Он мечтал их все увезти с собой на Родину и принести в дар своему народу.

Шла война. Осуществление мечты откладывалось. Степан Дмитриевич жадно следил за скупыми сообщениями. Еще одна победа, еще!.. И, наконец, май 1945 года...

«Ваш дядя живет одной надеждой — как можно скорее вместе со всеми своими работами вернуться домой»,— писал в Москву племяннику С. Д. Эрьзи друг скульптора, аргентинский журналист Луис Орсетти.

В другом письме он рассказывает:

«На выставке один спросил меня, указывая на дядю, славянин ли он.

— Да,— ответил я, понимая, что за этим скрывается.

— Белый?

— Нет, красный, — решительно сказал я и взглянул на дядю.

Старик утвердительно кивнул головой и объяснил на своем «полуязыке», что скоро вернется на родину и что за границу выехал с согласия советского правительства».

Вернемся же несколько назад. Вспомним, что мы сами знаем об Эрьзе. Вспомним, что впервые с работами скульптора Степана Дмитриевича Эрьзи советские зрители познакомились в Москве, на Песчаной улице, на выставке, открытой в его студии.

Седой, не очень приветливый и неразговорчивый человек медленно ходил по своей мастерской, изредка вступая в разговор с посетителями. Он отвечал на их вопросы, ласково поглаживая куски дерева квебрахо и альгарробо, в которые вдохнул жизнь... Впервые он открыл этот идеальный материал для скульптуры в 1926 году, когда вместе с другими советскими художниками выезжал на выставку за границу. Причудливые формы стволов квебрахо и альгарробо будили фантазию художника. Послушные резцу, подкупающие жизненностью и теплотой тонов, эти уроженцы Аргентины с тех пор словно приковали к себе скульптора и на много лет связали Эрьзю с той страной, где росли привольно и в изобилии.

Почти четверть века прожил скульптор в Аргентине, за тридевять земель от горячо любимой им родной страны, в тоске по ее просторам, языку, обычаям. И все эти годы неутомимо творил для своего народа, словно торопясь запасти побольше сокровищ ко времени своего возвращения.

Он был уже очень стар, когда наконец сбылась его мечта. Вместе с ящиками, куда бережно уложили лучшие работы, Эрьзя привез еще и запасы дерева: у себя дома он хотел создавать портреты людей нового, пока еще незнакомого ему поколения.

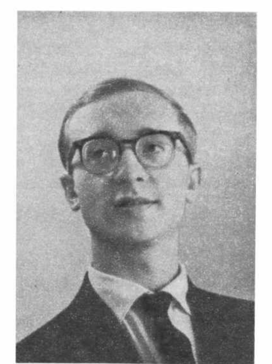
Эрьзя вернулся полный сил и творческих замыслов. Но Россия еще не знала своего мастера, столь прославленного за рубежом.

С его первой выставки одни уходили восхищенными, другие в раздражении оспаривали творческую манеру художника. Только равнодушных не было среди тех, кто знакомился с творчеством Степана Дмитриевича Эрьзи.

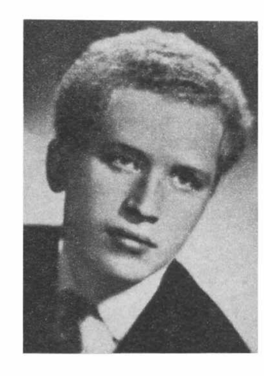
ЗОЛОТЫЕ МЕДАЛИ — СОВЕТСКИМ МУЗЫКАНТАМ

Оксана Яблонская.

Алексей Любимов.

Олег Каган.

Из далекого Рио-де-Жанейро пришла отрадная весть: золотые медали лауреатов 4-го Международного конкурса пианистов присуждены советским музыкантам — Оксане Яблонской и Алексею Любимову.

Конкурс этот традиционен для стран Южной Америки. Впервые он проводился в 1957 году. Наши пианисты Сергей Доренский и Михаил Воскресенский заняли в нем соответственно 2-е и 3-е места.

На заключительном туре конкурса 1965 года Оксана Яблонская играла Четвертый концерт Бетховена, Алексей Любимов — Первый концерт Прокофьева. Оба пианиста привлекли симпатии публики, жюри и даже бразильских оркестрантов не только блестящим своим мастерством, виртуозностью, свободой владения инструментом,— слушателей поразили яркий темперамент, необычайное вдохновение и подлинный артистизм, с которым были исполнены эти шедевры музыкальной классики. По словам председателя жюри конкурса, «лучше играть невозможно».

Аспирантка Московской консерватории Оксана Яблонская не впервые выступает на международной арене. В 1963 году на конкурсе имени М. Лонг и Ж. Тибо в Париже она получила серебряную медаль. Воспитанница Центральной музыкальной школы при Московской консерватории, Оксана сейчас там преподает. В консерватории она занималась у А. Б. Гольденвейзера, в аспирантуре — у профессора Т. П. Николаевой.

Имя Алеши Любимова время от времени появлялось на концертных афишах и в прессе еще в те годы, когда он вместе со своим другом и тезкой Алешей Наседкиным учился в ЦМШ у замечательного педагога А. Д. Артоболевской, воспитавшей немало талантов.

Сейчас Алексею Любимову 21 год, и первый в его жизни международный конкурс принес ему большой успех. Победа эта досталась ему в соревновании с опытными, зрелыми мастерами. Он бывший ученик Генриха Густавовича Нейгауза и теперь, на 3-м курсе консерватории, продолжает заниматься с доцентом Л. Н. Наумовым, прежним ассистентом Г. Г. Нейгауза. Школа Нейгауза сказывается на всем творчестве учеников этого поэта фортепьяно.

Когда номер уже готовился в печать, пришло еще одно приятное сообщение, на этот раз из Хельсинки: на конкурсе скрипачей имени Сибелиуса первую премию и золотую медаль завоевал воспитанник Московской консерватории Олег Каган. Третью премию получил также москвич Валерий Градов, пятое место заняла Изабелла Петросян.

Только что прибывший из Хельсинки член жюри конкурса профессор Леонид Борисович Коган рассказал нам:

— Этот конкурс был не совсем обычным. Он проводился в Финляндии впервые в честь столетнего юбилея Яна Сибелиуса и был приурочен к празднику независимости страны.

Соревнование было трудным, в нем приняли участие 25 скрипачей из 15 стран. В жюри входили известные педагоги и музыканты с мировым именем, там была представлена вся Скандинавия, Европа, США... Три советских скрипача вышли в финал. Это большой успех нашей скрипичной школы.

Для 19-летнего студента Московской консерватории Олега Кагана этот конкурс не первый в жизни. Олег блестяще подготовился к соревнованию и за исполнение концерта Сибелиуса для скрипки с оркестром, помимо основной награды конкурса, получил специальный приз радио. Здесь немалая заслуга и его педагога профессора Московской консерватории Б. Е. Кузнецова.

Л. ГЕРАСИМОВА

В последние годы жизни Эрьзя создал скульптурные портреты казашки Ахмеджановой, московской студентки Тани, молодой матери...

Он умер в 1959 году, восьмидесяти трех лет от роду, завещая свое наследие землякам, народу Мордовской республики.

Около тридцати его работ — и среди них скульптуры, известные ценителям искусства во всем мире: «Бетховен», «Лев Толстой», «Голова Медузы», «Музыка Грига», «Шепот», «Грезы» — хранится в Ленинграде, в Русском музее. А сто восемьдесят шесть скульптур находятся на родине художника — в Саранске, столице народов эрьзя и мокша.

Судьба этих работ и заставила меня взяться за перо.

В четырех залах Саранской картинной галереи (два из них совсем маленькие) еле-еле размещается около шестидесяти скульптур. Остальные лежат в запаснике. Так именуется помещение, годное в лучшем случае для хранения спортинвентаря. Никакой вентиляции. Сырой, затхлый воздух. Толстый слой пыли... Она поднимается и вновь оседает вокруг при каждом очередном «проветривании». Зимой — холод, пронизывающий до костей, летом — удушливая жара. В такой атмосфере не выдержит не только дерево, столь восприимчивое ко всем изменениям температуры, даже металл не выдержит! И, наконец, никакой гарантии от пожара, если не считать двух увесистых огнетушителей, которые пока что мирно покоятся на полу, между скульптур.

Не будем обижать критикой людей, в чьих руках находится ныне наследие замечательного художника. Нет, наши упреки направлены не в адрес работников республиканского министерства культуры или администрации музея. И те и другие посильно стараются сохранить доверенные им замечательные произведения искусства. Но вот беда — именно **посильно**...

Несколько лет они тщетно пытаются добиться помещения для нового запасника, чтобы уберечь скульптуры от преждевременной гибели. Но ведь даже и запасник — это еще далеко не все! Что может продлить жизнь дереву квебрахо и альгарробо — влага, тепло или, наоборот, сухой и умеренный воздух? Как вести борьбу с древесными жучками, способными уничтожить творения всей жизни мастера в течение нескольких месяцев?..

Пока никто этого не знает, никто этим не занимается!

А ведь может настать момент, когда уже и делать все это будет поздно!

Уже появился первый тревожный сигнал: морщинки-трещинки на юных лицах аргентинки и чилийки да и на других портретах... А ведь чем-то предохранял же их от порчи скульптор! Но что он делал для этого? Где-то в запаснике еще сохранились остатки мастики, которую Эрьзя изготовлял сам. Из чего она? И неужели нашим химикам не под силу определить состав мастики и изготовить ее?!

Как это ни парадоксально, но ни у министерства культуры, ни у администрации галереи нет такой единицы в штатах, которая бы занималась всем этим, изучала творчество С. Д. Эрьзи, собрала — хотя бы в репродукциях — его ранние работы; а они находятся в разных городах: в Свердловске, где вскоре после революции молодой Эрьзя организовал первое на Урале художественное училище; на Кавказе, где он впервые попробовал на дереве свой волшебный резец...

Некому серьезно изучать и то, что уже собрано, — письма аргентинского журналиста Луиса Орсетти — друга Эрьзи, подлинные документы, которые рассказывают о большом и нелегком периоде в жизни художника. А ведь они написаны по-русски! Известно, что Л. Орсетти специально выучил наш язык, чтобы постоянно и близко общаться с прославленным скульптором. Сам Эрьзя за двадцать с лишним лет жизни за границей так и не выучил чужого языка и, по выражению аргентинского журналиста, «изъяснялся на полуязыке». Ведь дерево немо, а только оно одно интересовало Эрьзю на чужбине, и оно понимало, отзывалось, слушалось художника.

Письма Л. Орсетти — тоже большая ценность. Но бумага пожелтела, выцветают чернила. Строки стираются от времени. А каждую из них нельзя читать без волнения.

В Саранске хранится монография недавно умершего московского врача Г. С. Сутеева, еще не увидевшая свет. Во время первой империалистической войны Сутеев был начальником госпиталя, — там в качестве рентгенографа служил и будущий скульптор. Впоследствии Сутеев стал горячим поклонником таланта Эрьзи и из года в год следил за его творчеством.

Материалы эти проливают свет на жизнь художника, объясняют его порой противоречивые поступки. А главное, доказывают, что человек, художник может обрести счастье только на своей родине!..

Все документы ждут исследования. Уезжая из Саранска, я еще раз пришла в галерею. Теперь ее залы были заполнены народом. Около работ Эрьзи молча стояла молодежь.

Люди уходили и вновь возвращались к скульптурам...

Эрьзя умер. Но его произведения живут, и мы обязаны сохранить их для потомков.

Мужество. 1937 год.

Югославский драматический

У этого театра нет традиций, уходящих в далекое прошлое: ему всего 18 лет. Но молодость не помешала завоевать зрителей, определить свое лицо, стать театром серьезным, воспитывающим. Одна из основных задач югославского драматического театра — заставить зрителя глубоко, по-настоящему серьезно задуматься над проблемами современности.

И это сразу поняли советские зрители на спектаклях «Откровение» Добрица Чосича и «Заложник» по пьесе прогрессивного ирландского писателя Брендана Биэна.

Главный герой эпического представления — так можно определить жанр «Откровения» — деревня, не какой-либо один герой, а народ, восставший против оккупантов, простые югославские крестьяне, не желающие мириться с бесправием, гнетом фашизма.

В «Заложнике» удивительно смешалось комическое и трагическое. В самой постановке ощущается национальная специфика. Впрочем, эта черта свойственна в равной мере и предыдущему спектаклю. По-видимому, это стало определяющим в работе театра над репертуаром.

Гастроли югославского театра у нас заканчиваются. Но уже в январе следующего года один из актеров, М. Живанович, выступит во МХАТе в роли Егора Булычова в одноименном спектакле, в это же время в Югославии в театре будет работать Ю. Завадский над постановкой пьесы А. П. Чехова «Иванов».

Л. ФЕДОРОВА

Сцена из спектакля «Откровение».

Ольга Спиридонович и Йовиша Войнович в «Заложнике».
Фото А. Гладштейна.

Чукотка пленяет Берлин

Недавно многие читатели «Огонька» поздравили нашего фотокорреспондента Дмитрия Бальтерманца с большой творческой удачей — репортажем о далекой Чукотке.

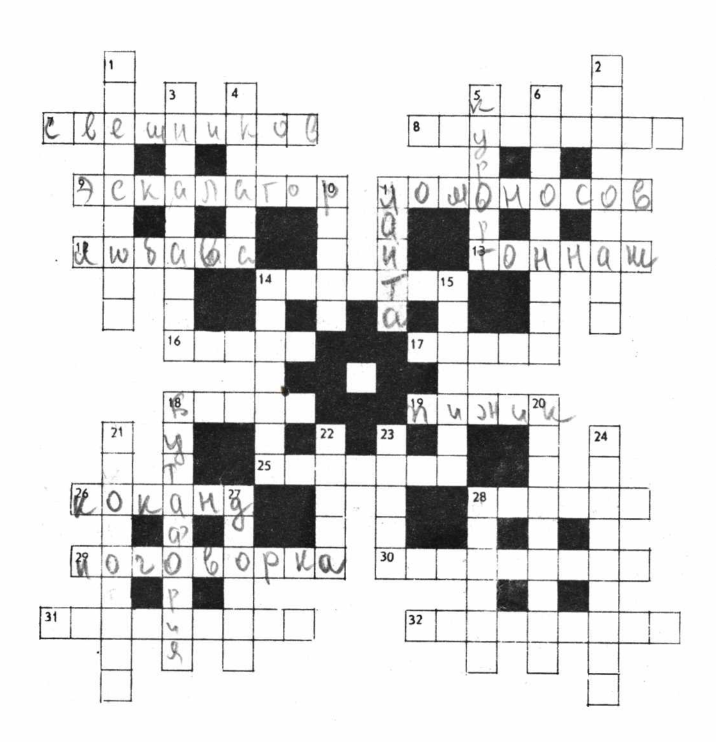
Теперь его можно поздравить вторично: серия снимков «Встреча с Чукоткой», экспонировавшаяся в Берлине на Международной выставке «За социалистическое фотоискусство», получила высшую оценку — «Гран-при». Это одна из 66 премий, завоеванных советскими фотомастерами на берлинской выставке.

На «Огонек»

На очередном заседании творческого клуба «Огонька» выступила специалист по современной греческой литературе переводчица Софья Ильинская.

Она рассказала о своей поездке в Грецию, о напряженных днях правительственного кризиса, о стойкости и героизме народа Греции, об огромном интересе и симпатии к Советскому Союзу.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Советский музыкальный деятель, собиратель русских народных песен. 8. Панорамное кино. 9. Движущаяся лестница. 11. Русский ученый и поэт. 12. Персонаж оперы Н. А. Римского-Корсакова «Садко». 13. Водоизмещение судна. 14. Трагедия Еврипида. 16. Героиня сказки английского писателя Л. Кэрролла. 17. Часть самолета. 18. Акробатический снаряд. 19. Мех олененка. 25. Птица семейства вьюрковых. 26. Город в Ферганской области. 28. Рыба, способная передвигаться по суше. 29. Краткое народное изречение. 30. Курорт на берегу Черного моря. 31. Певучая мелодия. 32. Миниатюрная скульптура.

По вертикали:

1. Камера для глубоководных исследований. 2. Отрезок прямой, соединяющий две несмежные вершины многоугольника. 3. Государство в Центральной Америке. 4. Музыкальный интервал. 5. Местность с природными лечебными средствами. 6. Картина И. М. Прянишникова. 10. Остров в Балтийском море. 11. Игра с мячом. 14. Отступление от главной темы для освещения побочного вопроса. 15. Река, впадающая в Берингово море. 18. Предметы театральной обстановки. 20. Горная система в Азии. 21. Железнодорожный служащий. 22. Басня И. А. Крылова. 23. Русский мореплаватель. 24. Цирковой боец в Древнем Риме. 27. Растение-насекомоед. 28. Приток Енисея.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

9. «Следопыт». 10. Теодолит. 11. Ларга. 12. Линде. 13. Галан. 17. Шарада. 18. Ушаков. 19. Шолапур. 20. Бунчук. 23. Удочка. 26. Тувим. 31. Наука. 32. Рубин. 33. Ермолова. 34. Клубника.

По вертикали:

1. «Аленушка». 2. Аделаида. 3. «Спорт». 4. Атбара. 5. Втулка. 6. Волна. 7. Фонетика. 8. Либретто. 14. Лазарев. 15. Шашки. 16. Шуруп. 21. Увертюра. 22. Черенков. 24. Оппонент. 25. «Каштанка». 27. Ураган. 28. «Игроки». 29. Сурок. 30. Обруч.

•

На первой странице обложки: Южные Курилы. Неля Смирнова и Светлана Борисова работают на острове Шикотан на рыбозаводе, где выпускаются знаменитые консервы «Сайра бланшированная». **На последней странице обложки:** Сахалинская зима.

Фото Н. Козловского.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

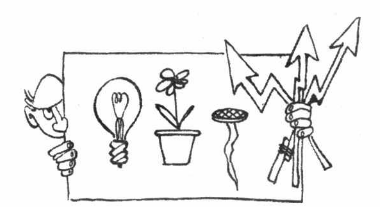
А 02124. Подписано к печати 10/XII 1965 г.
Формат бум. 70 × 108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Заказ № 3235. Тираж 1 850 000. Изд. № 2085.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Владимир КОНСТАНТИНОВ,
Борис РАЦЕР

Квартира и сатира

Фельетон

С тех пор, как жильцы в нашем доме узнали,
Что мы в сатирическом пишем журнале,
Буквально житья нам не стало в квартире —
Такая любовь пробудилась к сатире.
Чуть свет к нам ворвался сосед по площадке:
«Ну, я доложу вам, у нас и порядки!
Ведь лампочку в лифте опять не ввинтили,
Вы этот бы факт в «Фитиле» осветили!»
Затем прибежали четыре мамаши:
«Немедленно нужно содействие ваше!
У нас во дворе, как вы знаете, садик,
Когда же цветы там на клумбах посадят?
Напрасно в райздрав, в ДОСААФ мы ходили,
Пора пропесочить бы их в «Крокодиле»!»
Какой-то мужчина пришел к нам под ужин:
«Вам факт сатирический острый не нужен?
Я гвоздь обнаружил в перилах во вторник,
И только в субботу извлек его дворник!
Ведь это не дворник, а просто вредитель,
Вы злой эпиграммой его пригвоздите!»
Потом позвонила старушка... Короче,
Такая петрушка с утра и до ночи.
Конечно, приятно, что в каждой квартире
Так любят сатиру, так верят сатире,
Но чтобы цветы во дворе посадили,
Не нужно писать эпиграмм в «Крокодиле»,
Чтоб вытащить гвоздик какой-нибудь, скажем,
Не надо корпеть Кукрыниксам над шаржем,
Ей-богу, чтоб лампочку кто-то ввинтил,
Не нужно бежать к Михалкову в «Фитиль»—
Мы сами всем этим заняться должны,
А не Салтыковы тире Щедрины!

забавные мелочи

ЗАБАСТОВКА СУДЕЙ

Несколько английских судей решили объявить забастовку в знак протеста против жестких стульев, стоящих в суде с 1912 года. В ожидании мягких кресел судьи будут прекращать утренние и вечерние заседания суда на 15 минут раньше срока.

НЕ МЕНЬШЕ ДВЕНАДЦАТИ

Городской суд Афин уже в третий раз приговаривает к денежному штрафу семнадцатилетнюю Палантину Ксанисиданис за то, что она на улицах расклеивает объявления, в которых выражает готовность выйти замуж за того, кто позволит ей родить не меньше двенадцати детей.

НАЛОГ НА ДЛИНУ АВТОМОБИЛЯ

Дорожная сеть английского острова Джерси составляет всего 800 километров. Для того, чтобы финансировать строительство новых дорог, местные власти решили повысить налог на автомобили. Владельцы машин вместо 5 фунтов стерлингов будут платить от 8 до 30 фунтов — в зависимости от длины их машины.

ГАЛКА-СТОРОЖ

Как только незнакомый человек появляется во дворе Петра Чупурдии, жителя из города Нови-Пазар (Югославия), на него тотчас же налетает галка и с криком начинает кружиться вокруг головы до тех пор, пока из дома не выйдет хозяин.

Петр приручил свою галку Мару два года назад, и с тех пор она ревностно служит ему вместо сторожевого пса. У нее есть еще одна нагрузка: она заменяет и кошку, яростно расправляясь с мышами.

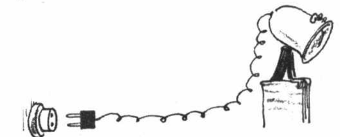
ОБЕЗЬЯНЫ В ГЛУБИНАХ МОРЯ

На острове Ява живут обезьяны, излюбленным лакомством которых являются моллюски, креветки и другие обитатели моря. Обезьяны ныряют в воду и даже нередко вступают там в ожесточенные бои с морскими хищниками.

На такой промысел обезьяны берут своих детей. Со временем они осваиваются с морской глубиной и охотятся самостоятельно.

ВМЕСТО РЕЧЕЙ — МУЗЫКА

Администрация международного конгресса акустиков, состоявшегося в Брюсселе, решила с помощью техники ограничить слишком говорливых делегатов. После определенного срока автоматически выключались установки для перевода выступлений на разные языки и из наушников начинала звучать музыка.

— Давай познакомимся! Фото В. Бережнева.

— Итак, настало время покончить с валом...
Рисунок О. Корнева.

— Я думаю, все-таки проще отнести полотер в мастерскую.
Рисунок Б. Боссарта.

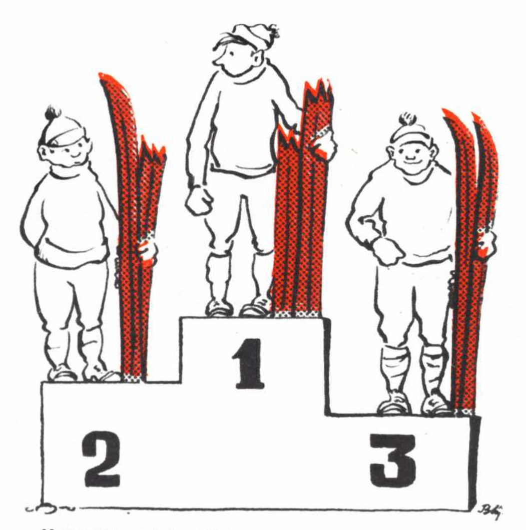

— А не пора ли мальчику спать? Рисунок Б. Боссарта.

А курить вредно...
Рисунок О. Корнева.

Силовой прием. Рисунок В. Жаринова.

Награждение слаломистов.
Рисунок В. Тамаева.

Опять что-то стилистика стала хромать.

Рисунки Ю. Черепанова.

— Наконец-то с манной кашей мы покончили!

— На этом мы заканчиваем наш репортаж из зоопарка.

— Тиш-ше! Клюет!

Рисунки Ю. Шляхова.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663